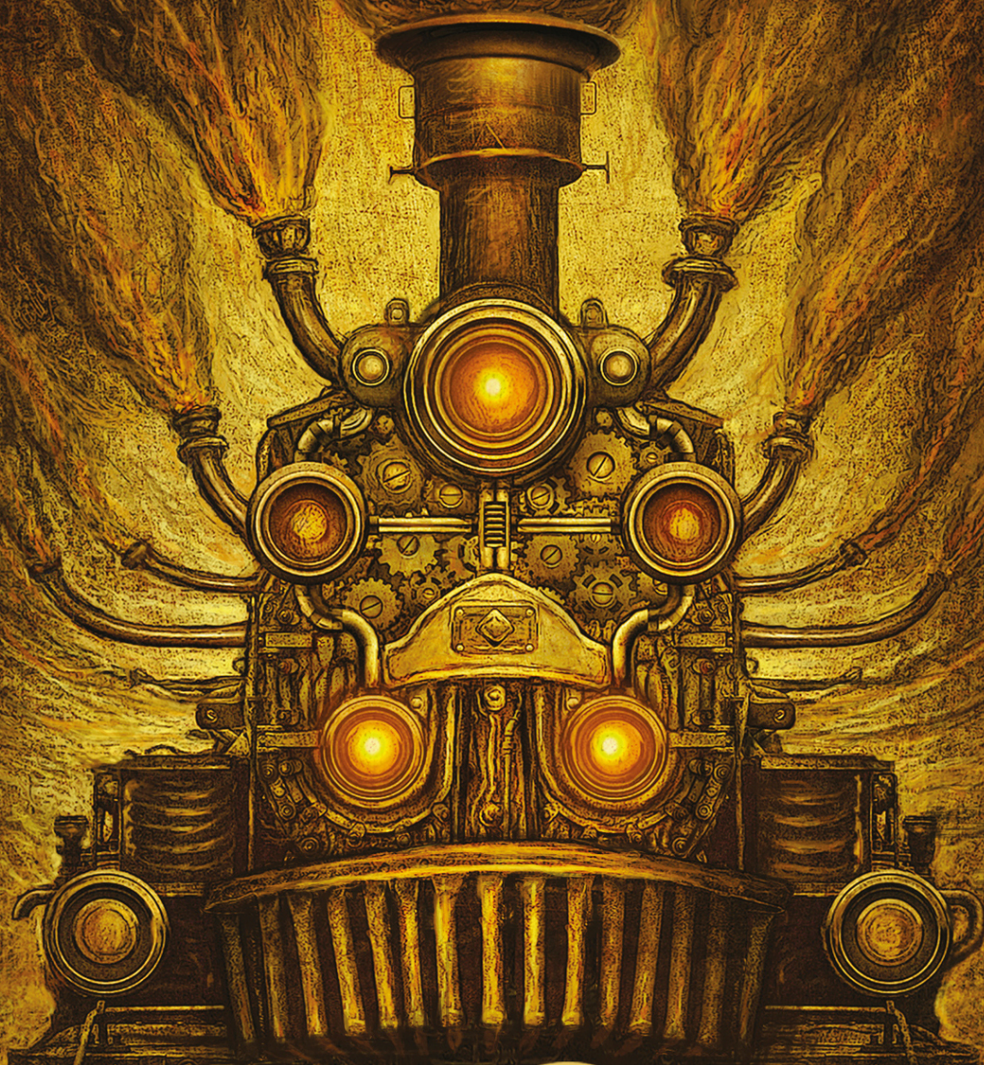

• ЧАЙНА МЪЕВИЛЬ •

Железный
Совет

fanzon

Нью-Кробюзон

Чайна Мьевиль
Железный Совет

«ЭКСМО»

2004

Мьевиль Ч.

Железный Совет / Ч. Мьевиль — «Эксмо», 2004 — (Нью-Кробюзон)

ISBN 978-5-699-65996-8

Действие этого романа происходит в мире «Шрама» и «Вокзала потерянных снов» – признанного фантасмагорического шедевра, самого восхитительного и увлекательного, на взгляд коллег по цеху, романа наших дней, лучшего, по мнению критиков, произведения в жанре стимпанк со времен «Машины различий» Гибсона и Стерлинга. Гигантский мегаполис Нью-Кробюзон трещит по всем швам – его силы истощает война с далекой державой Теш, диссиденты и лоялисты перешли от полемики к уличным боям, таинственные мороки разъедают саму ткань городского бытия. И вот разношерстная группа сорвиголов отправляется по следу бежавшего из Нью-Кробюзона големиста Иуды Лёва: по слухам, тот ищет легендарный Железный Совет – символ свободы на паровом ходу.

ISBN 978-5-699-65996-8

© Мьевиль Ч., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	31
Часть вторая	38
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	49
Глава 9	54
Часть третья	63
Глава 10	63
Глава 11	67
Глава 12	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Чайна Мьевиль Железный Совет

China Mieville

THE IRON COUNCIL

Copyright © 2004 by China Mieville

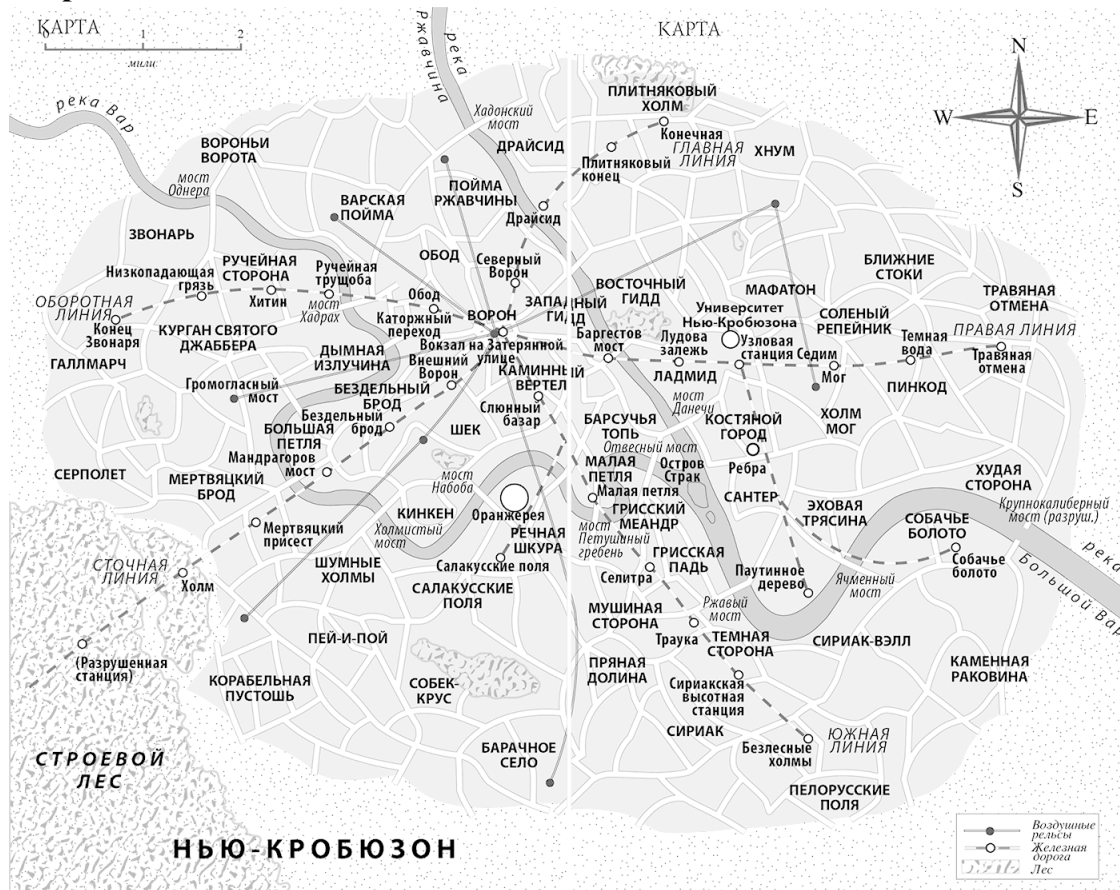
© Екимова Н., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Джемайме, моей сестре

Карта

За неоценимую помощь в создании этой книги я глубоко признателен Эмме Берчам, Марку Булду, Эндрю Батлеру, Мик Читэм, Диане Хоук, Саймону Кавана, Питеру Лейвери, Клодии Лайтфут, Фаре Мендельсон, Джемайме Мьевиль, Джиллиан Редфирн, Максу Шейферу, Крису Шлуну и Джесс Судальтер. Хочу выразить также бесконечную благодарность Нику Маматасу и Мехитобель Уилсон, а также всем сотрудникам «Макмиллан» и «ДельРей» за их работу.

И хотя я, как обычно, в долгу у бесчисленного множества писателей, за эту книгу я в особенности благодарю Уильяма Дербина, Джона Ила, Джейн Гаскелл, Зейна Грея, Сембина Османа, Тима Пауэрс, Т. Ф. Поуиса и Фрэнка Спирмана.

Воздвигнуть бегающие и странствующие памятники на площадях поездов.

Велимир Хлебников. «Предложения»

Давным-давно мужчины и женщины проложили железную дорогу через дикие земли, протащив за собой историю. Они неподвижны, их рты разинуты в боевом кличе. Они в неровностях дороги и в скальных расщелинах, в лесах, в кустарниках, в тенях кирпичных стен. Они в вечном приближении.

Еще раньше кто-то взобрался на гранитный уступ – на протянутый кулак горы. Густая пена леса застыла на ее вершине. Человек стоит над зеленым миром, где копошится пернатая и мохнатая фауна, – и не обращает на него внимания.

Вверх, мимо колонн из батолита¹, ведет проложенная им тропа, вдоль которой разбит палаточный лагерь. Между палаток движутся люди и горят костры, младшие братья пожаров, оплодотворяющих лесную почву.

Тот человек стоит один, на ветру, который вечно пронизывает давно минувший миг, так что от холода дыхание каплями оседает на его бороде. Он справляется с показаниями медлительного столбика ртути в стеклянном сосуде, барометра и измерительного инура. Он определяет, как высоко над брюхом земли и как далеко в горную осень забрался он сам и те, кого он привел с собой.

Они поднялись. Шагая друг за другом, они едва преодолели гравитацию, по веревкам влезая за пазухи карнизов и песчаниковых стен. Рабы своего снаряжения, они, как последние глупцы, притащили с одного конца света на другой разные странные штуки из меди, дерева и стекла.

Тот человек вдыхает давно прошедший миг, слушает, как кашляют горные звери и шумно борются деревья. Находя ущелья, он опускает в них лот, чтобы упорядочить их и тем самым познать, наносит на карту и дает названия своим рисункам, изучает длину и ширину почти-равнин или ледниковых впадин, каньонов, высохших русел, рек и поросших папоротником пампасов, делая их прекрасными. Там же, где сосны и ясени отступают, открывая изогнутое ложе дороги, он чувствует, что земля унизила его.

Мороз заберет у него шестерых спутников и оставит их, белых и застывших, лежать в вырытых наспех могилах. Гитвинги окропят экспедицию кровью, медведи и тенебры возьмут с нее дань, люди будут падать духом и сбиваться с пути в темноте, мулы будутдохнуть, раскопки пойдут прахом, кто-то утонет, кого-то убьют коварные туземцы, но это все потом. А пока человек стоит над деревьями. На западе путь ему преградят горы, но до них еще много миль.

Только ветер говорит с ним, но он знает, что над ним смеются и его уважают. Само его появление вызывает споры. На холмах его родного города в семьях начинается вражда, когда речь заходит о его подвигах. Одни говорят, что их устами глаголют боги, а его называют гордецом. Само его существование есть вызов миру, а его планы и пути отвратительны.

Человек смотрит, как ночь вступает в свои права. (До полной темноты еще далеко.) Он смотрит, как сгущаются тени, и, пока из лагеря не долетит стук оловянных ложек и запах жареной змеи, приготовленной на ужин, он будет наедине с горами, ночью и книгами, в которых перечислено все, что он увидел, указаны размеры равнодушных вершин и масштабы его желаний.

¹ Батолит – крупный массив гранитоидных горных пород, залегающий среди осадочных толщ складчатых областей земной коры. (Здесь и далее прим. перев.)

Он улыбается, и в этой улыбке нет ни пресыщения, ни самодовольства, ни коварства, — есть только радость, ибо человек знает, что замыслы его священны.

Часть первая

Ловушки

Глава 1

Человек бежит. Преодолевает древесно-лиственные стены, бессмысленные пространства Строевого леса. Деревья обступают его со всех сторон.

Лес все еще полон первобытных звуков. Лиственный полог раскачивается. Человек тяжело нагружен, он потеет, хотя солнца не видно за кронами. Он старается не потерять след.

Уже перед закатом он нашел нужное место. Плохо видные тропинки, проложенные всадниками-хотчи, вывели его к водоему, по берегам которого торчали из земли камни и корни. Деревья отступили. Утоптанную, обугленную землю заливала кровь. Человек распахнул мешок, расстелил одеяло, вытащил одежду и несколько книг. Затем положил какой-то тяжелый, туго запеленатый сверток на глинистую землю, где бегали многоножки.

В Строевом лесу похолодало. Человек развел костер, и тьма тут же окружила его плотным кольцом, но он не отрывал от нее глаз, как будто надеялся увидеть что-то важное. Звуки стали громче. Он слышал кашляющий крик ночной птицы, слышал, как дышит и возится невидимый хищник. Человек был настороже. У него были винтовка и пистолет, и он всегда держал наготове одно или другое.

Костер горел, время шло. Сон то накатывал на человека, то отпускал его. Просыпаясь, он каждый раз фыркал, точно выныривал из воды. Он был несчастен. Злость и печаль сменяли друг друга на его лице.

– Я приду и найду тебя, – повторял он.

Он не заметил, как настал рассвет: время просто скакнуло вперед, и деревья снова стали видны. Двигался человек скованно, точно его конечности были прутиками, отсыревшими от росы. Жуя вяленое мясо, он мерил шагами впадину и вслушивался в шорохи леса.

Услышав наконец голоса, он растянулся на берегу и стал вглядываться в просветы между деревьями. По тропинкам, покрытым гниющей листвой и лесным мусором, к нему приближались трое. Человек следил за ними, вскинув винтовку. Когда узкие клинья солнечного света вырвали их из темноты, он разглядел их, и ствол его винтовки опустился.

– Сюда! – закричал он.

Те бестолково завертели головами, ища его. Человек поднял руку над краем впадины.

Их было трое – женщина и двое мужчин, чьи одеяния еще меньше подходили для прогулок по Строевому лесу, чем его собственный. Они улыбались, стоя перед ним на песке.

– Каттер!

Рукопожатия, похлопывания по спине.

– Вас за версту слышно. А что, если за вами следят? Еще кто-нибудь придет?

Они не знали.

– Мы получили от тебя известие, – сказал мужчина, тот, что был пониже. Он говорил быстро и озирался. – Я пошел и увидел. Мы спорили. Другие говорили... ну... это, что мы должны остаться. В общем, ты знаешь.

– Да, Дрей. Они говорили, что я спятил.

– Нет, не *ты*.

Они не глядели ему в лицо. Женщина села, часто и тревожно дыша, грызя ногти; ветер раздувал ее юбку.

– Спасибо. За то, что пришли.

Они кивали или пожимали плечами, словно стряхивая с себя благодарность Каттера: ему самому было странно слышать эти слова, и он знал, что им тоже. Он постарался, чтобы голос его звучал не так насмешливо, как обычно.

– Для меня это важно.

Они сидели в яме и скрашивали ожидание, рисуя на земле палочками или вырезая фигурки из мертвого дерева. Им очень многое надо было друг другу сказать.

– Значит, вас отговаривали?

Женщина, Элси, объяснила: не то чтобы отговаривали, просто Союз не обратил внимания на призыв Каттера. Говоря это, она подняла на него глаза и тут же отвела снова. Каттер кивнул, не став возражать.

– Вы уверены? – спросил он, но бессвязные кивки новоприбывших его не удовлетворили. – Черт побери, уверены или нет? Вы готовы порвать с Союзом? Да или нет? Ради него? У нас впереди долгий путь.

– Мы и так уже сколько миль по Строевому лесу отшагали, – сказал Помрой.

– А пройти надо еще сотни. *Сотни миль*. Это будет дьявольски тяжело. И долго. Я не могу обещать, что мы вернемся.

Не могу обещать, что мы вернемся.

– Ты лучше повтори нам, что твое известие – правда, – сказал Помрой. – Скажи, что он ушел, и куда, и зачем. Скажи, что это правда.

Здоровяк ел Каттера глазами и ждал, а когда тот коротко кивнул и опустил веки, произнес:

– Ну вот.

Позже пришли другие. Сначала еще одна женщина, Игона; пока они приветствовали ее, в лесу под тяжелыми прыжками затрещали ветки, и из кустов показался водяной. Он присел на корточки по-лягушачьи, согласно обычаю своего народа, и поднял перепончатые лапы. Когда водяной прыгнул с берега в воду, его жирное тело без шеи студенисто задрожало. Уставший Фейхечриллен был весь в грязи, его способ передвижения мало подходил для леса.

Собравшиеся волновались, не зная, как долго им нужно оставаться на месте и сколько людей еще придут. Каттер спрашивал, как они получили его послание. Это печалило их. Им не хотелось опять обдумывать свое решение пойти с Каттером: слишком многие сочли бы их уход предательством.

– Он будет благодарен, – сказал Каттер. – Он странный тип, так что, может быть, он не подаст и виду, но это будет много значить для меня и для него.

Помолчав немного, Элси сказала:

– Ты этого не знаешь. Он ведь ни о чем нас не просил, Каттер. Просто он получил какое-то известие, ты так сказал. Может, он рассердится, когда мы его найдем.

Каттер не мог сказать ей, что она ошибается. Вместо этого он начал:

– И все же я не хочу, чтобы вы уходили. Ведь мы здесь ради нас самих, а не только ради него.

Он говорил о том, что впереди, преувеличивая опасности. Казалось, он хотел убедить их остаться, хотя все знали, что это не так. Ответил Дрей – торопливо и резко. Они все понимают, заверил он Каттера. Каттер понял, что Дрей убеждает самого себя, и замолк. Тот несколько раз повторил, что для него все решено.

– Нам лучше пойти, – сказала Элси, когда кончился день. – Нельзя ведь ждать вечно. Если другие хотели прий-ти, они, видимо, заблудились. Придется им вернуться в Союз и делать что понадобится в городе.

Тут кто-то вскрикнул, и все обернулись.

На краю ямы, растопырив ноги, сидел верхом на петухе наездник-хотчи и смотрел на них. Крупная боевая птица распушила грудные перья и забавно подняла когтистую лапу со шпорой. Хотчи, приземистый и крепкий человекоёж, поглаживал красный гребень своего скакуна.

– Милиция близко. – Он говорил с сильным гортанным акцентом. – Идут двое, будут через минуту-две.

Наклонившись в расшитом седле, он повернул свою птицу назад. Почти бесшумно – вся упряжь на нем была из кожи и дерева – воинственный острошпорый петух побежал прочь и скрылся в лесу.

– Что это?..

– Кто?..

– Черт побери, ты видел?..

Но звук приближающихся шагов заставил Каттера и его спутников умолкнуть. Они испуганно переглядывались: прятаться было поздно.

В лесу показались двое – они шли, переступая через замшелые пни. Оба были в масках и серой форме милиции. Каждый нес зеркальный щит, на поясе болтался неуклюжий многоствольный револьвер. Шагнув из леса на прогалину, они как будто споткнулись и замерли, пытались понять, что за люди их поджидают.

Мгновение тянулось, но никто не двигался с места, сбитые с толку путешественники словно спрашивали друг друга взглядами: «А мы? А они? Что нам делать? Что делать?» – пока не раздался выстрел. И тут словно прорвало: пальба и крики понеслись со всех сторон. Падали люди. Каттер не мог понять, где кто, и страшно боялся: вдруг его уже подстрелили, а он еще не почувствовал. Он разжал сведенные челюсти, лишь когда смолкло мерзкое отрывистое тархтенье выстрелов.

– Боги долбаные! – кричал кто-то.

Это оказался милиционер: он сидел на земле рядом со своим мертвым другом и, зажимая кровоточащую рану в животе, пытался навести тяжелый пистолет. Каттер услышал короткое гудение тетивы. Милиционер со стрелой в груди откинулся назад и замолчал.

Секунду все было тихо, потом Каттер услышал:

– Джаббер...

– Вы как все?..

– Дрей? Помрой?

Сначала Каттер думал, что все его люди уцелели. Потом увидел, что Дрей, весь бледный, зажимает ладонью плечо, а по его трясущимся рукам течет кровь.

– Святой Джаббер, парень!

Каттер заставил Дрея сесть. «Со мной все в порядке?» – твердил тот. Пуля вошла в мякоть. Каттер нарвал полосок из рубахи Дрея, выбрал самые чистые и перевязал рану. Дрей дергался от боли, Помрою с Фейхом пришлось его держать. На время перевязки между зубов ему всунули палку толщиной с большой палец.

– Это вы, ублюдки бестолковые, привели за собой *хвост*, – бушевал Каттер за перевязкой. – Говорил я вам, осторожнее...

– Да мы и так осторожно! – взорвался Помрой, тыкая в Каттера пальцем.

– Они не привели. – Хотчи появился снова, его петух подошел неслышно. – Милиция патрулирует ямы. Вы здесь давно сидите, почти целый день. – Всадник спешил и пошел по песчаному краю впадины. – Слишком долго.

Он загадочно сверкнул зубами. Приземистый, едва по грудь Каттеру, но мускулистый, хотчи напоминал бочонок, а шаг у него был широкий, как у рослого мужчины. У трупов он остановился и принюхался. Затем усадил пронзенного стрелой и стал пропихивать ее дальше, извлекая из тела.

– Когда одни не возвращаются, посылают других, – сказал он. – За вами придут. Может быть, сейчас.

Хотчи протолкнул наконечник мимо ребер. Когда из спины показалось древко, он ухватился за него и с хлопаящим звуком извлек стрелу из тела. Потом заткнул ее, окровавленную, себе за пояс, взял из коченеющих пальцев милиционера револьвер и выстрелил в рану.

От грохота в воздух взлетели птицы. Хотчи оскалился, почувствовав незнакомую ему отдачу, и затряс рукой. Оставленная стрелой червоточина шириной в палец превратилась в большую дыру.

Помрой сказал:

– Слюни господни... кто ты, черт побери, такой?

– Хотчи. Петушиный всадник. Алектриомах. Помогаю вам.

– Твое племя... – начал Каттер. – Вы с нами? На нашей стороне? Некоторые хотчи поддерживают Союз, – объяснил он остальным. – Вот почему это место безопасно. Или, по крайней мере, считалось безопасным. Клан этого парня не связывается с милицией. Нам они дают пройти. Но... им нельзя ссориться с городом, иначе война, вот он и делает вид, будто этого убили мы сами, а не его стрела.

Он сам понял это, лишь начав объяснять остальным.

Помрой и хотчи на пару обшарили мертвецов. Помрой бросил Элси и Каттеру по многоствольнику. Такого нового и дорогого оружия Каттер еще никогда не держал в руках. Револьвер был тяжелый, шесть его стволов были заключены в толстый вращающийся цилиндр.

– Ненадежные они, – сказал Помрой, кладя в карман пули.

– Зато скорострельные.

– Черт... пошли уже, что ли. – Голос Дрея срывался от боли. – Чертову пальбу слышали все на сто миль в округе, сейчас сюда сбегутся...

– Вокруг не так много людей, – сказал хотчи. – Может, никто и не слышал. Но идти надо, да. Зачем вы? Почему покидаете город? Ищете того, кто путешествует на глиняном человеке?

Каттер посмотрел на остальных. Те ответили осторожными взглядами, предоставив ему отвечать.

– Ты его видел? – спросил он, шагнув к занятому делом хотчи. – Ты видел его?

– Я – нет, но знаю тех, кто видел. Несколько дней назад, может, неделю или больше. Человека на сером великане. Он мчался через лес. Милиция за ним.

Дневной свет проник сквозь полог леса, и звери снова начали издавать свои звуки. Каттер ощутил себя пленником деревьев. Он несколько раз открывал и закрывал рот, прежде чем заговорить.

– За ним гналась милиция? – выговорил он наконец.

– На переделанных лошадях. Я слышал.

Переделанные лошади с копытами из кованого металла, с тигриными когтями, с цепкими, словно руки, хвостами в ядовитых железах. С паровыми клапанами, дающими непостижимую скорость ногам, или с мини-котельной за седлом, делающей их необычайно выносливыми. Плотоядные кони с огромными клыками. Лошади-волки или лошади-кабаны, искусственные твари.

– Я не видел, – сказал хотчи и забрался на своего петуха. – Они гнались за человеком на глиняном великане, в южной части Строевого леса. Вам лучше идти. И быстро. – Он повернул свою боевую птицу и ткнул в собравшихся прокопченным на солнце пальцем. – Сохраняйте осторожность. Вы в Строевом лесу. Идите сейчас.

Пришпорив петуха, он скрылся в густых кустах среди частого леса.

– Уходите, – услышали они голос невидимого всадника.

– Проклятье, – сказал Каттер. – Уходим.

Они собрали свои нехитрые пожитки. Помрой взял два мешка – свой и Дрея, и все шестеро, выйдя из петушиной ямы, углубились в лес.

Они шли на юго-запад по компасу Каттера, выбрав тропу, по которой ускакал хотчи.
– Он показал нам путь, – объяснил Каттер.

Остальные ожидали, что он станет вождем отряда. Они прорубались сквозь сплетения корней и буйную растительность, изменяя все, мимо чего проходили. Каттер скоро с удивлением обнаружил, что его тело стало словно чужим – так велика была усталость.

Заметив, что стемнело, они упали там, где стояли, в промежутке между деревьями. Мрачный лес подавлял их, все говорили шепотом. Охотиться было уже поздно, поэтому путники просто достали из дорожных мешков хлеб с вяленным мясом и попытались сдобрить ужин слабыми шутками.

При свете костерка Каттер увидел, что Фейх пересыхает. Никто не знал, когда встретится пресная вода, и потому Фейх вылил на себя лишь малую толику запаса, хотя его огромный язык вывалился наружу от жажды. Водяной тяжело дышал.

– Ничего, Каттер, все нормально, – сказал он, и человек потрепал его по щеке.

Дрей был бел, как бумага, и что-то шептал. Видя, как затвердела от крови его повязка, Каттер удивился, что тот вообще держится на ногах. Шепотом Каттер поделился своими опасениями с Помроем, но повернуть назад они уже не могли, а о том, чтобы отправить Дрея обратно одного, и речи не было. Он истекал кровью.

Пока Дрей спал, остальные уселись вокруг костра и негромко заговорили о человеке, по следу которого они шли. У каждого нашлась своя причина, чтобы ответить на призыв Каттера.

Для Игоны тот, кого они разыскивали, был первым человеком в Союзе, который казался ей таким же растерянным, как она сама. Он был не от мира сего; многие считали это притворством. Но это заставило женщину почувствовать, что их движение далеко от совершенства, и отчасти – из-за нее самой. Вспоминая об этом, она улыбалась прекрасной улыбкой. Фейх, в свою очередь, обучал его, когда тот занимался шаманизмом водяных, и был покорен его обаянием. Каттер знал, что они любят человека, по следу которого идут. Ничего странного в этом не было: среди сотен членов Союза вполне могли найтись шестеро, кто его полюбил.

Помрой сказал об этом вслух:

– Я люблю его. Хотя я не потому пришел. – Он говорил пылко, короткими фразами. – Времена не те. Я здесь потому, что знаю, куда он пошел, Каттер, и чего добивается. И что будет потом. Вот почему я здесь. Из-за твоего сообщения. Не из-за того, что он ушел, а из-за того, куда он ушел и зачем. Это самое главное.

Никто не спросил Каттера, почему он с ними. Когда подошла его очередь, все просто отвели глаза и замолчали, а он уставился в огонь.

Утром их разбудил боевой петух, который тряс бородой и громко кукарекал. Такое бесцеремонное пробуждение ошеломило их. Другой хотчи из седла наблюдал за тем, как они поднимаются, а потом бросил им подстреленную лесную птицу, показал пальцем на стену деревьев, в сторону востока, и исчез в зеленоватом свете.

Спотыкаясь, они поплелись сквозь заросли пробудившегося леса в указанном направлении. Солнечные лучи прорывались сквозь листву. Весна выдалась теплой, и в Строевом лесу было влажно и душно. Одежда Каттера пропиталась потом. Он наблюдал за Фейхом и Дреем.

Фейх весь обмяк, задними лапами он отпихивался от земли, его шатало. Дрей шел наравне со всеми, хотя это казалось невозможным. Кровь сочилась даже сквозь кожаный рукав, и он не отгонял слетавшихся к ране мух. Бледный и окровавленный, Дрей походил на завалявшийся кусок мяса. Каттер ждал, когда он пожалуется на боль или выдаст свой страх, но тот лишь бормотал что-то себе под нос, и Каттеру стало стыдно.

Простота леса оглушила их.

– Куда мы идем? – спросил кто-то Каттера.

«*Лучшие не спрашивают*», – подумал он.

Вечером они услышали журчание и, идя на приятный звук, вышли к ручейку в зарослях плюща. Радостно крича, они припали к ручью, как счастливые звери.

Фейх сел прямо в ручей. Вода вскипала, ударяясь о его тело. Когда водяной плавал, его неуклюжие движения неожиданно делались грациозными. Горстями черпая воду, Фейх с помощью магии своего племени слепил из нее грубоватые фигурки, похожие на собак, и расставил на траве, где они простояли около часа. Потом фигурки оплыли, как свечи, и ушли в землю.

Наутро рана Дрея загноилась. Все ждали, когда его отпустит лихорадка, ведь надо было идти. Деревья стали мельче – какие-то смешанные породы. Путники проходили мимо черного дерева и дубов, ныряли под раскидистые баньяны, ветви которых висели плетью, переходя в корни.

Строевой лес кишел жизнью. Птицы и обезьяноподобные твари все утро орали в ветвях. Когда путешественники проходили через полосу мертвых, побелевших деревьев, из подлеска на них выкатилось что-то медведеобразное, без конца менявшее форму и цвет. Завизжали все, кроме Помроя, который выстрелил зверю в грудь. С тихим хлопком тот распался на десятки птиц и сотни бутылочно-зеленых мух, которые на мгновение окружили людей и водяного, а потом снова слились в зверя за их спинами. Тварь, шурша, удалилась. Теперь они ясно видели, что вместо меха ее покрывают птичьи перья и жесткие блестящие крылья.

– Я бывал здесь раньше, – сказал Помрой. – И знаю, что такое толпяной медведь.

– Теперь мы уже, должно быть, далеко, – сказал Каттер, и шестеро пошли дальше на запад до тех пор, пока их не окружили сумерки.

Тогда они зажгли фонарь с колпаком, на который тут же полетели мошки, и продолжили путь. Деревья вокруг, казалось, впитывали свет.

После полуночи они миновали заросли травы, цеплявшейся за голени, и покинули лес.

Три дня вокруг путешественников тянулись Нищенские предгорья – то скалы, то продолговатые холмы, поросшие деревьями. В незапамятные времена здесь прошел ледник. От города их отделяли какие-то десятки миль. До его каналов было рукой подать. Иногда сквозь седловины холмов на севере и западе открывались настоящие горы, не похожие на те кочки, меж которых они брели.

Путники купались в каровых озерах² и пили воду из них. Шли медленно – задерживал Дрей. Он не мог пошевелить рукой и выглядел изможденным, но не жаловался. Каттер впервые видел, как Дрей проявляет мужество.

Иногда попадалась старая заброшенная тропа, и странники держались ее, шагая на юг по траве и цветам. Помрой и Элси стреляли диких кроликов в скалах и жарили их с пряными травами.

– Как мы его найдем? – спросил Фейх. – Придется ведь обыскать целый континент.

– Мне известен его путь.

– Но, Каттер, целый *континент*...

– Он везде будет оставлять следы. Куда бы ни направился. Хочет он того или нет. Иначе быть не может.

Оба помолчали.

– А как он узнал, что пора идти?

– Получил известие. Старые связи. Вот все, что я знаю.

² Каровые озера – заполненные водой чашеобразные углубления в верхней части гор, образуемые под воздействием ледников и выветривания.

Каттер замечал разрушенные непогодой изгороди на месте старых ферм. Выступавшие из земли каменные прямоугольники выдавали остатки фундаментов. На востоке лежал Строевой лес, древесная пустыня с редкими доломитовыми вкраплениями. Иногда в листве мелькали остатки промышленных сооружений: дымовые трубы, части двигателей.

На шестые сутки, в рыбдень, 17 чета 1805 года, они достигли деревни.

В Строевом лесу стоял какой-то чужеродный гул, и даже уханье сов и крики обезьян не могли его заглушить. Звук был негромкий, но все животные, которым случалось его услышать, в панике вертели головами, точно боясь нападения. Лунные лучи пронизывали пустоту между кронами деревьев и глинистой почвой. Ветки свисали, как опущенные руки.

Среди ночных теней по воздуху двигался человек в черно-синем костюме, держа руки в карманах. Лунные лучи отражались в его сверкающих ботинках – он парил над корнями на высоте человеческого роста. Без всякого усилия он держался прямо, не качаясь. Человек с помощью тайных сил плыл между темным покровом и пологом леса, и его сопровождал звук, точно стон поруганного пространства.

Человек бесстрастно глядел перед собой. Что-то вилось вокруг него, то на свету, то в тени, прячась в складках одежды. То была крошечная обезьянка, льнувшая к нему, словно к матери. На груди обезьянки то шевелилась, то замирала какая-то поросль, безобразившая ее.

В неярком свете человек и его пассажир выплыли на арену, где чуть ранее хотчи вмешался в перестрелку. Они зависли над выемкой и поглядели на трупы милиционеров, уже тронутые разложением.

Обезьянка спустилась к башмакам своего хозяина, прыгнула на мертвецов, ощупала их ловкими пальчиками. Затем забралась на болтавшиеся в воздухе ноги и затрещала.

Какое-то время оба безмолвно висели посреди ночи. Человек задумчиво барабанил костяшками пальцев по губам, неспешно поворачиваясь вокруг своей оси, обезьяна смотрела с его плеча в непроглядно-черный лес. Потом с тем же зловещим звуком они полетели между деревьями, над папоротниками, смятыми много дней назад. Когда они скрылись из виду, попрятавшиеся было звери Строевого леса показались вновь, но оставались встревоженными всю ночь.

Глава 2

Деревня была безымянной. Крестьяне показались Каттеру настолько же вредными, насколько и бедными. Еду они продали с неохотой. Если в деревне и были целители, то местные это скрывали. Все, что мог сделать Каттер, – позволить Дрею поспать.

– Нам надо в Миршок, – сказал Каттер.

Деревенские тупо смотрели на него, и он скрипнул зубами.

– Это же не на луне, черт вас дери, – добавил он.

– Могу вас в свиной городок свезти, – вызвался наконец один. – Масло и свинина кончились. Четыре дня езды к югу.

– Но ведь оттуда до Миршока еще добрых четыреста миль, – сказала Игона.

– Выбора нет, – объяснил Каттер. – Пороссячий город наверняка больше этой дыры, так что, может, оттуда нас доставят в Миршок. – Он повернулся к деревенским: – А что, у вас своих свиней нету?

Те переглянулись.

– Рейдеры, – сказал один.

– Тут-то вы нам и поможете, – добавил второй.

– Обоз будете охранять, с оружием. Так в свиной городок и доедем. Там рынок. Торговцы съезжаются отовсюду. У них есть воздушные корабли, они вам помогут.

– А кто такие рейдеры?

– Бандиты. Из беспределов.

Две тощие лошаденки тащили повозку, мужики из деревенских нахлестывали их кнутами. В телеге, среди овощей и всякой всячины, сидели Каттер и его спутники. Дрей лежал и потел. От его руки шел невыносимый запах. Остальные неловко держали оружие на виду.

Телега дребезжала по едва различимым тропам, когда Нищенские предгорья уступили место лугам. Два дня вокруг путешественников качались полынь и другие травы, над которыми, словно пакгаузы по берегам каналов, вставали там и сям огромные валуны. Закат наносил на них красную татуировку.

Путники глядели в небо в ожидании воздушных пиратов. Фейх ненадолго окунался в ручейки, встречавшиеся по дороге.

– Слишком медленно. – Каттер разговаривал сам с собой, но так, что было слышно. – Медленно, черт побери, слишком медленно.

– Покажите оружие, – внезапно скомандовал возница. – Кто-то смотрит. – Он махнул рукой в сторону небольшой возвышенности, где на камнях росли деревья. – Если покажутся, стреляйте. Не ждите. Если не убить их, они с нас скальпы снимут.

Даже Дрей проснулся. В здоровой руке он держал самовзводный пистолет.

– Помрой, у твоего ружья самый дальний бой, – сказал Каттер. – Приготовься.

Не успел он кончить, как оба возницы закричали:

– Давай! Давай! Вон они!

Каттер с рискованной небрежностью вскинул пистолет, Помрой поднял свой мушкетон. Над их головами пропела арбалетная стрела. Из-за покрытого лишайниками жернового камня поднялся кто-то, Элси выстрелила в него и попала.

Человек оказался беспределом – переделанным преступником, измененным до неузнаваемости на пенитенциарных фабриках города и нашедшим убежище в степях и холмах Рохаги.

– Суки! – орал он, корчась от боли. – Суки, чтоб вас!

Было видно, как над ним поработали: слишком много глаз. Преступник извивался в пыли, оставляя на ней кровавые разводы.

– Ах, суки!

Тут заговорил кто-то еще:

– Еще один выстрел, и вы все умрете.

Теперь люди окружали их со всех сторон, в руках у них были луки, у некоторых – старые винтовки.

– Кто вы такие? Явно не местные.

Говоривший сделал шаг вперед по ровной, как стол, каменной плите.

– Вы, двое, подойдите. Вы знаете закон. За проезд надо платить. С вас – что за дерьмо вы там везете? С вас телега гнилых овощей.

Беспределы были одеты в разнообразные лохмотья. Чужеродные части их тел – плюющиеся паром железо и похищенная у животных плоть – жили своей жизнью, точно некие таинственные опухоли. У мужчин и женщин были клыки и металлические конечности, хвосты и гуттаперчевые трубки органов, маслянисто поблескивавшие в разверстых пещерах бескровных брюшных полостей.

Вожак приближался не спеша. Сначала Каттеру показалось, будто тот сидит на какой-то безглазой скотине-мутанте, но потом он увидел, что торс мужчины пришит к лошадиному телу. Однако по жестокой прихоти государственных биомагов лицо человека было обращено к хвосту лошади, точно он сидел на ней задом наперед. Поэтому ему приходилось шагать, осторожно перебирая ногами в обратном направлении и подергивая хвостом.

– Это что-то новенькое, – сказал он. – Ружья притащили. Такого мы еще не видали. Купцы с ружьями нам попадались. Но вы-то не купцы.

– Ты вообще больше ничего не увидишь, если от нас не отвалишь, – пригрозил Помрой. С поразительным спокойствием он навел на бандита свой огромный мушкет. – Нас вы возьмете, но сколько вас при этом поляжет?

Все путники, включая Дрея, держали на мушке кого-нибудь из нападавших.

– Кто вы такие? – спросил вожак. – Чем заняты? Куда путь держите?

Помрой открыл было рот, чтобы ответить очередной хвастливой угрозой, которая не привела бы ни к чему, кроме драки, но тут с Каттером случилось непредвиденное. Он услышал шепот. Кто-то невидимый шептал ему прямо в ухо, щекоча его своим дыханием и лишая воли. Каттера обдало холодом. Он содрогнулся. Голос велел:

– Скажи ему правду.

Сам того не желая, Каттер громко и напевно заговорил:

– Игона – ткачиха. Дрей – машинист. Элси сейчас без работы, здоровяк Помрой – клерк. Фейх – докер. А я – лавочник. Мы все из Союза. Идем на поиски моего друга. И Железного Совета.

Спутники вытаращили на него глаза.

– Какого черта, мужик? – спросил Фейх, а Игона начала:

– Что, ради святого Джаббера...

Каттер разжал сведенные челюсти и тряхнул головой.

– Я не хотел, – начал оправдываться он. – Я кое-что услышал...

– Так-так, – заговорил бандитский вожак. – Дорога вас ждет дальняя. Если мы вас пропустим...

Тут он осекся, подвигал челюстью и заговорил не своим голосом, точно декламируя:

– Пусть идут. Дайте им дорогу. Союз – нам не враг.

Беспределы уставились на вожака.

– Дайте им дорогу, – повторил он и с яростью замахал руками на своих подельников.

Те ответили ему злыми недоверчивыми возгласами и, казалось, готовы были нарушить приказ, но потом все же попятились и забросили за спину оружие, кляня все на свете.

Вождь беспределов глядел путникам вслед, а те смотрели на него, пока он не скрылся из виду. Все это время он стоял не шелохнувшись.

Каттер поведал своим товарищам о шепоте, принудившем его рассказать правду.

– Волшебство, – сказала Элси. – Наверняка он тебя сглазил, этот разбойник, хотя одни боги знают зачем.

Каттер покачал головой:

– Вы не заметили, какой у него был вид, когда он нас отпускал? Вот и я чувствовал то же самое. Его зачаровали.

Добравшись до города, они нашли там лудильщиков, торговцев и бродячих актеров. Между домов из прессованной земли стояли на привязи потрепанные и обмякшие воздушные шары.

В пыледельник, когда они поднимались над цветущей степью с ее травой и раскиданными валунами, умер Дрей. Казалось, он шел на поправку: в городе не спал и даже сцепился с хозяином шара из-за цены. Однако ночью скопившийся в руке гной отравил Дрея, и он быстро умер, хотя при посадке был еще жив.

Странствующий торговец занялся гудящим мотором своей гондолы, явно смущенный несчастьем, постигшим его пассажиров. Остывающее тело Дрея лежало на коленях у Элси. Наконец, когда солнце было уже высоко, она симпровизировала заупокойную службу. Путники по очереди поцеловали мертвого друга и со свойственным вольнодумцам смущением поручили Дрея богам.

Элси вспомнила о воздушных похоронах, которые, как ей доводилось слышать, были в ходу у северных племен. Обитатели тундры клали своих мертвецов в открытые гробы, прикрепляли их к воздушным шарам и отправляли в стратосферу, подальше от насекомых, птиц и всякой земной гнили, так что небо над их охотничьими угодьями превратилось в общую могилу, где исследователи на дирижаблях не встречали никого, кроме бесцельно плывущих куда-то замороженных мертвецов.

Вот и Дрею пришлось устроить воздушные похороны, хотя и несколько иные: бережно подтянув тело к краю гондолы, путешественники обмотали его веревками и сбросили вниз.

Всем показалось, будто Дрей летит. Он парил под дирижаблем, раскинув руки. Напор воздуха был так силен, что мертвое тело дергалось, точно в танце или в борьбе, и вращалось вокруг своей оси, уменьшаясь в размерах. Вот оно разминулось с птицами. Друзья Дрея с трепетом и неожиданным ликованием следили за его полетом и отвернулись, когда до земли остались считанные секунды.

Они летели то над болотистыми низинами, то над степью, которая становилась тем суше, чем дальше на юг они забирались. Строевой лес скрылся вдали. Ветер дул попутный. Каттер слышал, как Элси шепталась с Помроем, оплакивая Дрея.

– Нам нельзя сейчас останавливаться, – уговаривал ее Помрой. – Я понимаю, понимаю... но нельзя.

Трижды в нескольких милях от себя они видели другие шары. Пилот каждый раз глядел в свой телескоп и сообщал, кто летит мимо. Торговцев-авиаторов оказалось не так уж много. Они хорошо знали маршруты друг друга.

Хозяин шара затребовал с них уйму денег за доставку в Миршок, но, услышав, что совсем недавно мимо свиного городка проскакал отряд конной милиции на переделанных лошадях, путники не смогли ему отказать.

– Мы на верном пути.

И теперь, не слишком быстро, но неуклонно преодолевая расстояние, они впервые испытывали слабую надежду.

– Трудно поверить, – сказал Каттер, – что внизу идет эта хренова война.

Все молчали. Каттер понял, что его желчность утомила всех, и стал разглядывать лоскутное одеяло земли.

На третье утро, растирая водой обветренную кожу Фейха, Каттер взревел и ткнул пальцем вперед, туда, где блеснуло море, а перед ним из желтовато-коричневой травянистой низины торчали вышки для дирижаблей и минареты Миршока.

Порт выглядел отталкивающе. Они держались настороженно – все же на чужой земле.

Строения в Миршоке были до того разномастные, словно кто-то сгреб в одну кучу первые попавшиеся материалы и слепил из них город. Старый, но без истории. Даже у общественных зданий эстетическая беспомощность так и бросалась в глаза: на бетонных фасадах церквей красовались завитушки в подражание старине, крытые разноцветным шифером банки смотрелись вульгарно.

Население в Миршоке тоже было смешанным. Люди жили здесь бок о бок с кактами, колючим и мускулистым растительным народом. Над морем летали гаруды, крылатые флибустьеры из Цимека: ими пестрели и небо, и улицы города. Водяные жили в квартале, изрезанном каналами.

На улице у дамбы путешественники перекусили дарами моря. У пристани рядами стояли суда, местные и иностранные: плавучие фабрики, мелкие рыболовные суденышки, сухогрузы с огромной упряжью для морских змеев. Водяные не работали здесь грузчиками – в отличие от их родного пресноводного порта, вода в гавани Миршока была соленой. Зато, как и в любом порту, стены подпирали жулики и всякое отребье.

– Надо соблюдать осторожность, – сказал Каттер. – Нам нужен корабль, идущий в Шанкелл, а это значит, что команда будет из кактов. Вы знаете, что нам надо сделать. С кактами этот номер не пройдет. Значит, придется искать небольшой корабль с небольшой командой.

– Тут наверняка найдутся суда, которые фрахтуют на раз, – сказала Игона. – Обычно это пиратские...

Она рассеянно огляделась.

Каттер конвульсивно дернулся и затих. Кто-то говорил с ним. Все тот же голос шептал ему прямо в ухо. Он застыл на месте.

Голос сказал:

– «Акиф». Идет на юг.

Голос сказал:

– Обычный рейс, небольшая команда. Дьявольски полезный груз – черные антилопы, обжигенные под седло. Ваш проезд оплачен. Отплытие в десять вечера.

Каттер обшарил глазами каждого прохожего, каждого матроса, каждого портового головореза. Ни один из них не шевелил губами. Друзья с тревогой следили за изменившимся лицом Каттера.

– Ты знаешь, что надо делать. Поднимайся по Драдскейлу. Милиция отправилась туда. Я проверял. Каттер, ты знаешь, что я могу заставить тебя поступить по-своему, – ты помнишь случай в Нищенских предгорьях, – но я хочу, чтобы ты послушал меня и поступил так потому, что так следует поступить. У нас с тобой одна цель, Каттер. Увидимся на том берегу.

Холод рассеялся, и голос умолк.

– Что стряслось, черт побери? – сказал Помрой. – Что происходит?

Когда Каттер рассказал товарищам все, они спорили до тех пор, пока на них не начали оглядываться.

– Кто-то *играет* с нами, – настаивал Помрой. – Нечего облегчать им задачу. Не будем садиться на эту проклятую посудину, Каттер.

Он сжимал и разжимал увесистые кулаки. Эlsi нервно дотронулась до него, пытаясь успокоить.

– Не знаю, что тебе сказать, парень, – ответил Каттер; шепчущий в ухо голос отнял у него силы. – Так или иначе, это не милиционер. Кто-то из Союза? Но как они это делают и зачем, не понимаю. Или он сам по себе? Это он удержал тогда беспределов: их вожаку, тому чело-векоконю, тоже шепнули на ухо, как мне. *Я не знаю, что происходит.* Хотите искать другой корабль – пожалуйста, спорить не буду. Но лучше найти его поскорее. И, сдаётся мне, поскорее мы найдем именно этот.

«Акиф» оказался ржавой посудиной, больше похожей на баржу, с единственной низкой палубой и капитаном, который так обрадовался их появлению, что даже жалость брала. Он неуверенно взглянул на Фейха, но вновь заулыбался, когда заговорили о цене, – о да, задаток он уже получил, вместе с письмом, которое они оставили.

Все складывалось великолепно, и путники решились. Хотя Помрой и бесновался, Каттер знал, что он их не оставит.

«Кто-то следит за нами, – думал он. – Какие-то шептуны. Уверяют, что они мои друзья».

Сначала море, затем пустыня, затем мили и мили неведомых земель. «*Получится ли у меня?*»

Но море совсем маленькое. А человек, которого они ищут, оставил следы, повлиял на многих людей. Каттер видел тревогу своих друзей и не винил их – ответственность, которую они взяли на себя, была огромна. Но он верил, что им удастся найти человека, по следу которого они шли.

Перед отплытием Каттер и его друзья прошли по городу в поисках слухов о человеке на глиняном великане или о милиционерах на переделанных лошадях. Потом послали письмо в город, товарищам из Союза, сообщив, что они в пути и что удалось выйти на след.

Загадочный человек летел над странным ландшафтом, петляя меж фульгуритами³, проносясь над щелочными озерами. В полете он стоял неподвижно, то складывая на груди руки, то снова опуская их. Противоестественно разрезая воздух, он набирал скорость.

Теперь его спутником была птица, но она не летела, а сидела у него на голове. Она расправляла крылья, и ветер ерошил ее перья. На них были видны какие-то наросты, искажавшие очертания крыльев.

Человек пролетал мимо деревень. При виде его скотина принималась выть и реветь.

Там, где заканчивались холмы и начиналась пустыня, человек ненадолго прервал свой полет. Что-то виднелось в грязи – некое подобие ржаво-красной звезды в черных и коричневых лохмотьях. Мертвец. Свалился с такой высоты, что удар буквально вбил его в землю. Вытекшая кровь – ее было немного – зачернила почву вокруг тела. Оно стало бескостным, расплюснутым по краям.

Загадочный летун с птицей на голове задержался над мертвым. Сначала человек и птица смотрели на покойника, потом слаженно, как единый механизм, задрали головы к небу.

³ Фульгурит – спекшийся от удара молнии кварц, песок или кремнезем.

Глава 3

На второй день пути среди серых волн Мелкого моря отряд Каттера захватил «Акиф». Помрой приставил к виску капитана пистолет. Матросы уставились на пассажиров, не веря своим глазам. Игона и Элси подняли ружья. Каттер видел, как дрожат руки у Элси. Фейх поднялся из своего бочонка с водой, держа арбалет. Капитан заплакал.

– Меняем курс, – объявил Каттер. – В Шанкелл придете на пару дней позже. Сначала заедем на юго-запад. Идем вдоль берега. Вверх по Драдскейлу. Оттуда дорога до Шанкелла займет у вас лишние дня два. Ну, и не все антилопы доплывут.

Шесть человек команды угрюмо сдали оружие. Все они работали за поденную плату и совершенно не чувствовали солидарности друг с другом или с капитаном. На Фейхечриллена, из-за какого-то предрассудка, все шестеро глядели с ненавистью.

Каттер привязал капитана к рулю, возле загона с черными антилопами, у которых были спилены рога, и члены отряда по очереди держали его на мушке под пристальными взглядами ездовых животных. Капитан рыдал так, что становилось неловко. Солнце припекало все жарче. За кормой оставался расширяющийся след: вода расходилась, точно расстегнутое одеяние. Каттер наблюдал за страданиями Фейхечриллена: воздух для водяного был слишком горячим и соленым.

На третий день показался северный берег Цимека – безжалостные холмы из спекшейся глины, пыль и зыбучие пески. Растений было мало: пыльный маррам, жесткие чужеродные деревья с колючими листьями. «Акиф» проплывал мимо соленых топей.

– Он всегда говорил, что другого пути к Железному Совету нет, – сказал Каттер.

Минералы, которые приносил поток в устье Драдскейла, оставляли блестящую пленку на поверхности моря. Соленые топи были полны растительности, и Каттер с любопытством стопроцентного горожанина проследил за стаей ламантинов, которые вынырнули из воды и стали пастись.

– Опасно, – заговорил кормчий. – Эти... – Он то ли ругнулся, то ли издал звук отвращения и указал на Фейха. – Там, дальше. Полно водяных свиней.

При этих словах Каттер напрягся.

– Дальше, – сказал он и ткнул кормчего дулом ружья.

Кормчий обернулся.

– Мы не плыть, – ответил тот, внезапно перегнулся через ограждение палубы и бросился в воду. Все зашевелились и закричали.

– Вон он!

Помрой размахивал револьвером. Кормчий вынырнул и поплыл к одному из островов эстуария. Помрой проследил за ним, но не выстрелил.

– Черт побери, умей они плавать, уже попрыгали бы за ним, – произнес он, когда кормчий добрался до берега, и кивнул на матросов, радостными криками подбадривавших беглеца.

– Да они с нами голыми руками драться будут, если мы заставим их плыть дальше, – сказала Игона. – Поглядите на них. А стрелять в них мы не станем, сами знаете. Всем ведь понятно, что нам предстоит.

Вот почему, как это ни смешно, угонщикам пришлось самим доставить команду на остров. Помрой размахивал револьвером, точно грозя пристрелить кого-то. Но матросы сошли на берег целыми и невредимыми и даже получили немного провизии. Капитан наблюдал за ними с жалобным видом. Его не отпустили.

Каттеру стало противно.

– Мягкотелые! – орал он на своих друзей. – Дома надо было сидеть, раз жалостливые такие.

– А что ты предлагаешь, Каттер? – закричала в ответ Игона. – Заставь их остаться, если можешь. Убивать их, что ли? Может, нам и *следовало* остаться дома, мы и так уже дорого заплатили.

Помрой смотрел сердито. Элси и Фейх отводили глаза. Каттер вдруг стал страшен.

– Ничего, – сказал Каттер, стараясь не быть ни льстивым, ни презрительным. – Ничего. Мы доберемся. Мы найдем его. И это чертово путешествие кончится.

– Для парня, которому все как до луны, ты слишком много ставишь на карту, – сказала Игона. – Смотри, люди могут подумать, что ты не таков, каким хочешь казаться.

Драдскейл был широк. Рвы и канавы подходили к нему, питая грязной водой. Русло было прямым на много миль вперед.

На восточном берегу, сразу за мангровыми рощами, поднимались иссушенные ветром безводные холмы. Пустыня из запекшейся на солнце глины тянулась вдаль, а где-то за ней лежал Шанкелл, город кактов. Западный берег был еще хуже: за бахромой прибрежных деревьев частым гребнем вставали скалы. Источенные солнцем и ветрами, они походили на невиданную рощу зазубренных камней. По непроверенным данным, которыми располагал Каттер, они тянулись вдаль на сотни миль. На его карте исследователь оставил свои пометки. «*Когти дьявола*», – гласила одна. Вторая добавляла: «*Трое погибли. Возвращаемся*».

Птицы – крупные аисты – вышагивали по мелководью, сутулясь, как театральные злодеи. Взлетали они, лениво взмахивая крыльями, точно изнемогали от усталости. Такого жестокого солнцепека Каттер никогда еще не видывал. Свет отуплял. Плохо было всем, но в первую очередь, конечно, Фейху, который то и дело нырял в свой вонючий бочонок. Когда вода вокруг судна наконец стала пресной, водяной с облегчением бросился в нее и заново наполнил свой резервуар. Но плавал он недолго: река была ему неизвестна.

Человек, за которым они шли, должен был задавать направление. Каттер всю дорогу разглядывал берега в поисках оставленных им знаков.

Всю ночь пароход шел вперед, выбрасывая вверх клубы сажи и содрогаясь. В жестком красном свете зари им показалось, будто листья и стебли ползучих растений, колыхавшиеся в прибрежных волнах, стали жидкими, точно материя таяла у них на глазах, стекая в реку ручейками краски.

Солнце еще стояло над горизонтом, когда Драдскейл разлился и превратился в заболоченную равнину. Над поверхностью воды торчали жутковатые каменные пальцы выветренных скал. «Акиф» сбавил скорость. Какое-то время урчание двигателя заглушало все прочие звуки.

– Куда теперь, Каттер? – спросил кто-то наконец.

Что-то двигалось под водой. Фейх наполовину высунулся из бочонка.

– Черт возьми, это же... – начал он, но его перебили.

Широкоротые тупые рыла поднялись перед «Акифом» из воды. Это были вооруженные копьями водяные.

Капитан выпрямился и завизжал. Он дал газу, и водяные бандиты врассыпную скрылись под водой. Фейх опрокинул бочонок, разлив грязную воду. Свесившись за борт, он закричал что-то на луббоке, языке водяных, но ему не ответили.

Водяные вынырнули опять, подняв тучи брызг, и на миг замерли – точно встали – на поверхности воды. Прежде чем упасть, они метнули копья. Пенистые струи воды вырвались из-под их выброшенных вперед ладоней и превратили копья в гарпуны. Такой водяной магии Каттер не видел никогда. Он выстрелил в воду.

Капитан продолжал убыстрять ход. Каттер понял, что он хочет выбросить «Акиф» на берег. Швартоваться было некогда.

– *Держись!* – закричал он.

Со страшным скрежетом брюхо корабля пробороздило каменный берег. Каттера перебросило через корму, и он сильно ударился о землю.

– Быстрее! – закричал он, поднимаясь.

«Акиф» накренился на корму. Загон с антилопами сломался, и привязанные друг к другу животные клубком покатались по наклонной палубе, оцетинившись острыми копытами и обрубками рогов. Фейх прыгнул через покосившийся поручень. Элси ударилась головой, Помрой помог ей спуститься.

Игона перерезала веревки на капитане. Каттер дважды выстрелил в набегающую волну.

– Быстрее! – крикнул он опять.

Рядом с разбитым пароходом поднялся водяной столб. Сначала Каттер решил, что это какая-нибудь шальная волна или не виданная им прежде магия, но столб был выше двадцати футов, эдакая колонна абсолютно прозрачной воды, на которой сидел водяной. Это был шаман верхом на ундине.

Сквозь водяное тело элементаля можно было видеть искаженные очертания парохода. Но тут тысячи галлонов воды в один миг хлынули на борт судна, задрав нос вверх, и Игона с капитаном заскользили по палубе им навстречу. Они пытались встать, но вода ундины подкатилась к ним, волной поплескалась у их ног и проглотила обоих. Каттер вскрикнул, видя, как Игона и ее пленник проваливаются в брюхо ундины. Оба изо всех сил работали ногами и руками, надеясь выплыть, но как было выбраться? Течения внутри ундины были устроены так, что не давали добыче вырваться наружу.

Помрой взревел. Он выстрелил, Каттер тоже, а Фейх пустил стрелу. Все три снаряда достигли тела ундины, плюхнулись в него, точно камешки в воду, и утонули. Было видно, как внутренний водоворот ундины подхватил стрелу, закружил ее, понес вниз и выбросил из тела, будто кал. Каттер выстрелил еще раз, теперь уже в шамана на верхушке водяного столба, но промазал. Помрой с безрассудной храбростью бросился на ундину и стал молотить ее кулаками, надеясь вызволить подругу, но добился лишь того, что в разные стороны полетели клочья пены, а дух воды не обратил на него никакого внимания.

Игона и капитан тонули. Ундина утнула в трюм, шаман вместе с ней. Каттер завопил, видя, как еще живое тело Игоны исчезает под палубой в объятиях стихии.

Водяные снова окружили «Акиф» и начали метать копьа.

Вода хлынула из парохода, из трюма гейзером взметнулась ундина: она наглоталась железа, и детали двигателя смешно подскакивали в ее внутреннем водовороте. Там же мелкими соринками колыхались тела ее жертв, только теперь вода сообщала им видимость движения. Глаза и рот Игоны были открыты. Каттер едва успел заметить ее, как водяной столб изогнулся, превратившись в арку, и ундина перетекла назад в озеро, унося добычу с собой.

Путникам оставалось лишь бессильно ругаться и плакать. Они сыпали проклятиями, выли, как волки, но в конце концов вынуждены были покинуть затонувший пароход, оставить хищные воды и идти дальше по степи.

К ночи, совершенно измотанные, они добрались на антилопах до группы деревьев и уселись на землю, глядя на Элси. Высоко в небе стояла луна, вокруг которой, точно подброшенные в воздух монетки, кружили ее дочери-спутницы. Элси сидела на земле, скрестив ноги, и смотрела на них со спокойствием, поразившим Каттера. Ее губы двигались. Шея была обвязана мужской рубашкой. Глаза вперились в пустоту.

Сквозь заросли тростника позади нее Каттер глядел на вельд. В лунном свете сандаловые и железношиповые деревья напоминали тени крадущихся убийц. Выщербленные кроны баобабов стояли сплошной стеной.

Элси кончила шевелить губами, глядя настороженно, и сняла с шеи рубашку человека, за которым они гнались.

– Я не знаю, – сказала она. – Видение было неясным. Мне кажется... нам туда.

Она махнула рукой в сторону далеких гор. Каттер промолчал. Элси показывала на северо-северо-восток, куда и без того лежал их путь. В свое время Каттер был обрадован ее приходу, хотя всегда знал, что магические способности Элси весьма посредственны. Он даже не был уверен, способна ли она улавливать истинные эманации, да и сама Элси не была уверена.

– Нам все равно туда, – сказал Каттер.

Он не имел в виду ничего дурного – мол, даже если ты ошиблась, не страшно, – но Элси обиделась.

Много дней пришлось ехать по земле, которая истязала их жарой и растениями с острыми, как колючая проволока, шипами. Мускулистые животные, на которых они сидели, тоже причиняли им немало неудобств, но с их помощью путники все равно передвигались быстрее, чем на своих двоих. Ни у кого не было сил держать ружье прямо. Фейх томился в бочонке озерной воды, подвешенном между двумя антилопами. Вода цвела, и ему нездоровилось.

Однажды путешественников напугала бессвязная болтовня, доносившаяся с неба. Хохоча и переругиваясь между собой, на них свалился целый выводок каких-то тварей. Каттер видел таких на картинках: это были глюкличи, горбатые гиены с крыльями летучих мышей.

Помрой подстрелил одну, и сестры с братьями накинулись на нее и начали пожирать прямо в воздухе, не дожидаясь, когда она упадет на землю. Пока стая прожорливых каннибалов утоляла голод, путники скрылись.

– Где же твой чертов шептун, а, Каттер?

– Да пошел ты, Помрой. Узнаю – скажу, не беспокойся.

– Двое. Двое наших погибли, Каттер! *Куда* мы идем?

Каттер не ответил.

– А *тот* почему знает, куда идти? – спросила Элси. Она имела в виду того, кого они искали.

– Он всегда знал, где они, по крайней мере приблизительно, он сам говорил мне. И даже намекал, что получает от них известия. Один его знакомый в городе вроде бы сообщил, что на след Совета напали. Вот он и сбежал, чтобы добраться до них раньше, – объяснил Каттер. Записку он не взял с собой, уязвленный ее туманной краткостью. – Однажды он показывал мне на карте, где, по его мнению, они находятся. Я вам говорил. Туда мы и идем.

Как будто все было так просто.

В сумерках они достигли подножия крутых скал и обнаружили речку, из которой с радостью напились. Фейх окунулся в нее с головой. Оставив его ночевать в воде, люди вскарабкались на утес, преграждавший им путь. На краю каменного уступа они огляделись и увидели плоскую степь, кучки огней впереди. Их было три: самая дальняя тускло светила на горизонте, до ближней было часа два езды.

– Смотри-ка, Элси, – сказал Каттер. – Ты и правда что-то почуяла.

Здоровяк Помрой был слишком тяжел, чтобы карабкаться по отвесным каменным склонам, у Элси не было сил. Спуститься мог только Каттер. Другие уговаривали его подождать до утра, когда все вместе найдут дорогу вниз. Но, даже зная, как небезопасно разгуливать по этим враждебным равнинам одному, да еще ночью, Каттер не смог воспротивиться искушению.

– Идите, – сказал он. – Присмотрите за Фейхом. Увидимся.

Он сам поразился тому, как обрадовала его возможность побыть наедине с собой. Время точно остановилось. Каттер шагал по призрачному ландшафту, словно попав в сон земли о себе самой.

Смолкли глюкличи, не кричали ночные птицы, далекие огни светились в темноте, как нарисованные. Каттер был один. Он думал о погибшей Игоне. Поравнявшись наконец с

огнями, он увидел группу приземистых строений и вошел в деревню так смело, как будто его ждали.

Деревня была пуста. Вместо окон в стенах домов зияли дыры. Огромные дверные проемы не скрывали внутренних комнат, совершенно голых.

На перекрестках роились огни: светящиеся шары прохладной магмы величиной с человеческую голову горели не ярче ночников. Ветра не было, и сгустки магмы неподвижно висели в мертвом воздухе. Однако сами шары были живыми: они гудели, их поверхность бурлила, словно страдающий несварением желудок, то и дело стреляя холодными искрами. Они походили на прирученные солнца. Другой жизни в деревне не было.

Проходя по пустынным улицам, Каттер обратился к человеку, по следу которого они шли, – почти шепотом:

– Где ты?

Возвращаясь к утесу, Каттер заметил искорку света, медленно скользившую по его краю. Это был фонарь – фонарь, зажженный не спутниками Каттера.

Элси хотела взглянуть на пустую деревню, но Каттер заявил, что у них нет времени: надо добраться до следующих огней и поискать след там.

– Ты же что-то почуяла, – напомнил он ей. – Надо проверить. Не можем же мы вечно идти неизвестно куда.

Фейху полегчало, в его бочонок налили свежей воды, но ему было по-прежнему страшно.

– Здесь не место для водяного, – пожаловался он. – Умру я в этих краях, Каттер.

Утро было в разгаре, когда Каттер обернулся и ткнул пальцем в залитые светом скалы, которые они оставили позади. На краю утеса маячила крошечная фигурка: человек на лошади. Мужчина, а может, женщина в широкополой шляпе.

– За нами следят. Это наверняка наш шептун.

Каттер ждал, что вот-вот услышит шепот, но все было тихо. Весь день и весь вечер всадник ехал за ними, не отставая, но и не приближаясь. Путников это бесило, но они ничего не могли поделать.

Вторая деревня показалась Каттеру точной копией первой, но он ошибался. Антилопы, тяжело дыша, плелись от одной освещенной бурливыми шарами пустынной площади к другой, пока не уткнулись в изрешеченную пулями стену, покрытую брызгами растительного сока. Путники спешили; перед ними явно были следы давней схватки. Каттер увидел клочок вспаханной земли в окрестностях городка, и тут ему показалось, будто время исчезло: взрытый и обугленный участок ничуть не походил на поле. Это была могила. Братская могила.

Из земли первыми всходами кошмарного урожая тут и там торчали кости. Сломанные, почерневшие от огня, волокнистые, как древесина. Кости кактов.

Каттер стоял среди мертвых, под его ногами гнила растительная плоть. Время вернулось. Он ощутил его содрогание.

Посреди поля пугалом торчал обезображенный труп. Человеческий. Кто-то раздел его догола и пиками пригвоздил к дереву. Копья пронзали труп. Жало одного торчало из грудины. Копье вошло в зад и пробило тело насквозь. На месте мошонки зияла рваная рана. На горле запеклась кровь. Изъеденную насекомыми кожу высушило солнце.

Путники смотрели на тело, как дикари на свой тотем. Когда несколько секунд спустя Помрой пошевелился, вид у него был виноватый, точно он проявил неуважение к покойнику, оторвав от него взгляд.

– Гляньте, – сказал он и сглотнул. – Одни какты. – Помрой ковырнул ногой землю с останками. – И вдруг этот. Что тут стряслось, во имя Джаббера? Война сюда еще не докатилась...

Каттер осмотрел труп. Крови было мало, даже между ног – лишь небольшой комоч.

– Он был уже мертв, – прошептал Каттер. Жуткая картина потрясла его. – Они сделали это с мертвецом. Когда похоронили других.

То, что он принял за сгусток крови на горле, оказалось металлической пластинкой. Каттер на ощупь снял ее с шеи мертвеца.

Это был крошечный значок офицера нью-кробю-зонской милиции.

Летун парил над водой. Его одежда и волосы развевались на ветру. В считанных футах от его ног волновалось Мелкое море, брызгая пеной ему на брюки.

Время от времени из волн вырывалось стремительное тело: рыба-меч подпрыгивала так высоко, что едва не задевала ботинки летуна, описывала в воздухе дугу и снова уходила под воду. Оба двигались с одной скоростью, человек и рыба.

Каждый раз, выпрыгивая из воды навстречу солнцу, рыба ловила взгляд летуна большим круглым глазом. К ее спинному плавнику прилипло что-то темное. Оно копошилось, зарываясь рыбе под чешую.

Глава 4

С намеченного по карте пути путники свернули к третьей группе огней. Перед ними зубчатым спинным хребтом вставала стена из камня, через которую предстояло найти проход.

Каттер сжимал в ладони покрытый запекшейся кровью значок. Он знал, что милиция где-то впереди, и его тошнило от страха. *«Что, если мы опоздали?»*

По дороге попадались наполненные грязной водой ямы. Фейх пополнил свой запас, но его кожа покрылась язвами. Путешественники стреляли кроликов и медленно летающих птиц, видели стада антилоп, с осторожностью проходили мимо логовищ клыкастых боровов размером с лошадь.

Каттеру мерещилось, будто за ними, точно зараза, тянется след. Спустя двое суток после встречи с распятым милиционером, на рассвете третьего дня, они подошли к последней деревне. Стоило приблизиться, как солнце выкатилось из-за горизонта и обдало их розоватым светом, в котором что-то двигалось: уступ скалы или тонкое дерево, как им показалось сначала.

Путники закричали. Антилопы под ними сбились с шага.

К ним приближался гигант – судя по силуэту, какт, но такой огромный, какого они раньше никогда не видели. Обычно какты бывают семи, ну, восьми футов росту, но этот был вдвое выше. Казалось, движется что-то простое и страшное, как сама земля, словно кусок степи вдруг встал и пошел.

Какт шел, подпрыгивая на кривых бедрах, выбрасывая далеко в стороны огромные рахитичные ноги с беспальными обрубками ступней. Его шатало так, точно он вот-вот готов был упасть. Зеленая кожа хранила следы многочисленных порезов. Колючки были длинными, как пальцы.

Несмотря на неровную походку, могучий какт приближался быстро, держа в руке дубину – древесный ствол. Он поднял ее на ходу и закричал, почти не изменившись в лице. Выкрикивая какие-то слова на языке, которого путешественники не понимали, – вероятно, то был диалект сунглари, – он воинственно неся на них.

– Погоди, погоди! – кричали все.

Элси вытянула руку, ее глаза подернулись сеточкой кровеносных сосудов, и Каттер понял, что она пытается воздействовать на мозг какта своими слабыми чарами.

Какт приближался широченными неровными шагами. Фейх пустил в него стрелу, которая стукнулась о бок какта, с хлюпаньем вонзилась и осталась торчать, не причинив гиганту боли, – только струйка сока потекла по телу.

– *Убивать вас*, – слабым голосом залопотал какт на плохом рагамоле. – *Убийцы*.

Он вскинул огромную дубину.

– *Это не мы!* – крикнул Каттер.

Он бросил милицейский значок на тропу и принялся палить в него из револьвера. Значок со звоном подскакивал, пока все шесть стволов не опустели. Какт умолк, его дубина застыла в воздухе. Каттер набрал полный рот слюны и плюнул на значок.

– Это не мы.

Такого какта они еще не видели. Каттер думал, что дело в Вихревом потоке, что это – злокачественное порождение кактопической зоны, но оказалось иначе. В последней опустевшей деревне огромный какт рассказал, кто он такой. Его сородичи называли таких *гиайнами*, Каттер с друзьями перевели это для себя как «запоздалый».

Какты вельда знали способ, как удержать часть своих деток в земле позже срока, не умолив их. Пока прочие отпрыски, скуля, вылезали наружу, опоздавшие гиайны продолжали спо-

койно спать и расти в своих хорионах⁴. Хотя тайные практики не давали им родиться, их тела продолжали вытягиваться. Когда гияйны наконец просыпались и появлялись на поверхности, то становились дурачками. И вырастали непомерно большими.

Это отклонение определяло всю их жизнь. Древесные кости искривлялись, кожа делалась жесткой, как кора, и покрывалась наростами. Чрезмерно разросшийся мозг давил изнутри на череп, причиняя боль. Гияйны становились для своих деревень хранителями, защитниками и дозорными. В общине на них налагалось табу. Гияйнов чурались и на них молились. Им не давали имен.

Пальцы на левой руке Запоздалого срослись вместе. Движения его были медленными из-за артрита.

– Мы не Теш, – сказал он. – Не наша война, не наше дело. Но они все равно приходят. Милиция.

Они пришли со стороны реки – отряд конной милиции с дискометами и картечницами. С севера до кактов давно уже доходили слухи о стычках милиции с легионами Теша. Беженцы рассказывали о чудовищной жестокости милиционеров, поэтому жители ближайших деревень поспешили укрыться от летучего отряда.

В одну деревню милиция нагрянула прежде, чем та опустела. Тамошние какты укрывали одно время беженцев-северян, которые наговорили всяких ужасов, – вот они и решили дорого продать свою жизнь. Всей толпой, с дубинками и кремневыми мачете в руках, какты повалили навстречу милиции. Произошла бойня. На поле битвы остался лежать один мертвый милиционер, чье тело растерзали гияйны, похоронив разорванных на куски кактов.

– Две недели прошло, как они были. С тех пор охотятся на нас, – объяснил Запоздалый. – Теперь здесь тоже война с Тешем?

Каттер покачал головой:

– Все запуталось, на хрен. Милиция гонится... им не убудки эти несчастные нужны, они преследуют одного из наших. Какты запаниковали, наслушавшись страшных рассказов, и сами подставились. Послушай меня, – обратился он к зеленому гиганту. – Те, кто сотворил это с твоей деревней, кое-кого ищут. Им надо остановить его, пока он не подал знак. – Каттер глядел в глаза на большом лице. – За ними придут другие.

– Теш тоже придут. Воевать с ними. Те и другие будут воевать с нами.

– Да, – сказал Каттер ровным голосом и надолго умолк. – Но если он победит... если уйдет от них, то милиция... им, может, будет чем заняться, кроме этой войны. Так что, может, тебе захочется нам помочь. Надо остановить их, пока они не остановили его.

Поднеся изуродованную ладонь ко рту, Запоздалый издал животный крик – так мог кричать раненый зверь. Его жалоба с рокотом покатила по траве. Вся живность застыла в тишине ночи, и вот издалека донесся ответ. Еще один долетел за много миль, и Каттер животом почувствовал вибрацию от него.

Запоздалый кричал снова и снова, заявляя о себе, и за несколько ночных часов к нему широкими неверными шагами подошел целый отряд гияйнов. Их было пятеро, и все разные: одни выше двадцати футов ростом, другие вполовину ниже, поломанные когда-то конечности неуклюже вправлены. Компания могучих хромоногих калек.

Путники испугались. Гияйны дружно горевали, переговариваясь на своем языке.

– Если бы вы помогли нам, – робко сказал Каттер, – то, может быть, нам удалось бы остановить милицию навсегда. И даже если нет, то вы все равно с ними посчитаетесь, а значит, отомстите за своих.

⁴ Хорионы – гаплоидные клетки (содержащие половинный набор хромосом) у человека, животных и семенных растений.

Гиайны сели на землю в кружок и просидели так несколько часов, обмениваясь задумчивыми звуками и касаясь друг друга. Их конечности были такими тяжелыми, что им приходилось делать это очень осторожно.

«Бедные потерянные солдаты», – подумал Каттер, хотя его благоговейный страх не исчез.

Наконец зачинатель переговоров подошел к нему и сказал:

– Они ушли. Милицейская банда. На север. Охотиться. Мы знаем где.

– Это они, – ответил Каттер. – Они ищут нашего друга. И нам надо их догнать.

Гиайны выдернули из ладоней колючки, подняли Каттера и его спутников на руки и с легкостью понесли. Брошенные антилопы следили за тем, как они удалялись. Какты делали гигантские шаги, покачиваясь над землей и переступая через деревья. Каттер почувствовал себя ближе к солнцу. Он видел птиц, даже гаруд.

Гиайны разговаривали с крылатыми существами. При их приближении те взмывали в воздух и кружили с криками, подобными вою ветра. Они что-то говорили – быстро и жесто-ченно. Гиайны слушали и негромко гудели в ответ.

– Милиция впереди, – сказал тот, на котором ехал Каттер.

Они шли, пошатываясь, а когда останавливались передохнуть, то вставали, сомкнув ноги, на манер кактов. Однажды гиайны встали, когда луна и ее дочери уже спустились к горизонту. На самом краю саванны, на западе, горел огонь. Он двигался, точно фонарь или факел.

– Кто он? – спросил Каттера его какт. – Человек на лошади. Идет за вами?

– Так это он? О Джаббер... вези меня к нему! Быстро. Мне надо знать, что за игру он ведет.

Какт понесся, раскачиваясь из стороны в сторону, точно пьяный, пожирая расстояние, – и свет тут же погас.

– Ушел, – сказал гиайн.

Каттер вздрогнул от шепота в ухе.

– *Не будь идиотом, – услышал он. – Твоему какту за мной не угнаться. Зря время тра-тишь. Скоро я сам к тебе приду.*

Когда они снова вступили на тот путь, с которого недавно свернули, огонь зажегся опять и последовал за ними на запад.

Две ночи гиайны шли, прерываясь лишь ненадолго, чтобы отдохнуть или искупать Фейха в источнике. Наконец они остановились. Перед ними была широкая полоса перепаханной земли, на которой валялась перетертая в кашу трава.

Над степью, вплоть до зеленых холмов, висела какая-то дымка. Каттер принял ее сначала просто за легкий дымок, пока не разглядел в ней темно-серые вкрапления. Словно кто-то повозил грязным жирным пальцем по стеклу.

– Они, – сказал его гиайн. – Милиция. Это они.

Гиайны не строили никаких планов. Каждый вырвал с корнем по узловатому дереву и обломал с них сучья, затем все двинулись вперед, на уничтожителей своего народа.

– Подождите! – закричали кактам Каттер, Помрой и Элси, надеясь убедить их в пользе стратегии. – Слушайте, да послушайте же!

– Не убивайте хотя бы одного, – молил Каттер. – Ради всего святого, дайте нам с ними поговорить!

Но Запоздалые делали вид, что не слышат и не понимают, о чем речь.

Степь была неровной, усеянной камнями; жара отражалась от них, как от стен домов. Звери бросались наутек, заслышав громовую поступь гиайнов. Запоздалые забрались на воз-вышенное место и остановились. Внизу Каттер увидел милиционеров.

Их было десятка два – крохотные фигурки в сером, с собаками. Еще у них имелась какая-то штука, от которой шел дым, – обшитая железом башня ростом с гияйна. Ее тянули переделанные лошади; из проемов зубчатой вершины глядели двое. Это башня уничтожила траву, перепахала землю и залила маслянистой дымкой степь.

Очень медленно гияйны спустили своих пассажиров на землю. Каттер и его товарищи проверили оружие. Серая хищная птица взмыла в воздух, возбужденно крича.

– Идиотизм какой-то, – сказал Помрой. – Гляньте, как они вооружены.

– Какая им разница? – Каттер кивнул на гияйнов. – Им нужна только месть. Это мы хотим большего. Пусть эти парни получают то, что принадлежит им по праву. Я не стал бы мешать им, даже если бы мог.

Гияйны затопали вниз по склону, навстречу милиции.

– Пойдем-ка и мы.

Компаньоны рассыпались. Прятаться не было нужды: милиционеры увидели гияйнов и позабыли про все на свете. Каттер бежал под прикрытием пыли, поднятой гигантами.

Застрекотала картечница. Замелькали стволы, полетели пули. Милиционеры в панике нахлестывали лошадей. Они давно уже миновали территорию кактов и мнили себя в безопасности. Пули долбили толстую кожу великанов, из-под которой взметались фонтанчики сока, но ни один из гияйнов даже не замедлил шаг.

Одна великанша метнула свое орудие, как копье. В ее руке оно казалось дубинкой, но, поднявшись в воздух, снова стало тем, чем было на самом деле, – деревом. Ударившись в башню, оно погнуло обшивку. Каттер упал ничком и стал палить из револьвера в бестолково топтавшихся милиционеров. Те отстреливались, не сходя с места; их бессмысленная отвага впечатляла, ведь гияйны попросту задирали ноги, наступали на всадников и в два счета давили их в лепешку вместе с лошадьми. Или они скидывали свои огромные дубины, и от одного лишь прикосновения корней у людей переламывалась шея.

Милиционеры с винтовками укрылись за спинами тех, кто нес дискометы или был представлен к канистрам с горючим газом. Гияйны вскинули руки. Метатели огня заставили их отпрянуть, дочерна опалив им кожу.

Самый маленький гияйн пошатнулся, когда острый металлический снаряд из дискомета врезался в его растительную плоть и оторвал правую руку. Зажав кулю левой ладонью, он ударами ног отбивался от спешившихся милиционеров, убив или поломав кости двоим; но боль была так сильна, что какт рухнул на колени и был добит диском, попавшим в лицо.

Стрелы Фейха и грохот мушкета Помроя выдали их. Башенные орудия нацелились на группу деревьев, где укрылся Фейх. Каттер вскрикнул, когда заговорила картечница: замки и цепи загрохотали, точно молоты, и град пуль прошел листву.

Лишь четверо гияйнов металась по полю в экстазе убийства, топча врагов ногами и разрывая руками. Башня наклонилась и двинулась вперед. Картечница нацелилась на гияйнику; цепочка пуль прошла ее от бедер до груди, так что она споткнулась и резким, неестественным движением перегнулась по этой линии.

Стоящий Помрой что-то выкрикивал, и Каттер понял, что это имя Фейхечриллена. Загнав в ствол патрон, Помрой выстрелил дважды. Собаки бесились, бестолково клая переделанными челюстями.

Где-то раздался выстрел, за ним второй, и с вершины башни свалился человек.

Знакомый голос сказал Каттеру прямо в ухо:

– *Ложись. Тебя увидели.*

Каттер упал и стал глядеть сквозь просветы в жесткой, как проволока, траве. Раздался второй отдаленный выстрел. С коня упал милиционер.

Каттер увидел капитана-чародея, у которого вздувались жилы и сухожилия, а с кожи сыпались искры. Каттер выстрелил и промахнулся; больше патронов у него не было.

Чародей закричал, его одежда задымилась, и луч молочно-белого света вырвался из земли прямо под ногами самой крупной гийнихи, прошил ее насквозь, рванулся в небо и пропал. Великанша упала, молотя руками и ногами, истекая соком. Черное пламя охватило ее и пожрало. Из глаз чародея текла кровь, но он торжествовал, и тут его настиг выстрел невидимого снайпера. Двое уцелевших гийных насмерть затоптали оставшихся милиционеров.

Один из них подошел к ошестинившейся стволами башне, обхватил ее руками, точно борец – противника, и сильно повернул. Пока его собрат давил последних людей, собак-мутантов и лошадей, он толкал и раскачивал башню. Та подалась, со скрежетом наклонилась и стала падать, запряженные в нее лошади запаниковали. Медленно рухнув, башня раскололась, погребая под собой живых и мертвых.

Те, кто еще мог бежать, бросились наутек, а двое гийных погнались за ними, топоча, как дети-переростки. На поле боя показался всадник, мчавшийся галопом прямо к победителям. Каттер снова услышал его шепот.

– Не убивайте собак, ради всего святого, оставьте собак в покое.

Но это не был приказ, поэтому Каттер не обратил на него внимания и вместе с товарищами помчался к зарослям, где укрылся Фейх. Они обнаружили водяного распростертым в траве.

Не останавливаясь ни на минуту, человек-летун спешил вперед, рассекая воздух, неизменно прямой – спина его точно окаменела. Он петлял среди рукавов болотистой дельты, между кургузых островов, кружил в мангровых зарослях, ныряя в просторные просветы между корнями, пролетал над илистыми отмелями и ошестинившимися зубчатыми осколками скал.

Его по очереди сопровождали птица, заяц, оса размером с голубя, морской налим, лиса и детеныш-какт, и у каждого на теле была опухоль или нарост, шевелившаяся, пока существо льнуло к летуну или спешило за ним, а тот невероятным образом переносил свое загадочное тело с одного каменного зубца на другой. Вскоре он оказался над степью. Какое-то время компанию ему составляла антилопа, бежавшая так, как отродясь не бегал никто из ее сородичей.

Так они летели и летели, в рекордные сроки оставив позади знойный лес. Мимо низкорослых деревьев и сожженных деревень они спешили на север, все время на север, и кто бы ни бежал за человеком, сидел на его плече или летел над ним, они двигались все быстрее к своей цели, вглядываясь в небо и землю, ища видимые только им знаки, неумолимо нагоняя, приближаясь, сокращая расстояние.

Глава 5

Фейха понесли хоронить. Странные собаки окружили тела милиционеров и были по своим хозяевам.

Двое оставшихся гийнов спали стоя, соединив ноги. Не все милиционеры погибли. Искалеченные слишком сильно не могли уползти и умирали здесь же, жалобно вскрикивая и часто дыша. Их было всего пятеро или четверо, и они еще долго боролись со смертью.

Пока Каттер рыл могилу, к нему, проехав сквозь кольцо беснующихся собак, подъехал всадник. Повернувшись к мертвому другу спиной, путники уставились на незнакомца.

Тот приветствовал их кивком, пальцами коснувшись полей шляпы. Пыль покрывала его с головы до ног. Короткая кожаная куртка побелела от солнца, в штаны из оленьей кожи и краги въелась грязь. Под чепраком у него была винтовка. На каждом бедре – по многоствольному револьверу.

Человек посмотрел на путников, потом остановил взгляд на Каттере, поднес сложенную ладонь ко рту и зашептал. Его голос раздался у Каттера в ухе, словно говоривший стоял вплотную к нему.

– *Нам пора. И хорошо бы прихватить с собой одного из этих псов.*

– Кто ты такой? – спросил Каттер.

Не отнимая ладони от губ, человек посмотрел на Помроя и Элси. Когда очередь снова дошла до Каттера, он услышал:

– *Дрогон.*

– Шептун, – с недоверием произнес Помрой, и Дрогон повернулся к нему и шепнул что-то в воздух.

– Ну, да, – ответил Помрой. – Уж в этом можно не сомневаться.

– Что ты здесь делаешь? – продолжал Каттер. – Пришел помочь нам похоронить... – Не в силах продолжать, он показал жестом.

– Почему ты шпионишь за нами?

– *Я же говорил тебе, – зашептал Дрогон. – У нас одна цель. Вы теперь изгнанники, и я тоже. Мы ищем одно и то же. Я годами ищу Железный Совет. Знаешь, сначала я не был в тебе уверен. И даже сейчас не совсем уверен. Ты знаешь, что не мы одни ищем Совет. Ты знаешь, зачем здесь эти.* – И он указал на лежавшие навзничь окровавленные тела. – *Как ты думаешь, почему я шпионил за вами? Да просто чтобы понять, кого вы высматриваете.*

– Что он говорит? – спросила Элси, но Каттер отмахнулся от нее.

– *Я еще не знаю, можно ли тебе верить, но я наблюдал за тобой и понял, что ты – мой лучший шанс. И показал тебе, что твой лучший шанс – это я. Если бы я мог, то сам ушел бы с тем, кого вы ищете, когда услышал о его уходе.*

– Откуда ты знаешь? – спросил Каттер.

– *Из тех, кто прикладывает ухо к земле, не один ты знаешь, кто он такой. Но слушай, у нас нет времени: ищут не только его. Эти шли за ним – хотя знают не больше нашего, – но есть еще другие, они идут за вами. От самого Строевого леса. Они уже близко. И это не просто милиция.*

– Кто? Кто за нами гонится? – И Каттер в ужасе повторил услышанное им: – Рукохваты.

Страшась не столько гнева своих врагов, сколько одинокой смерти, живые милиционеры начали подавать голоса. Они делали это без всякой дальней цели, без выгоды для себя, просто ради того, чтобы поговорить с кем-нибудь, а не лежать в молчании на солнцепеке.

– Эй, эй, эй, приятель, эй, приятель.

– Подойди, подойди сюда, подойди.

– Черт, моя рука, черт, черт, мне руку оторвало.

Умиравшие были молодыми здоровыми мужчинами лет тридцати с небольшим. Выражение гордости и примирения со своей участью, казалось, приросло к их лицам; они не ждали и не хотели пощады, им просто нужно было, чтобы перед смертью кто-то обратил на них внимание.

Псы продолжали скулить и кружить возле умирающих. Дрогон своей большой лошастью оттеснил от стаи трех странных созданий с уродливыми головами. Неслышными командами он успокоил животных.

– Зачем он нам помогает? – спросила Элси. – Чего он хочет?

Помрой предложил его убить или, по крайней мере, связать и бросить.

– Черт возьми, я не знаю, – сказал Каттер. – Говорит, слышал о том, что случилось. И что он тоже ищет Совет. *Я не знаю*. Но вы же видели, что он сделал, а ведь он мог и нас убить. Он спас мне жизнь: убрал стрелка, который целился в меня. И как он владеет оружием, вы тоже видели. А ты, Пом, сам сказал, что он чародей.

– Шептун, – бросил Помрой презрительно. – Обыкновенный мастер шепота.

– Он и мне кое-что шепнул, брат. Помнишь? И не потихоньку, как сейчас, когда он собак успокаивал. Нет, мы услышали его за *несколько миль*, и я, и тот главарь беспределов, и оба подчинились его воле.

Голосовой магией, наукой тайных внушений, обычно пользовались разбойники. Но этот человек поднял ее до небывалых высот.

Собаки были переделанными. Обонятельные центры в их мозгу были увеличены до безобразия. Черепа растянулись и стали вязкими, как тесто, словно бесформенные мозги стремились вытечь наружу. Глазки были крохотными, а челюсти заканчивались широкими ноздрями, мясистыми и подвижными, как свиные пятаки. Морщинистые морды опутывали провода, соединенные с батарейками, – все вместе образовывало магическую цепь. На ошейнике у каждого пса болталась какая-то тряпка.

– О черт, это же его одежда, – сказал Каттер.

– *Этого хватит, чтобы пробежать весь континент*, – прошептал Дрогон. – *Вот почему они не упустили его след*.

Они не стали убивать оставшихся в живых милиционеров или плевать им в лицо, но и воды не поднесли, а просто проигнорировали. Дрогон сосредоточился на собаках. Он шептал, и псы утихали. Животным хотелось доверять ему.

– Это наши псы, – сказал Помрой.

Пожав плечами, Дрогон протянул ему поводок; уродливый зверь глянул на Помроя и оскалится.

– Что у тебя за история? – спросил Помрой.

Дрогон указал на Элси, шепнул, и та подошла к нему. Взяв ее ладони, Дрогон приложил их к своему лбу, и женщина погрузилась в ведовской транс. Он продолжал говорить, отчетливо произнося слова, которые слышала лишь Элси.

Когда шептун закончил, ее глаза открылись.

– Он велел мне прочесть его мысли. И измерить их правдивость. Он сказал: «Я хочу того же, что и вы, хочу найти Совет». Он сказал, что он из города, но не из чертова парламента, и уж конечно, не из милиции. Говорит, что он вакеро, всадник. Бродяжничает двадцать лет. Он говорит, о Совете слишком часто болтают, будто его не существует. А для людей пустыни он важен как земля обетованная. Поэтому, когда до него дошел слух о том, что происходит... когда он услышал, кто отправился защищать Совет, то решил, что пойдет следом и поможет. Поможет найти его. Он шел за нами, пока не убедился, что нам можно доверять.

– Ты не ясновидящая, – сказал Помрой. – Так что все это болтовня.

– Нет, я не ясновидящая, но кое-какой дар у меня есть. – Элси сердито уставилась на него. – Я умею чувствовать. И я почувствовала правду.

Мастер шепота опять надел шляпу и вернулся к собакам, с которыми неслышно беседовал, пока те не начали ластиться к нему, покинув трупы прежних хозяев.

– У нее слишком мало сил, чтобы ей верить, Каттер, – предупредил Помрой.

«И почему я опять должен решать?» – подумал тот. Дрогон дал псам понюхать обрывки ткани, и те повернули свои жуткие слюнявые морды на север.

– *Нам пора идти*, – обратился он к Каттеру. – *За нами по-прежнему следят. Но мы уже близко, очень близко.*

Элси пыталась поблагодарить гияйнов, но те не реагировали.

– Вам надо уходить! – кричала она. – Рукохваты близко.

Гияйны не отвечали – замерли столбами среди содеянного ими и ничего не ждали. Людям оставалось лишь прокричать слова благодарности и оставить растительных гигантов, пребывавших в оцепенении. Каттер дал прощальный залп над могилой Фейха.

Собаки понеслись впереди Дрогона, натягивая поводки и жадно принюхиваясь. Время от времени он отпускал их в густые заросли, над которыми были видны только раздутые головы псов, качавшиеся вверх и вниз. И пока Каттер и его спутники плелись пешком, он отправлялся верхом на разведку.

Издалека Дрогон говорил шепотом с каждым из путешественников по очереди. Собаки бежали свободно, волоча за собой поводки, а когда они убегали слишком далеко, он шептал им слова команды, и те возвращались.

– *Не останавливайтесь*, – велел он Каттеру. – *Рукохваты сзади.*

Рукохваты. Зловещие руки истории. Пятипалые паразиты, вышедшие из подполья.

Поднимаясь на седловину меж двух холмов, Каттер думал о Фейхе, который пекся сейчас в горячей земле. Он оглянулся на метку, оставленную ими в ландшафте. Мертвые и умирающие вповалку, а над ними, словно деревья, двое гияйнов. Следы боя, как пятно копоти на земле.

За холмами начиналась местность более лесистая и сильно пересеченная; корни олив цеплялись за каменистые осыпи. Пыль, которую поднимал конь Дрогона, облаком стелилась над дорогой. Шептун ускакал далеко, но его след был виден ясно, словно шов. Вокруг росли шиповник и полынь. При каждом шаге Каттера из-под его ног прыскали цикады.

Не в первый раз с начала путешествия время сгустилось, и Каттер увяз в нем. Каждый день был всего лишь до предела растянувшимся мгновением. Сама жизнь вокруг – замедленные прыжки насекомых, мелькание крохотных грызунов – была бесконечным повторением одного и того же.

В ту ночь они спали мало: мешали собачий брех и шепот Дрогона – он расположился впереди отряда. Путники изнемогали под грузом оружия, отнятого у милиции, за ними оставался след от тяжелых винтовок и засапожных ножей.

Однажды они увидели прямо над собой гаруду: тот летел, распластав крылья, точно распятый. Вдруг он нырнул, накренился к земле и пошел прямо на Дрогона, но тут же развернулся и взмыл вверх.

– Он собирался что-то шепнуть гаруде, но тот смылся, – сказал Каттер, довольный.

Теперь ритм их путешествия измерялся не днями: при свете солнца, и ночью, и в сумерках они спали считанные минуты. Мастер шепота если и спал, то делал это прямо в седле. Среди холмов им повстречались пятнистые халикотерии – среднее между жирафом и гориллой: они шли, опираясь на костяшки пальцев длинных передних конечностей, и обирали листву с невысоких растений.

– *Надо прибавить шагу*, – сказал мастер шепота Каттеру. – *Рукохваты близко.*

Идя за Дрогоном по следам человека, который был им нужен, к восходу луны путники оказались недалеко от горной гряды; за ней начиналось плато. К нему вел темный коридор между крутых склонов. Они войдут в него днем, и Каттер заранее предвкушал, как хорошо будет вместо бескрайнего палящего неба видеть лишь узкую полоску синевы между каменными стенами, заросшими лишайником.

– Кто-то идет, – сказала Элси, ее лицо вытянулось от ужаса. – Кто-то догоняет нас с юга.

Что-то двигалось позади многочисленных неровностей ландшафта, вне их поля зрения. Каттер знал, что Элси – неважная чародейка, но чутье у нее, несомненно, было.

Слабо вспыхнул восток, и в первом свете дня Каттер увидел на фоне гор тянувшийся за Дрогоном пыльный след. Мастер шепота почти добрался до входа в ущелье.

– *Идите за мной через ущелье, – шепнул он Каттеру. – Поспешите. Рукохваты догоняют, но вы успеете, если не будете останавливаться. Собаки воют – чувствуют нашего парня. Он близко, с этой стороны. Спешите, вдруг мы сможем... сможем отбиться от рукохватов, устроив засаду.*

Жалкий план, по правде говоря.

После этого Дрогон, должно быть, повернулся и прикрикнул на собак, потому что те залаяли и бросились в узкий проход среди скал. Каттер подумал об уступах, под которыми придется пройти, и вдруг ясно увидел то, что представилось его взору в комнате беглого друга и направило его сюда. Он увидел веревку, незаметно натянутую прямо над тропой, и изувеченные человеческие тела, сваленные как попало под чем-то напоминающим человека.

– Черт меня побери! *Назад! Назад!*

Так громко он еще никогда не кричал. Помрой и Элси встали как вкопанные; они спали на ходу. Каттер сложил руки рупором и снова заорал:

– Стой! Стой!

Он выхватил револьвер и пальнул в воздух.

Шепот Дрогона возник у него в ушах.

– *Что ты делаешь? Рукохваты услышат...*

Но Каттер все кричал, шатаясь от усталости:

– Стой, стой, стой! Не входи туда, не входи! Это ловушка.

Столб пыли развернулся к нему и, точно расплавленный нарастающим жаром, обернулся всадником на лошади. Дрогон возвращался. Каттер не утихал:

– Туда нельзя! Это ловушка. Голем-ловушка.

Дрогон объехал компаньонов кругом, точно они были парусами, а его команды – ветром, которому надлежало надуть их и двинуть вперед.

К плато вели лишь неверные каменистые тропы, поэтому приходилось держаться за кусты, карабкаясь вверх. Зато конь Дрогона промчался по головоломному пути на такой скорости, которая казалась здесь невозможной. Собаки, привязанные у входа в расщелину, бешено тянули за поводки, идиотски моргая свинными глазками и скаля клыки. Им не терпелось ворваться внутрь и настичь того, чей запах давно не давал им покоя.

– Он знает, – сказал Каттер. Опершись руками о колени, он подался вперед и выхаркнул пыль, набившуюся ему в легкие. – Он знает, что за ним гонятся.

– *Рукохват*, – предупредил Дрогон. На краю равнины показалось крошечное пятнышко. – *Надо спешить.*

– Он знает, что эти близко, но не пытается замести след, – сказал Каттер. – Он думает, что идет милиция, и заманивает их сюда, в проход. Это ловушка. Нам нельзя туда входить. Придется обойти поверху. Он ждет на той стороне.

Спорить было некогда: воздух уже застыл, предвещая приближение рукохвата. Собаки заходились лаем, и Дрогон пристрелил их, загнав в тоннель. Люди полезли за ним по крутому

склону, ступая на древесные корни. Даже висая в воздухе, он не забывал шептать: «*Ползите*», и они ползли, цепляясь руками и находя опору для ног.

Дрогон подвел их к краю ущелья. Внизу стоял его конь и валялись мертвые собаки. Дрогон что-то шепнул коню, тот коротко заржал и развернулся, точно намереваясь пройти через теснину.

– Что ты делаешь? – спросил Каттер. – Прикажи ему стоять, а то я сам пристрелю его, клянусь. Нельзя, чтобы он там все порушил.

На миг ему показалось, что мастер шепота бросится на него с кулаками, но тот повернулся и побежал дальше, а конь остался на месте. Каттер обернулся и вскрикнул. Их летучий преследователь имел человеческий облик. Он нес какой-то груз. От гор его отделяли считанные мили, и он, двигаясь неестественно прямо, точно выпущенная из лука стрела, летел к каменной стене и разлому в ней.

Добежав до другого конца ущелья, они окинули взглядом цепь плавно повышавшихся холмов. В свете восходящего солнца Каттер увидел карликовые деревца.

– Надо обождать, пока эта чертова штуковина уберется, – сказал Помрой.

– *Нельзя*, – шепнул Дрогон Каттеру и Помрою по очереди. – *Он гонится не за вашим другом, а за нами. По отпечаткам наших мыслей. Надо от него оторваться. Поворачивайтесь и деритесь.*

– Драться? – воскликнул Помрой. – *С рукохватом?*

– Все будет в порядке, – сказал Каттер. Глубокая уверенность вдруг охватила его. – О нас позаботятся.

Именно он, а не Дрогон нашел дорогу вниз. Один за другим они спустились, мастер шепота шел последним.

– *Чертов рукохват совсем близко*, – шепнул он Каттеру. – *Уже у входа, видел собак, входит.*

Каттер оглядел всех.

«Пойду гляну, – подумал он. – Посмотрю на твою ловушку».

Он побежал к выходу из тоннеля.

– Что ты делаешь? – закричали его товарищи. – Каттер, вернись!

– *Стоп*, – скомандовал мастер шепота, и Каттеру пришлось остановиться. Он даже взвизгнул от злости.

– Пусти меня. Мне надо кое-что проверить, – сказал он, однако ноги его приросли к земле. – Черт тебя побери, да отпусти же.

Мастер шепота дал ему свободу. Пошатываясь, Каттер пошел к проему. Со страхом и осторожностью он приблизился ко входу, засыпанному щебнем и осколками валунов, и заглянул внутрь со словами:

– Помоги же. Помоги мне его найти.

Раздался какой-то звук. Каттер уловил движение в воздухе, похожее на дыхание камней.

– *Он близко*, – сказал мастер шепота, но не двинулся с места, как и Элси с Помроем; они следили за Каттером с таким видом, будто уже не надеялись увидеть его живым.

– Ну *помоги же* мне, – попросил Каттер, вглядываясь во мрак; от приближающегося рокота у него мурашки бежали по коже.

Он увидел, как что-то слабо блеснуло. Туго натянутая проволока пересекала порог, концы ее уходили в груды камней, внутри которых, как было известно Каттеру, прятались батареи и механизмы.

– Я нашел! – закричал он.

Каттер поднял голову и услышал гнетущий вой. Из расщелины полетели листья и клочки мха. Рукохват приближался с ужасным звуком. Каттер видел, как от порыва ветра взвихрились

листья в расщелине. Отрывисто застучали копыта, выбивая сухую военную дробь, в нос Каттеру ударил лошадиный запах. Он прокрался назад, к своим товарищам.

– Готовьтесь бежать, – сказал он. – Готовьтесь, на хрен, бежать.

И вот началось. С грохотом. На них мчался конь. Его ноги мелькали с такой чудовищной быстротой, что казалось, будто лошадей несколько. Но это был конь Дрогона. С небывалой скоростью он несся вперед, подворачивая ноги и калеча копыта на острых, неустойчивых камнях, не обращая внимания на раны, а пот и кровь из порезов заливали его кожу. Что-то сидело у него на хребте. Пятнистая тварь вцепилась коню в шею, извивающийся обрубок хвоста, как червяк, зарывался в лошадиную плоть.

За ним показался человек. Мужчина. Сложив на груди руки, он стоя летел по воздуху; его ужасающе быстро несло прямо на путешественников. Он увидел их и стал снижаться, не шевельнув пальцем. Те начали стрелять, а летун спикировал на них, стукнув носками ботинок о камень.

Каттер встал, выстрелил, упал на спину и съехал по глинистому склону. Стреляли все. Мастер шепота стоял, раздвинув для устойчивости ноги, и со знанием дела посылал во врага пулю за пулей из двух стволов. Помрой и Элси палили наугад, но их свинец достиг цели: из тел обезумевшего коня и бесстрастного человека брызнула кровь, однако они даже не притормозили.

Летун открыл рот и плюнул огнем. Обжигающее дыхание коснулось проволоки, та вспыхнула, и на какой-то миг, на долю секунды рукохваты увидели тонкую металлическую струну и в тревоге раскрыли рты, но поделаться ничего уже не могли – их несло прямо на нее. Струна лопнула, и они вылетели на солнце.

Скалы ожили. Скалы повернулись к ним. Проволочные кольца распрямились, по цепи пошел магический ток, клапаны застучали, масса сдерживаемой дотоле энергии вырвалась наружу и сделала то, для чего она так долго и тщательно копилась: создала голема.

Он сложился из того, что было вокруг. Из самого ущелья. Вся материя, его составлявшая, вдруг пришла в движение. Скалы ожили – теперь казалось, что они всегда напоминали сгорбленного великана футов двадцати росту, – каменная осыпь стала одной рукой, хрупкие сухие кусты – другой, из огромных валунов сложились живот и ноги, а голова вылепилась из затвердевшей на солнце земли.

Голем был незамысловатым, предназначенным лишь для убийства. С быстротой искусного убийцы он вскинул вверх многотонные ручищи и сцапал обоих рукохватов на лету. Те пытались развернуться к нему. В считанные секунды голем стиснул каменный кулак и раздавил коня, а с ним и руку-паразита, копошившуюся в его гриве.

Человек оказался проворнее. Он плюнул огнем, но струя скользнула по лицу голема, не причинив ему вреда. С невероятной силой человек рванул державшую его каменную руку и вывихнул ее, отчего голем неуклюже дернулся, но хватки не ослабил. Хотя из поврежденной руки сыпались камни, оставляя в ней провалы, голем опустил летуна пониже, ухватился одной галечной рукой за голову, а другой – за ноги и потянул.

Питающий паразита организм только-только испустил дух, а его разорванный труп еще не упал на землю, как голем перестал существовать, – он выполнил свою задачу. Земля и камни посыпались из него. Бесформенной окровавленной кучей голем осел на землю, наполовину похоронив под собой лошадиный труп.

Изувеченные останки человека упали в заросли папоротника и лежали, заливая камни кровью. Внутри костюма что-то копошилось.

– Спасайтесь, – сказал Каттер. – Ему нужен новый дом.

Дрогон открыл огонь по трупу, когда тот еще летел вниз. Едва мертвец приземлился, как из его одежды выскочила многоногая тварь противного темно-лилового цвета. Двигалась она как паук.

Люди бросились врассыпную. Гроыхнуло ружье Помроя, но тварь не испугалась. Она была уже в нескольких шагах от визжавшей Элси, когда ее остановили выстрелы Дрогона. Мастер шепота приближался, стреляя на ходу, и три пули нашли свою цель в траве. Дрогон пнул тварь и поднял ее в воздух, безжизненную и окровавленную.

Это была рука. Кисть правой руки. Из запястья рос короткий хвост. Теперь он обвис, из него сочилась кровь.

– *Праворучный*, – сообщил Каттеру Дрогон. – *Из касты воинов.*

Раздался треск, точно громадный зверь ломился через лес. Каттер обернулся и попытался вскинуть незаряженный пистолет.

Шум повторился, что-то задвигалось среди деревьев в полумиле от них. Что-то вышло на солнце. Это был великан, огромный серый человек. Путники смотрели, как он приближается к ним, и не знали, что им делать, что говорить. Каттер издал вопль и побежал. Пока он набирал скорость, глиняный гигант поравнялся с ним, и Каттер заметил, что кто-то машет ему сверху; кто-то спрыгнул со спины великана и с распростертыми объятиями бросился к Каттеру, неразборчиво крича на ходу, и Каттер тоже бежал и кричал, и с обеих сыпалась пыль и приставшие к ним мелкие насекомые.

Каттер бежал по склону вверх, тот человек – вниз. Каттер звал человека, звал по имени и плакал.

– Мы нашли тебя, – повторял он. – Мы тебя нашли.

Часть вторая Возвращение

Глава 6

Высоко над рыночной площадью распахнулось окно. Повсюду над рыночными площадями распахивались окна. Это был город рыночных площадей, город окон.

Снова Нью-Кробюзон. Неизменный, безукоризненно верный себе город. Весна выдалась теплой, и на улицах пованивало: смердела вода в реках. Повсюду стоял шум. Нью-Кробюзон был в своем амплуа.

Что кружило над вытянутыми вверх пальцами города и сновало меж них? Птицы, гады летучие, вирмы (смешливые, по-обезьяньи проворные создания), выкрашенные в холодные цвета аэростаты, а еще дым и облака. Естественные перепады ландшафта давно не имели никакого значения в Нью-Кробюзоне, который рос куда и как хотел: город представлял собой настоящую трехмерную головоломку. Тонны кирпича и дерева, бетона, мрамора и железа, земли, воды, соломы и глины складывались в стены и крыши.

В те дни солнце стирало краски с домов и оборванных афиш, перьями топорщившихся на их стенах; оно медленно окунало их в желтизну, словно в чай. Остатки чернил вешали о былых развлечениях, бетон растрескивался. Кто-то из инакомыслящих неуклюже размалевал стены известным граффити в поддержку Железного Совета. Повсюду обломками храмовых сводов торчали опоры надземной железной дороги. Провода пересекались в воздухе, словно струны, и ветер играл на Нью-Кробюзоне, как на арфе.

Ночи были полны другого света: в иликтробарометрических трубках горел газ, вычерчивая в темноте стеклянные изгибы, которые складывались в имена, названия, контуры людей и вещей. Десять лет назад их либо еще не придумали, либо хорошо забыли; теперь с наступлением сумерек всякая улица надевала свой яркий и неповторимый наряд, затмевавший сияние фонарей.

Шум стоял всюду. От него не было спасения. Люди были везде и всегда. Нью-Кробюзон, одним словом.

...тогда несчастный о-пе-ра-тор сказал:

«По-чтен-ней-ший диктатор,

Игру услышать трудно, и даже мысль сама абсурдна...»

На сцене шансонетка Аделина Раднер, известная под псевдонимом Адель Радли (обычно рифмы ради ее называли Адали Радали), под громкие аплодисменты и восхищенный свист подгулявшей публики исполняла песню «Почтеннейший диктатор». Она то кричала, то переходила на шепот, мелко семеня по сцене и взбивая коленями пышные юбки (сценический костюм со множеством рюшей и оборок, в подражание нарядам публичных женщин былых времен, придавал ей вид скорее стыдливый, чем распутный). Тряся кружевными оборками прямо перед носом у зрителей первого ряда, она сгребала со сцены прилетевшие из зала цветы.

Ее прославленный голос, хриловатый и очень красивый, оправдывал любые ожидания. Публика была покорена. Ори Кьюрас, сидевший в конце зала, был настроен критически, но и он не остался нечувствителен к чарам певицы. Своих соседей по столику он не знал и потому приветствовал их только поднятием стакана. Пока те глазели на Адель, он рассматривал их.

В огромном зале «Веселых нищих» витали клубы табачного и наркотического дыма. Места в ложах и бельэтаже занимали крупные воротилы со своими прихлебателями – в основном мужчины, но иногда и женщины. Пришла Франсина Вторая, некоронованная королева хепри. Лепной карниз с изображениями драгонов и похотливых божков затруднял обзор, но Ори знал, что в одной ложе сидит крупный милицейский чин, в другой – кто-то из Братства Рыбей Кости, а в третьей – один из промышленных воротил.

У самой сцены, рядом с оркестром, толклись разноязычные и разномастные мужчины и женщины, глазевшие на лодыжки Адели. Ори занялся практической этнографией.

Кого только там не было: бродяги, мелкие жулики и их главари, иностранные солдаты в увольнительной, тюремные завсегдатаи между отсидками, распутные богачи и неимущие бродяги, нищие, сутенеры со своими подопечными, искатели приключений, точильщики, поэты и полицейские агенты. Над морем человеческих голов здесь и там возвышались какты (их пускали только с выщипанными колючками) и покачивались жукообразные головы хепри. Люди с тонкими сигарами в уголках рта отбивали ритм стаканами или ножами, а официанты сновали вокруг них по опилкам, устилавшим пол. По краям зала посетители сбивались в кучки, но опытный глаз – такой как у Ори, привычного к «Веселым нищим», – легко определял их состав, сходство и различия между ними.

В зале наверняка присутствовала милиция, хотя людей в форме видно не было. Сзади маячил высокий мускулистый человек по фамилии Деризов, – о том, что он тайный агент, было хорошо известно, но никто не знал, откуда он и какое положение занимает, и потому его на всякий случай не убивали. Подле него с истинно сектантским пылом обсуждали свои школы и движения художники.

Столик недалеко от Ори занимала группа молодых людей, принадлежавших к так называемым Новым Дикобразам; они пристально разглядывали Ори и демонстративно плевались всякий раз, когда кто-нибудь из ксениев подходил слишком близко. Ори чувствовал, что его самого молодчики ненавидят особо, как предателя своей расы; разудалая атмосфера многоязыких «Веселых нищих» внезапно придала ему бодрости, и Ори, подняв голову и встретив враждебные взгляды, обнял за плечи сидевшую рядом старуху-водяную. Та удивленно вскинулась, но, увидав Дикобразов, одобрительно хмыкнула и прижалась к Ори, преувеличенно строга глазки то ему, то им.

– Славный парнишка, – сказала она.

Но Ори с бьющимся сердцем смотрел на четверых мужчин, которые глядели на него. Один сердито заговорил с остальными, но на него зашикали, и тогда другой выразительно поднял брови, повернувшись к Ори, постучал пальцем по часам и произнес одними губами: «Погоди».

Ори не испугался. Свои были рядом. Он уже хотел ответить на безмолвный вызов, но вдруг почувствовал отвращение и отвернулся. Ори не раз видел, как его друзья-мятежники ссорились из-за политических взглядов и убеждений – куда там художникам, – но знал, что в случае нужды они придут на помощь и будут сражаться бок о бок с ним. И таких было немало. А Дикобразы терпеть не могли бунтарей.

Тем временем публика неистовствовала, глядя на Адель, люди подпевали и щелкали пальцами, когда та заканчивала куплет: *«подождем, под дожде-о-о-ом»* – а потом зал взорвался аплодисментами. Дикобразы, художники и все прочие хлопали от души.

– Спасибо, спасибо, дорогие мои, спасибо, – сказала Адель прямо в гущу оваций, и ее слышали, так профессионально она владела голосом.

Певица продолжала:

– Я вышла на эту сцену для того, чтобы пожелать вам доброго вечера и попросить вас проявить великодушие к тем, кто выйдет сюда после меня; поприветствуйте их как следует,

покажите им, что вы их любите. Многие из них впервые на сцене, а мы ведь знаем, что такое первый раз, правда? Сплошное разочарование, так ведь, девочки?

Зрители разразились хохотом, предвкушая номер под названием «И все?», к которому явно шло дело. И действительно, знакомо закричал комичный гобой, отзвучали вступительные такты, Адель набрала полную грудь воздуха, умолкла и, выдохнув: «Потом!», убежала со сцены под веселый свист и крики: «Продинамила!»

На сцену вышел первый из выступающих. Точнее, первые: двое детей, наряженных, как куклы, пели, а их матушка играла фортепьянную пьеску. Большая часть публики не обратила на них внимания.

«Вот мерзавка», – подумал Ори. Вышла и сделала вид, будто радушно приветствует новичков. Но толпа собралась ради нее, а значит, ее маленькая начальная импровизация придавит остальных артистов. Адель заранее обрекла их на провал, даже самых лучших. Выступать на одной сцене со знаменитостью трудно и без подобных очаровательных подвохов. Теперь беднягам остается лишь кое-как отыграть свои номера и смыться – все равно публика хочет видеть одну Адель.

На смену музыкальному трио явился танцор – немолодой, но подвижный, и Ори, один из немногих, вежливо посмотрел его номер. Следующим был комический куплетист, несчастный заика, которого освистали бы и без Адели.

Среди артистов не было ни полукровок, ни переделанных: сплошь люди в чистом виде. Ори это встревожило: случайно ли, что Дикобразы присутствуют на представлении без участия ксенийев? Неужели их партия сильна и в «Веселых нищих»? Об этом не хотелось даже думать.

Наконец бестолковый куплетист убрался со сцены. Наступало время последнего разогрева. «Театр гибких кукол, – говорилось в афише, – выступает с печальной и поучительной историей о Джеке-Полмолитвы». Ради них и пришел сюда Ори. А вовсе не ради Адели Радли.

Над сценой опустился занавес, за ним шли приготовления, а публика предвкушала главное событие вечера, «Певчую птицу Собачьего болота». Ори знал, с чем пришел сюда «Театр гибких кукол», и улыбался.

Когда бархатный занавес наконец раздвинулся, литавры и барабаны молчали, артисты ждали, пока их заметят, и прошло несколько секунд, прежде чем в зале раздались короткие вздохи удивления: сквозь клубы табачного дыма люди разглядели новую сцену. Кто-то выругался. Ори увидел, как один из Дикобразов вскочил на ноги.

С куклами все было в порядке: деревянные фигурки в ярких кричащих одежках застыли на краю сценического ящика размером с телегу. Но с миниатюрных кулис и арки просцениума сорвали все занавеси, и кукловоды в серой форме, до боли напоминавшей милицейскую, стояли на виду у публики. Кроме того, на сцене появились новые, совершенно неожиданные предметы. К стене приколотили туго натянутую простыню – волшебный фонарь проецировал на нее изображения газетных статей. Кроме кукловодов на сцене стояли люди, чья роль в представлении была не совсем ясна: группа актеров и музыкантов, а также неопрятное трио с волынками, флейтами и стальным листом вместо барабана, – от услуг местного оркестра кукольники отказались.

Ори показал артистам большой палец. Его друзья стояли молча и неподвижно, а шум в зале делался все более назойливым и даже слегка угрожающим, в задних рядах кто-то крикнул: «Валите отсюда». И тогда со страшным, раздирающим уши грохотом барабанные палочки опустились на железный лист. И тут же, не дожидаясь, когда стихнет гром, другой музыкант завел очаровательную веселую мелодию, немного похожую на мотивы уличных куплетов, а стальной лист в руках его приятеля зарокотал тихо, как небольшой барабан. Вперед выступил актер – в безупречном костюме, с нафабранными усами, – слегка поклонился, приподнял шляпу, приветствуя дам в первом ряду, и во весь голос проорал непристойность, в угоду цензору едва прикрытую лишней согласной, якобы превращавшей ее в бессмыслицу.

В зале разразилась буря. Но Гибкие свое дело знали: самоуверенные шутники, они смешили всерьез и искусно управляли настроением публики, перемежая каждую наглую выходку забавными репризами или веселой музыкой, так что зрители то и дело надрывались от хохота. Однако словесные пощечины не прекращались, и настроение толпы непрестанно колебалось между изумлением и злостью. Ори понял, что доиграть пьесу до конца не удастся: рано или поздно терпение публики лопнет.

Никто не мог понять, что происходит на сцене: вопли, обрывки реплик и звуков никак не складывались в одно целое, загадочные, причудливые костюмы сменяли друг друга. Куклы двигались легко и непринужденно, но вместо того, чтобы разыгрывать, как им полагалось, традиционную сказку с моралью в конце, эти маленькие провокаторы по воле кукловодов нахально огрызались на рассказчика, пискляво перечили ему на псевдодетском языке, пересыпанном составными словами и звукоподражаниями, и отплясывали под шумок скрытую похабщину, насколько позволяли бечевки и деревянные суставы.

Отдельные картинки и даже анимация – циклы рисованных изображений, двигавшихся с такой скоростью, что казалось, будто герои в самом деле бегают, прыгают и стреляют, – сменяли друг друга на экране с невероятной быстротой. Рассказчик болтал, спорил с кукловодами и актерами, и, несмотря на растущее недовольство партера, в хаосе спектакля вдруг стал вырисовываться сюжет о Джеке-Полмолитвы. Толпа слегка притихла: это был популярный сюжет, и всем хотелось посмотреть, что сделают с ним театральные нувисты-анархисты.

В общих чертах предыстория была знакомой.

– Я уверен, вы все помните, – сказал рассказчик и не ошибся: все это происходило двадцать лет назад.

Куклы вкратце изобразили основные события. Кто-то кого-то предал, и Джека-Полмолитвы, легендарного Джека, вождя беспределов, схватили. Ему отрубили клешню богомола, которая служила ему вместо правой кисти: сначала пришили на пенитенциарной фабрике, а потом, когда он обратил ее против угнетателей, отрезали. Куклы разыграли жуткую сцену с фонтанами крови.

Разумеется, милиция всегда твердила, что он бандит и убийца, и он действительно убивал, кто спорит. Но, как и почти все легенды, эта изображала Джека таким, каким его запомнили люди: благородным разбойником, героем. Джека поймали, так что история была с грустным концом, и цензура не мешала людям в нее верить.

Конечно, никакого публичного повешения не было – конституция не позволяла, но способ выставить Джека на поругание все же нашли. Его привязали к гигантскому позорному столбу на площади Биль-Сантум, что возле Вокзала потерянных снов, и продержали там несколько дней, а надсмотрщику велели считать любое его движение попыткой сопротивления и пускать в ход кнут. И даже наняли людей, чтобы глумиться над ним, – так все решили. Многие кробоюзонцы ходили тогда посмотреть на него, но никто не смеялся. Кое-кто утверждал, будто это не настоящий Джек: «Клешни-то у него нет, нашли какого-то дурачка несчастного, оттяпали ему руку и выставили к столбу, вот и все». Но в их словах было больше отчаяния, чем веры.

Марионетки подходили к позорному столбу из фанеры, где стоял деревянный Джек, и снова уходили.

И вдруг – *та-та-та-та* – заговорил металлический барабан. Все актеры начали кричать и жестахми подзывать кукол-милиционеров, на экране появилась надпись: «ВСЕ ВМЕСТЕ!», и даже скептически настроенные зрители прониклись духом представления, заорав: «Сюда, сюда!» Так все и было тогда: кто-то в толпе отвлек на себя внимание, и неясно, нарочно или нечаянно, хотя у Ори было свое мнение на сей счет. Пока отряд кукольной милиции раскачивался над сценой, он вспоминал.

Воспоминание было нечетким, совсем детским, – он не знал даже, как очутился тогда на площади и кто его туда привел. В тот день впервые за много лет милиционеры появились на публике в форме – позднее это стало обычным делом – и серым клином врезались в толпу, направляясь туда, откуда шел крик. Надсмотрщик взвел замок кремневого ружья, бросил кнут и присоединился к ним, оставив привязанного к столбу человека.

Ори помнил, что заметил головореза, лишь когда тот поднялся на эшафот к Джеку. Образ его и сейчас стоял у Ори перед глазами, хотя было непонятно, действительно это воспоминания детства, или картина сложилась позднее, под влиянием услышанного. На того человека – а вот и он, смотри-ка, уже на сцене, лезет на эшафот, пока милиция не видит, – нельзя было не обратить внимания. Он был лыс, лицо рябое, словно его десятилетиями покрывали угри, широко расставленные глаза запали, лохмотья болтались на худом теле, широкий шарф, как маска, прикрывал нос и рот.

Кукла с преувеличенной осторожностью всползла по ступеням эшафота и вдруг окликнула Джека хриплым голосом – эхо того громкого и пронзительного оклика двадцатилетней давности. Кукла назвала Джека по имени, как и тот человек. А потом он шагнул к Джеку и вытащил нож и пистолет (крохотное оружие из фольги заблестело на сцене).

«Помнишь меня, Джек? – крикнул он тогда, и кукла крикнула тоже. – Я пришел отдать тебе должок». В голосе звучало торжество.

Многие годы после убийства Джека-Полмолитвы в пьесах давалось простое и удобное объяснение этому. Тот рябой мужчина – брат, отец или возлюбленный одной из жертв Человека-Богомола, – переполненный справедливым негодованием, не мог больше ждать и захотел убить убийцу. И хотя по-человечески такой поступок вполне понятен и никто не вправе его осуждать, тем не менее закон этого не допускает; вот почему, когда человека заметили, милиционеры вынуждены были его предупредить, но это не помогло, и по нему открыли огонь, чтобы расстроить его планы, а в перестрелке шальная пуля убила Джека-Полмолитвы. И это очень печально, ведь уголовный процесс еще не был завершен, хотя, разумеется, финал все равно был бы таким же.

Такую историю преподносили публике много лет, но актеры и кукловоды, неизменно представлявшие Джека опереточным злодеем, замечали, что публика не перестает его любить.

По прошествии десятилетия возникли новые истолкования, содержавшие ответ на вопрос: *«Почему Полмолитвы приветствовал того человека радостным криком?»* Очевидцы вспоминали, как человек со шрамами поднял пистолет и Джек будто бы даже подался ему навстречу, так что, конечно, это был акт милосердия. Кто-то из шайки Джека рискнул жизнью и пришел положить конец унижениям главаря. И может быть, ему это удалось – ведь никто теперь не докажет, что плененного разбойника прикончила милицейская пуля. Может, первым стрелял друг, спасая друга.

Публике такой вариант нравился куда больше. Джек-Полмолитвы вновь представал в облике героя и защитника, которым его больше десяти лет наделяли подпольные граффитисты. История превратилась в величественную и отчасти поучительную трагедию благородных, но обреченных сердец, и, что всего удивительнее, цензура не возражала против такой трансформации. В одних пьесах спаситель убивал Джека, а потом кончал с собой, в других его настигала милицейская пуля. Сцены гибели того и другого с каждой новой постановкой становились все длиннее. Правдой – так, как понимал ее Ори, – в них и не пахло, хотя мертвый Джек висел у позорного столба, а человек со шрамами исчезал и его судьба оставалась невыясненной.

Вверх по крошечным ступенькам взбежал кукольный человек со шрамами, протягивая вперед руки с оружием и подхватывая брошенный надсмотрщиком кнут, что, согласно легенде, сделал его реальный прототип (это сложное движение требовало многочисленных бечевек и булавок). *Но что это?*

– Это что такое? – закричал рассказчик.

Ори улыбнулся – он читал сценарий – и сжал кулаки.

– Зачем ты взял кнут? – спросил рассказчик.

Дикобразы, на время поддавшиеся грубоватому очарованию авангардной постановки, теперь пришли в себя, повскакали с мест и кричали: «Долой, долой!»

– Шпалер у меня есть, – ответил человек со шрамами, обращаясь прямо к отчаянно вопившим зрителям. – Шабер тоже. Почему бы еще плетку не прихватить?

– Эй, рябой, у меня идея, – сказал рассказчик.

– У меня у самого идея, ясно тебе? – огрызнулся кукольный человек. – Это и вот это, – сказал он, протягивая вперед нож и пистолет, – не для меня, ясно?

Крохотный механизм одним элегантным движением перевернул пистолет в руке человека со шрамами рукояткой вперед, и вот он уже протягивал связанному другу *дар*, а ножом перерезал путы.

Тяжелая кружка описала над головами зрителей дугу, оставляя за собой пивной шлейф, и с грохотом разбилась. Одни орали: «Измена!», другие вскакивали со своих мест и кричали: «Да, да, расскажите все как было!» Увертываясь от летевших в них стаканов, упрямые кукловоды продолжали старую историю на новый лад. Их маленькие человечки не падали жертвой рока, не изнемогали под бременем идей, слишком высоких для этого мира, не становились жертвами недостойного их общества – нет, они продолжали сражаться в надежде победить.

Гам стоял такой, что актеров не было слышно. На сцену летели объедки. Небольшое волнение за кулисами, и на сцену вышел распорядитель в помятом сюртуке. Его подталкивал, буквально выпихивал худосочный молодой человек – чиновник из цензурного комитета: находясь за кулисами, он прослушивал все заявленные в программе представления. В тот вечер его работа внезапно обрела смысл.

– Хватит, вы должны остановиться, – закричал распорядитель и попытался стянуть кукол со сцены. – Меня проинформировали о том, что ваше представление окончено.

Но он недолго пыжился. В него тоже полетели объедки, отчего распорядитель совсем сник. Группа поддержки кукольников, небольшая, но горластая, требовала продолжения спектакля, и молодой цензор, видя, что распорядитель «Веселых нищих» растерялся, сам вышел на сцену и обратился к зрителям:

– На представление наложен запрет. Труппа объявляется виновной в оскорблении Нью-Кробюзона второй степени и распускается на время расследования обстоятельств.

– Да пошел ты, долой, вали отсюда, даешь шоу! Кого они оскорбили? Какое еще оскорбление?

Но молодой цензор, не моргнув глазом, заявил, что лучше сдохнет, чем станет повторять крамолу.

– Полиция уже едет сюда, и всякий, кто не покинет помещение до ее прибытия, будет считаться соучастником. Пожалуйста, просьба ко всем покинуть зал.

Однако заведенная толпа расходиться не собиралась. Кружки снова взмыли в воздух и, судя по крикам в зале, нашли свою цель. Дикобразы двинулись к сцене, явно собираясь накопывать актерам. Ори, заметив это, вскочил на ноги и сделал знак находившимся поблизости друзьям; те кинулись наперерез бандитам, которые уже хрустели суставами в предвкушении драки, и побоище началось.

На сцену выскочила Адель Радли, уже облаченная в свое откровенное одеяние, и стала взывать о мире. Ори увидел актрису, когда его кулак опускался на затылок одного из Дикобразов, затем вновь оглянулся на сцену. Там актеры и кукловоды поспешно сгребали свое добро. Вопли, звуки ударов и звон разбитого стекла перекрывались великолепным голосом исполнительницы «Певчей птицы Собачьего болота», призывавшей прекратить драку, но никто не обращал на нее ни малейшего внимания.

Глава 7

С пьесой все было кончено, и появившиеся милиционеры больше старались очистить здание, чем произвести аресты. Ори с друзьями задержали Дикобразов, дав актерам собраться, а потом скрылись вместе с ними за сценой, проскользнув под самым носом у дерущихся. Те в большинстве своем были пьяны настолько, что думать забыли о политических разногласиях и дрались просто ради драки.

В переулочек за театром выскочили перемазанные кровью, но хохочущие актеры, на ходу запихивая свои костюмы в сумки, и двое-трое зрителей, как Ори. Только что прошел легкий дождь, но ночь была теплой, и казалось, будто город вспотел.

Петрон Каррикос, рассказчик, отклеил усы – над его верхней губой остался призрачный след резинового клея – и прилепил их на одинокую афишу проповедника-возрожденца, снабдив его густыми бровями. Вместе с Каррикосом и еще несколькими актерами Ори пошел на запад, к Кадмийной улице. Оттуда они выйдут к станции «Салакусские поля», не подходя близко к «Веселым нищим».

Вечер был не слишком поздний, и по улицам на границе Салакусских полей и Шумных холмов вовсю сновал народ. Чуть ли не на каждом углу стояла милиция. Ори пробрался сквозь толпу зевак и театралов, миновал любителей музыки, толкавшихся у будок с вокситераторами, оттолкнул пару-тройку големов, которые огромными марионетками покачивались в толпе, помеченные поясами с цветами своих хозяев. Стены пестрели знаками. Те, кто умел читать граффити, узнавали из них о нелегальных выставках, театрах и актерских сквотах⁵. Салакусские поля превращались в колонию богемы выходного дня. Раньше богатые бездельники и золотая молодежь селились здесь, ища забвения в разврате и дешевых удовольствиях, теперь же приходили сюда ненадолго, точно туристы. Ори презирал их. Художники и музыканты съезжали, агенты и торговцы недвижимостью скупали освободившиеся дома, арендная плата росла, а в делах наблюдался упадок. Что ж – вперед, в Шумные холмы.

Улицы под трескучими иликтробарометрическими вывесками были полны прохожих. Ори кивал тем, кого знал по собраниям и спектаклям: женщине у дверей серебряных дел мастера, коренастому какту, раздававшему флаеры. Кирпичные стены покосились, но не обрушились, дома лепились друг к другу, сверкая металлическими и бетонными заплатками, размазанные яркими рисунками, спиралями и непристойностями; над ними там и сям уходили в небо шпили храмов, дозорные вышки милиции и высотные здания. Вечер перетекал в ночь, толпа на улицах редела.

Поезд проходящей над крышами надземки домчал Ори до станции «Коварная», где он перешел на другую платформу; друзья постепенно выходили, вот и Петрон сделал пересадку до холма Мог, и Ори остался один среди развалившихся на сиденьях поздних пассажиров, от которых разило джином. Он прошел мимо группы людей в комбинезонах – рабочих второй смены: те отвернулись, не желая глядеть на пьяниц. Опустившись на сиденье рядом с пожилой женщиной, Ори проследил за ее взглядом сквозь заляпанное грязью стекло. Он тоже стал смотреть в окно на проносившийся мимо громадный город, похожий на кишевшую болотными огнями бескрайнюю топь. Поезд пересек реку. Ори понял, что женщина смотрит в никуда, и стал подражать ей: лишь дрожание огоньков на каком-нибудь перекрестке – суставе города – изредка привлекало его внимание.

На улице в районе Сириак, где жил Ори, не было принято занавешивать окна. Просыпаясь ночью, он выглядывал наружу и при свете газовых фонарей видел в доме напротив огром-

⁵ Сквот – пустующий дом или квартира, незаконно занятые группой бездомных людей.

ные неподвижные силуэты спавших стоя. Улицу населяли какты. Он и сам снимал комнату у доброй ворчливой женщины-какты, которая, когда Ори переехал, без малейшего усилия подхватила одной зеленоватой рукой все его чемоданы и отнесла наверх.

Тускло светя огнями, предупренные поезда проносились под окнами верхних этажей. Они отправлялись к холмам юга или на огромный северный терминал, расположенный между двумя реками, – анархическое скопление разных стилей, нервный узел города, известный как Вокзал потерянных снов.

Ночь продолжала делать свое дело. Теплый влажный воздух отнимал клейкость у клея и проникал в швы кирпичной кладки в самых старых районах города, в бандитских бараках и увитых плющом развалинах Собек-Круса. На окраинах Костяного города в торговых складах ночевали целые семьи. По Барсучьей топи бродили кошки, а под утро мимо витрин магазинов брел в свою нору барсук. Под облаками выжидали аэростаты – зловещие и неподвижные.

Две реки протекали сквозь город и сливались в один могучий поток, Большой Вар, который, стеной, катил свои грязные воды в поисках моря под мостами, мимо городских окраин, мимо лачуг в окрестностях Нью-Кробюзона. Нелегальные обитатели города по ночам ненадолго появлялись на улицах и прятались снова. Существовала целая ночная промышленность. Кто-нибудь всегда бодрствовал в элегантных особняках и высотках, в отделанных красным камнем особняках Хнума и в гетто ксений – в Оранжеее и на террасах домов Кинкена и Ручейной стороны, покрытых застывшими выделениями хеприйских домовых червей. Жизнь бурлила везде.

Все газеты города молчали о случившемся и на следующий день, и после. Однако горожане все же узнавали о происшедшем.

Нужным людям Ори сам сообщал, что был там. Проходя мимо магазинов и пабов Сирика, он ловил на себе взгляды и знал, что те, кто на него смотрит, – вон та женщина, этот водяной, тот человек или какт, даже некоторые переделанные, – на стороне Союза. Стараясь не выдать волнения, Ори подносил к груди кулак в тайном приветствии, на которое иногда получал ответ. Между собой сторонники Союза общались при помощи сложных движений пальцев, передавая на безмолвном жаргоне сообщения, разобрать которые Ори не мог. Он утешал себя тем, что они, возможно, говорят о нем.

Члены Союза обсуждают его на своих тайных сходках. Ори знал, что это не так, но сама мысль была ему приятна. Да, он дружил с нувистами, которые не опустили руки, не растратили себя понапрасну и не стремились к эпатажу любой ценой. И он представлял себе, как все «союзники», позабыв о фракциях, стратегии и тактике, о милиции с ее осведомителями, придут поблагодарить Ори Кьюраса и его друзей за отлично устроенную провокацию. Конечно, такого никогда не случилось бы, но Ори нравилось мечтать об этом.

В Большой петле Ори брался за любую работу. За еду и жалкие гроши он нанимался и грузчиком, и разносчиком. Он грузил темно-серые части каких-то военных машин, которые, должно быть, отправлялись вдоль побережья через Скудное море и проливы на театр военных действий. Ори работал на сортировочных станциях и подъездных путях, в компаниях по сносу домов, разгружал баржи у Мандрагорова моста, а вечером выпивал с товарищами по работе – друзьями на день.

Ори был молод, и бригадиры наезжали на него, но с оглядкой. Они были раздражены и обеспокоены. Проблем везде хватало. На заводах Большой петли, Паутинного дерева и Эховой трясины наступили тяжелые времена. Вблизи литейных мастерских на Гудящей дороге Ори видел шрамы от костров там, где в последние недели стояли пикеты. На стенах виднелись знаки, оставленные инакомыслящими: «Торо», «Человек-Богомол жив!», шаблонное изображение Железного Совета. А у Развилки Трирога, где меньше года назад милиция рассеяла толпу из сотен демонстрантов, стены до сих пор были в щербинках от пуль.

Тогда все началось в концерне «Парадокс»: увольнения спровоцировали стихийное возмущение, которое скоро выплеснулось на улицы, и во всей округе не осталось ни одной целой витрины, ведь к рабочим концерна присоединились другие, чьи требования варьировались от возвращения уволенных до увеличения зарплаты, а закончилось все руганью на мэра и на выборную лотерею, требованиями дать право голоса. Полетели бутылки, в том числе с зажигательной смесью. Раздались выстрелы – милиция то ли отстреливалась, то ли начала первой: погибли шестнадцать человек. С тех пор кто-то упорно писал их имена мелом на перекрестке, а кто-то так же упорно их стирал. Проходя мимо этого места, Ори всегда осторожно прижимал к груди кулак.

В пятницу Ори ходил в «Зазнобу бакалейщика». Около восьми вечера двое мужчин покидали бар и больше не возвращались. За ними уходили другие, группами и поодиночке. Ори допивал свое пиво и выходил якобы в туалет, но, убедившись, что за ним не следят, сворачивал в пятнистый от сырости коридор и поднимал крышку люка, ведущего в подвал. Из темноты на него молча глядели собравшиеся – подозрительно и приветственно в равной мере.

«Хаверим», – обращался к ним Ори: слово, взятое из древнего языка. Они отвечали: «Хавер», что значило: «товарищ, ровня, заговорщик».

Однажды – такое случилось впервые – пришел переделанный. Его руки срослись в запястьях; он сжимал и разжимал пальцы, напоминая птицу.

Регулярно приходили две женщины-вязальщицы с подпольной фабрики у железнодорожного моста в Бездельном броде, докер, машинист, а еще клерк-водяной в костюме из особой ткани, которая позволяла ему сидеть в воде в пиджаке, брюках и галстуке. Стоя слушал выступления инакомыслящий из кактов. На бочонках дешевого вина и пива, как на столах, лежали запрещенные газеты: помятый «Крик», «Наковальня» и несколько экземпляров «Буйного бродяги», самого известного бунтарского листка.

– Спасибо, что пришли, хаверим. – Мужчина средних лет говорил спокойно и властно. – Приветствую нашего нового друга, Джека. – Он кивнул переделанному. – Война с Тешем. Внедрение в милицию. Свободные профсоюзы. Забастовка в пекарне Пуррилла. Мне есть что сказать по каждому пункту. Но я хочу уделить несколько минут разговору о моем – о нашем, «ББ», – подходе к расовому вопросу. – Он поглядел на водяного, затем на какта и продолжил говорить.

Именно такие разговоры и дискуссии сблизили Ори с кружком «Буйного бродяги». Три месяца подряд каждую вторую неделю он покупал газету у одного торговца фруктами на Темной стороне, и наконец хозяин лавки спросил Ори, не хочет ли он обсудить поднимаемые в листке вопросы со знающими людьми, и дал адрес этого тайного сборища. Ори не пропустил ни одного собрания, чаще других выступал с вопросами и возражениями, яростнее других спорил, – правда, потом почти перестал, – и вот однажды, когда они с руководителем кружка остались после собрания одни, тот с обезоруживающей простотой назвал ему свое настоящее имя: Курдин. Ори открыл свое, хотя на собраниях они, как и все остальные, продолжали называть друг друга Джеками.

– Да, да, – говорил Курдин, – думаю, что это правильно, Джек, но вопрос в том – почему?

Ори развернул свой экземпляр «ББ» и просмотрел его наискосок. Все те же наставления о необходимости согласованных действий, сердитые и содержательные аналитические статьи, отчеты о забастовках, забастовках, забастовках. Стоило двоим-троим рабочим отложить инструменты хотя бы на полчаса, – неважно, добились они чего-нибудь или нет, – и о них тут же упоминали в газете. А уж если стачку устроили человек двадцать, а то и сто, если пропал из виду член гильдии или находящийся под подозрением деятель профсоюза, то и подавно. Газета превратилась в хронику происшествий, больших и малых. Ори стало скучно.

Несколько статей были вырезаны. Собрания все больше и больше угнетали его. На них ничего не происходило. Жизнь шла где-то в других местах. В «Веселых нищих», к примеру.

Ори постучал по своему экземпляру газеты.

– Где Торо? – спросил он. – Он убрал еще одного, я слышал. В Хнуме. Он и его команда вырубili охрану и застрелили судью, который там жил. Почему здесь ничего об этом нет?

– Джек... наше отношение к Торо известно, – сказал Курдин. – В прошлом выпуске мы посвятили ему целую статью. Мы не... это не наш способ действий...

– Знаю, Джек, знаю. Вы его критикуете. Придираетесь. – (Руководитель собрания промолчал.) – Торо не отсиживается по углам и *дело делает*, ясно? Он борется, а не сидит и *ждет* неизвестно чего, как вы. А вы все выжидаете, а ему говорите, что он вперед батьки в пекло лезет?

– Все совсем не так. Я никогда не стану нападать на тех, кто борется против судей, милиции и мэра, но, Джек, Торо не может изменить мир в одиночку или с кучкой единомышленников...

– Нет, но кое-что он все-таки меняет.

– Этого мало.

– Но это уже *кое-что*.

Ори уважал Курдина, поняв многое благодаря беседам с ним и его брошюрам. Отдаляться от него не хотелось, но самодовольство лидера стало приводить Ори в бешенство. Этот человек в отцы ему годится, – может, он просто состарился? Они сидели и молча ели друг друга глазами, пока остальные смотрели то на одного, то на другого.

Позже Ори извинился за свое поведение.

– Какая мне разница, – ответил Курдин. – Груби сколько хочешь. Но вот что я скажу тебе, Джек... – Они были одни, и Курдин тут же поправился: – Скажу тебе правду, Ори. Я беспokoюсь. Похоже, ты катишься по наклонной плоскости. Эти твои пьесы, эти куклы... – Он покачал головой и вздохнул. – Я не против, честное слово, я слышал о том, что случилось в «Веселых нищих», и, знаешь, вы молодцы, ты и твои друзья. Но стрельбы и эпатажа недостаточно. Ответь мне на один вопрос. Твои друзья, выступающие с «Гибкими куклами», – почему они выбрали такое название?

– Вы же знаете.

– Нет, не знаю. Я понимаю, что это своего рода дань уважения, и меня это радует, но почему именно *ему*, а не Сешеку или Биллу Ле Джинсену, почему не Поппи Луткину?

– Потому что тогда нас арестовали бы.

– Не валяй дурака, парень. Ты прекрасно понимаешь, о чем я, – если хочешь насолить мэру, есть сотни имен, но вы выбрали именно *его*. Основателя и главного редактора «ББ» – не «Кузницы», «Борьбы трудящихся» или «Шила». А почему? – Курдин хлопнул себя газетой по ляжке. – Я отвечу тебе, парень, – понимаешь ты это или нет: только его одного по-настоящему боятся власти. Потому что он все говорил *правильно*. И о фракциях, и о войне, и о плюрализме. А Билл, Поппи, Зеленый Неклинг и прочие, в том числе и Торо... Послушай, Торо со всей своей бандой, даже Джек-Полмолитвы, – люди, конечно, хорошие, *хаверим*, но в таких вещах их подход ни к черту не годится. Бен был прав, а Торо – нет.

Ори не понял, чего в словах Курдина было больше: высокомерия, убежденности, страсти или исследовательского интереса. И он был слишком зол, чтобы разбираться.

– Так ты и над Джеком-Полмолитвы насмехаешься?

– Да нет, конечно, я же не говорю, что...

– Да кем ты себя возомнил, слюни господни? Торо *делом* занят, Курдин. Он действует. А ты – ты только *болтаешь*, «ББ» болтает. А Гибкий Бен *умер*. И уже давно.

– Ты несправедлив, – услышал Ори ответ Курдина. – У самого еще молоко на губах не обсохло, а туда же, мне про Гибкого Бенджамена рассказывает.

Говорил Курдин беззлобно, скорее желая пошутить, но Ори взбесился.
– Я хоть *что-то* сделал! – орал он. – Я хотя бы *действую*!

Глава 8

Никто, похоже, не знал, что стало причиной войны с Тешем. У приверженцев «Буйного бродяги» были свои теории, у правительства – свои, за которыми скрывались какие-то махинации, но там, где протекала жизнь Ори, никто не знал, из-за чего и даже когда война началась.

Много лет назад в Нью-Кробюзоне случился затяжной спад, и экипажи торговых кораблей стали рассказывать о неизвестных судах, совершавших на них молниеносные пиратские нападения. Исследовательские экспедиции и торговля ньюкробюзонцев оказались под угрозой. За свою историю Нью-Кробюзон постоянно колебался между принципом самодостаточности и колониальной политикой, но, как замечали его уязвленные лидеры, никогда еще по планам, связанным с заморской торговлей, не наносилось столь неожиданного удара.

После нескольких столетий колебаний и охлаждения отношений город заключил соглашение с ведьмократией, и корабли под флагом Нью-Кробюзона опять начали беспрепятственно бороздить воды пролива Огненная вода. Так был открыт морской путь к тучным землям на дальней оконечности континента и близлежащим легендарным островам. Корабли возвращались в гавань, и моряки рассказывали о Мару'ахме. Годами они плавали за тысячи миль от дома и привозили из крокодилий городов-двойников под названием Братья слитки золота с вкраплениями драгоценных камней. А потом на море снова начался разбой, на этот раз беспощадный, и в Нью-Кробюзоне начали понимать, что это – открытое противостояние.

Таинственные суда Теша, всегда ветхие – баркентины и щегольские лодочки под парусами из яркой материи, – и их матросы с выкрашенными хной бородами и подпиленными зубами перестали появляться в порту Нью-Кробюзона. Прошел слух, будто по давно забытым дипломатическим каналам тайный посол Теша сообщил мэру города о том, что два государства находятся в состоянии войны.

Сообщения о кораблях, ограбленных моряками Теша в проливе Огненная вода, появлялись все чаще и носили теперь официальный характер: об этом писали в газетах и правительственных информационных листках. Мэр ратовал за отмщение и ответный удар. Военно-морской флот стал вербовать больше новобранцев, – как слышал Ори, в том числе и насильственно.

Война пока еще шла далеко и казалась абстракцией – морские сражения в тысячах миль от Нью-Кробюзона. Но конфликт разгорался все больше. Министры все чаще говорили о нем в своих речах. Вновь сделанная ставка на заморскую торговлю оказалась неоправданной: зарубежные рынки не спешили распахнуться для ньюкробюзонских товаров, доступ к редким предметам роскоши был отрезан. Корабли уходили и не возвращались. Закрытые некогда заводы так и не заработали – наоборот, переставали работать все новые, и вывешенные на их воротах объявления о «временной остановке производства», словно в насмешку, поросли мхом. В городе наступил застой; работы не было, целые районы превращались в трущобы. Комиссованные солдаты начали возвращаться домой.

Инвалиды войны просили милостыню в Собачьем болоте и Речной шкуре, а заодно рассказывали о своих несчастьях всем желающим. Покрытые шрамами, лишившиеся рук и ног в бою или в переполненных лазаретах, они носили следы таких ранений, которых не мог нанести никто, кроме солдат Теша.

Сотни вернувшихся оставили на войне разум и, рассеянные по всему городу, в безумном бреде синхронно твердили одни и те же слова на неведомом шипящем языке. Ори слышал, что у некоторых глаза превратились в набухшие кровью мешки, но зрения они не лишились и непрерывно кричали, видя повсюду смерть. Люди боялись ветеранов, как собственной нечистой совести. Однажды, много месяцев назад, проходя по улице, Ори увидел человека, который разглагольствовал перед толпой, потрясая своими руками, серыми и безжизненными, точно вымоченными в отбеливателе.

– Вы знаете, что это такое! – кричал он им. – Знаете! Меня слегка задел взрыв, и вот, видите? Костоправы думали отнять мне руки, говорили, что от них все равно проку нет, но они просто не хотели, чтобы вы *увидели*...

Он повертел своими жуткими конечностями, и те заколыхались, точно бумажные, но тут подоспели милиционеры, заткнули ему рот и повели прочь. Ори успел заметить ужас на лицах зевак. Неужели в Теше и впрямь вспомнили давно забытую науку изготовления цветочных бомб?

Неуверенность в завтрашнем дне, упадок нравов, страх стали приметами городской жизни. И тогда правительство собралось с силами. Два или три года назад оно объявило о переходе к особой наступательной тактике. Стало больше работы и больше трупов. Каждый знал кого-нибудь, кто сам ушел на войну или напился с незнакомцами в портовом кабаке и исчез. На верфях Устья Вара, города-спутника Нью-Кробюзона, начали строить броненосцы и субмарины, и это стало толчком к возрождению: на заводах и фабриках, разбуженные войной, заработали прокатные станы и загрохотали молоты.

Гильдии и профсоюзы были объявлены вне закона либо сильно потеряли в правах. Новые рабочие места создавались даже для тех, кто привык нищенствовать, хотя толку от них было мало. Напряжение в Нью-Кробюзоне достигло предела, город надрывался из последних сил.

Каждая эпоха порождает своих разбойников. Когда Ори был ребенком, гремело имя Джека-Полмолитвы, Обездчик прославился в Неделю Праха, Алоиза с бандой знал каждый сто лет тому назад. Да и сам Джаббер в некотором смысле тоже был разбойником. Отвергнутые обществом, они устанавливали свои правила, и толпы людей, которые плевались при виде переделанных, клялись именем Джека-Полмолитвы. Разумеется, слава многих была раздута: в свое время это были обыкновенные карманники, которых народная молва почему-то возвела в ранг героев. Но некоторые существовали на самом деле, как Джек, – Ори не сомневался, что видел его. А теперь появился Торо.

Суккоту Ори проводил с актерами. Взяв зарплату за день, он встречался с ними в «Загоне», пабе у Холмового моста, где они играли в игры и спорили об искусстве, а вдали виднелись вымазанные слюной насекомых крыши Кинкена. Студенты и затворники богемных кварталов всегда радовались приходу Ори, ведь он был одним из немногих настоящих рабочих в их кругу. Вечером Ори, Петрон и другие устраивали арт-инцидент: надев костюмы свиней из пантомимы, они шествовали на Салакусские поля мимо «Часов и петуха», давно опошленных всякими выскочками и городскими позерами, приходившими туда поиграть в искусство. Актеры хрюкали на посетителей и пороссячьими голосами визжали: «Ах, ностальгия!»

В пыледельник Ори грузил товары в порту, а вечером пил с работягами в одном из пабов Бездельного брода. Сидя в дымном, полном пьяного смеха зале, он скучал по пестроте «Загона». Его внимание привлекла одна барменша, и Ори вспомнил, что видел ее на каком-то подпольном сборище. Стоя рядом с ним, она отогнула край фартука и показала ему экземпляр «Буйного бродяги» в потайном кармане, предлагая купить, но обида и злость на Курдина навалились на Ори с новой силой.

Он так решительно замотал головой, что барменша подумала, будто обозналась. Ее глаза расширились. Бедная женщина, Ори вовсе не хотел ее пугать. Он убедил ее в том, что разговаривать с ним безопасно, называя ее Джеком.

– Я устал от них, – шептал он. – Устал от «Буйного бродяги», который вечно толкует, что к чему, но никогда *ничего* не делает, устал ждать перемен, которые не наступают. – И он изобразил пародию на язык немых.

– Хочешь сказать, что это бессмысленно? – переспросила она.

– Да нет, смысл есть... – Ори в запальчивости ударил кулаком по столу. – Я уже несколько месяцев эту чушь читаю. То есть... милиция-то не сидит на месте. Дикобразы действуют. А с нашей стороны что-то делают лишь психи из Лиги Неумеренных или бандиты вроде Торо.

– Ты ведь это не всерьез, правда? – Джек старательно понизила голос. – Ты ведь знаешь про ограничения...

– Черт, Джек, да не заводи ты эту бодягу про «границы индивидуальной активности». Достало уже. Ну скажи, разве тебе хотя бы изредка не хочется наплевать на все с высокого дерева? Понятное дело, ты ждешь перемен, как все мы, но перемены все не приходят и не приходят, и тогда начинаешь жалеть, что нельзя просто взять и плюнуть на все.

Вечером рыбдня Ори вышел из поезда на станции «Селитра». В дымном сумраке он шагнул по кирпичным трущобам Грисской пади, переполненным людьми, как садок кроликами, мимо хозяек, которые отскребали с крылечек своих домов копать из труб машинофактур и завитки граффити да переговаривались из окна в окно. Возле старой конюшни стояла очередь за бесплатным супом. Формально деньги на благотворительность шли из Кинкена, и порядок поддерживали три хепри, вооруженные – в подражание их главным богиням, Стойким сестрам, – арбалетом, кремневым ружьем, копьем и сетью с крюками, а у одной даже был жаломет с метазаводным механизмом.

Хепри потягивались, распрямляя тонкие и гибкие женские тела. Общались они без слов, шевеля ножками и усиками своих жукообразных голов, радужных, двухфутовой длины. Головы испускали пахучие облачка. Обернувшись к Ори – тот видел свое отражение в фасетках их глаз, – хепри узнали его и жестом пригласили к котлу. Он стал разливать суп и передавать его терпеливо ждущим своей очереди бездомным.

Начало благотворительной кухне положили деньги из Кинкена, но работали там местные. Когда, по словам мэра, у города кончились средства на поддержку нуждающихся, стали возникать альтернативные структуры. То ли в надежде пристыдить правителей Нью-Кробю-зона, то ли от отчаяния разные политические группировки запускали собственные социальные программы. Плохо продуманные, они не могли удовлетворить всех желающих, однако партии конкурировали между собой, и одна программа вызывала к жизни другую.

В Каминном вертеле всем заправляли церкви: забота о стариках, сиротах и нищих лежала на верующих, монахах и монахинях. Открывая примитивные больницы и благотворительные кухни, секты еретиков и фанатиков заработали такой мощный капитал доверия, какой не собрать и за тысячу лет, проведенных в молитвах. Видя это, партия Новых Дикобразов решила не только избивать на улицах ксениев, но и открыть в Сантере приют для людей. Революционеры-подпольщики не могли последовать их примеру и заниматься благотворительностью открыто – их тут же арестовали бы.

Вот почему они согласились брать деньги Кинкена – по слухам, их давала сама Франсина Вторая, королева хеприйских преступников. Заправила подпольной экономики нередко финансировали благотворительные программы: говорили, что из-за этого весь Костяной город стеной стоял за господина Попурри. Но откуда бы ни брались деньги, в приюте Грисской пади работали местные, и Союз настойчиво добивался, чтобы участие его сторонников не осталось незамеченным.

Когда бок о бок с непосвященными оказывались «союзники» разных направлений, это всегда приводило к расколу. Но спорить на политические темы приходилось шепотом во время перерывов.

Ори разливал бульон. Многих бездомных он помнил в лицо; некоторых знал по именам. Среди нищих было много переделанных. Вот, держась за лохмотья своего спутника, мимо проковыляла женщина с гладким лицом: от кончика носа до линии роста волос на нем не было ровно ничего, глаза удалили в наказание за какую-то провинность. Большинство стоявших в очереди были людьми, но впавшие в бедность представители других рас тоже не брезговали

даровым супом. Приходил один какт с прозрачными и хрупкими от старости иголками. Лица многих мужчин и женщин покрывали шрамы. Встречались и сумасшедшие: они пели гимны, бормотали что-то непонятное или задавали бессмысленные вопросы.

– А ты дубль? – приставал ко всем прилизанный старикашка с едва уловимым акцентом. – Дубль? Или неумеренный? А может, ты вне закона? Сынок, ты дубль?

– Ори? За отпущением грехов пожаловал?

Ладия работала в приюте постоянно, и сегодня была ее смена. Всех добровольных помощников она дразнила тем, что они приходили облегчить свою совесть. Она была неглупа и разбиралась во взглядах каждого. Когда Ори пошел на перерыв, она подошла и плеснула ему в чай чуть-чуть спиртного. За шумом и чавканьем бездомных можно было не бояться, что кто-то подслушает их разговор.

– Вы как Торо, – сказал он ей. – Только вы да он *делом* заняты, меняете мир *здесь и сейчас*.

– Так я и знала. Знала, что ты из-за угрызений совести пожаловал, – ответила она, но это была шутка. – Ну что ж, вноси свою лепту.

Ори отработал смену, ни разу не потеряв терпения. Шепотом он разговаривал с теми, кто брал у него суп. Одни улыбались и отвечали, другие обдавали его запахом наркотического чая и перегара.

– Ты неумеренный? Или вне закона? А может, дубль? – прицепился настырный старикашка; Ори взял у него миску. – Точно, – сказал старик. – Ты точно дубль. Ты дубль, ты, сорванец.

С невинной улыбкой старик ткнул пальцем в живот Ори, где рубашка выбилась из штанов, открыв засунутый за ремень экземпляр «Буйного бродяги», «ББ».

Как можно более естественным движением Ори заправил рубаху, сходил к колонке, помыл миски (старик за его спиной дергал себя за бороду и твердил: «Ты дубль, да, дубль»). Потом нарочито медленно прошелся по комнате, раздал последние остатки хлеба и вернулся к старому весельчаку.

– Да, – сказал он спокойно и дружелюбно. – Я дубль, только об этом лучше помалкивать, друг. Не хочу, чтобы все знали, понимаешь? Так что сохрани это в тайне, ладно?

– Ну конечно. – Повадка старика вдруг изменилась. С присущей сумасшедшим хитростью он перешел на шепот. – Ну конечно, мы никому ничего не скажем, правда? Хорошие люди эти дубли. Вы, дубли. И эти, неумеренные, и свободные, и вне закона.

Лига Неумеренных, Свободный Альянс, Лига Объявленных Вне Закона – речь шла уже не просто о «Буйном бродяге»: старик перечислял политические течения внутри Союза.

– Хорошие люди, только болтают много, – сказал он и похлопал сведенными вместе пальцами, открывая и закрывая ладонь, точно рот.

– Сплошной треп. – Ори кивнул и улыбнулся.

– Да, поговорить они любят. Но знаешь, беды в этом нет, в разговорах. Это же не просто... болтовня.

– Кто этот старикан? – спросил Ори у Ладии.

– Спиральный Джейкобс, – ответила она. – Бедный старый псих. А что, он нашел себе собеседника? Может, ты ему приглянулся, а, Ори? Как он тебя окрестил: вне закона, дубль, свободный?

Ори уставился на Ладия, не зная, понимает ли она, что говорит.

– А в язык и руки он с тобой уже играл? Язык или руки, Джейкобс? – крикнула женщина и замахала руками, высунув язык, а старик довольно крякнул и сделал то же. – Насколько я понимаю, он за руки и против языка. А присказку его ты слышал? «Много трепа, мало дела».

Когда Ори уходил в тот вечер домой, у выхода его догнал другой доброволец, добрый и недалекий мужичок.

– Я слышал, как вы с Ладией говорили о Джейкобсе, – начал он. И ухмыльнулся. А потом шепнул: – Слышал, что про него болтают? Откуда он взялся? Из банды Джека-Полмолитвы! Джаббером клянусь. Он был с Джеком, знал Порезанного и смог удрать.

Глава 9

На следующий день Спиральный Джейкобс в приюте не появился и через день тоже. Ладия уже не встречала Ори с прежним радостным удивлением. Он понимал, что женщина подозревает его в распространении наркотиков или контрабанды и следит за ним, но он работал на совесть, и Ладии оставалось только ломать голову.

В суккоту, подметая в приюте пол, Ори услышал:

– Ты вне закона? Или ты дубль?

Увидев его, Спиральный улыбнулся и сказал:

– А вот и мальчик. Постой, ты у нас, ты... – Он заморгал, поднял палец и подмигнул Ори, потом наклонился к нему и прошептал: – Ты дубль.

«Первый заход», – подумал Ори и напустил на себя скептический вид: мол, прощу убогого на этот раз. И только когда вся еда была роздана, а бездомные нищие и воришки семьями потянулись с промысла на ночлег, Ори, словно от нечего делать, подошел к Джейкобсу.

– Угостить тебя выпивкой? – спросил он. – Похоже, у нас с тобой есть кое-что общее. Так что можно поболтать. О дублях. О нашем друге Джеке.

– Да, о нашем друге. О Джеке.

Старик улегся на одеяло. Терпение Ори подходило к концу. Джейкобс достал из складок одеяла сложенную бумажку, в сгибы которой набилась грязь. По-детски ухмыляясь, он протянул ее Ори.

Было прохладно, когда Ори возвращался домой. Он шел вдоль надземки, которая тянулась над морем шифера, изгибаясь между кирпичными арками, точно кольчатое тело морского змея. Свет, словно от газовой лампы или свечи, вырывался из грязных окон проходящих поездов и разгонял тени, которые спешили спрятаться среди угловатых крыш, но стоило поезду показать хвост, как темнота снова выползала из-за печных труб.

Завидев патрули, Ори ускорял шаг, опускал голову и прятал руки в карманы. Взгляды милиционеров он ощущал, как прикосновения. Заметить их было трудно: милицмейская форма была прошита магическими нитями, поглощавшими свет и источавшими тьму. Выдавало оружие: Ори всегда казалось, что милицию вооружают чем придется, вот и теперь во мраке он разглядел странный набор – дубинки, жалометы, кинжалы и револьверы.

Он помнил, как двенадцать лет назад, еще до Депрессии, в начале Войны конструкторов, вселявшая в людей безотчетный страх система негласного полицейского надзора через сеть шпионов, осведомителей и офицеров в штатском впервые дала сбой и на улицах появились вооруженные люди в форме. Причину всего этого Ори забыл. Он был тогда мальчишкой и вместе с другими пацанами лазал по крышам Малой петли и Барсучьей топи, на северном берегу Вара, откуда было хорошо видно, как отряды милиции ведут заградительный огонь по мусорным кучам Грисского меандра.

С присущей детям агрессивностью они подключились к избиению городских конструкторов – жутко завывающих чистильщиков улиц и сборщиков мусора, заводных или паровых, внезапно объявленных врагами. Толпы людей окружали и ломали металлические создания. Те даже не сопротивлялись – просто стояли и ждали, пока их не разнесут на куски, втопчут в грязь стекла, вырвут из нутра кабели.

Но были и такие, которые сражались. Из-за них-то и разгорелась война. Зараженные вирусом разума – этих программ не должно было быть, но они как-то проникли в конструкторов Нью-Кробюзона, – их аналитические машины заработали самопроизвольно и породили холодное механическое сознание. Самосохранение стало главной целью их нового существования,

и они подняли металлические, деревянные и трубчатые руки на своих бывших владельцев. Но этого Ори не видел.

Мусорные кучи Грисского меандра милиция сровняла с землей. Сначала их обстреливали, потом поджигали, и только после этого специальные бригады убрали груды пепла и оплавленные обломки. До войны там был завод – рассадник смертоносных программ, уничтоженный милицией вместе с чудовищным разумом, управлявшим им. Он оказался не то демоном, не то еще кем-то в этом роде, а может, советом, куда входили мыслящие механизмы и их сторонники из плоти и крови.

Конструкты и разные машины не перевелись в городе и после войны, но их стало гораздо меньше, и на каждую нужно было получать лицензию. Остальных заменили големы, на изготовлении которых разбогатели отдельные маги. А бывшие мусорные отвалы Грисского меандра до сих пор лежали обугленные и засыпанные пеплом. Они были за чертой города, и кробюзонские ребяташки любили бегать на пожарище и приносить оттуда разные штучки на память, а еще пугать друг друга сказками о духах машин, которые бродят по бывшим помойкам. Но Ори считал, что главное последствие противоборства – милицейские патрули на улицах, не исчезнувшие до сих пор. Через считанные месяцы после Войны конструктов начались мятежи безработных, и лишь немногие милиционеры вернулись тогда к штатской одежде.

Ори никак не мог решить, хорошо это или плохо. Среди подпольщиков бытовали разные мнения: одни говорили, что откровенное присутствие милиции – это демонстрация ее силы, другие – что слабости.

Бумажка, которую Спиральный Джейкобс дал Ори, оказалась древним гелиотипическим изображением двух мужчин, снятых на крыше Вокзала потерянных снов. Снимок был плохо напечатанным, выцветшим, растрескавшимся от времени. К тому же его сделали со слишком большой выдержкой, так что изображения людей смазались, но узнать их было можно. Седобородый Джейкобс уже тогда казался старым, а его улыбка отдавала безумием. Лица человека рядом с ним не было видно: его сняли в движении, вполоборота, с поднятыми руками. Пальцы левой ладони были вытянуты вперед, а вместо правой кисти со снимка грозила мощная клешня богомола.

На следующий день спозаранку, когда бродяг выпроваживали из ночлежки, Ори уже ждал у ворот.

– Джейкобс, – окликнул он, когда старик, почесываясь и кутаясь в одеяло, вышел на улицу. От яркого света он сощурился.

– Дубль! Ты же дубль.

Дело стоило Ори дневного заработка. Пришлось взять такси, чтобы отвезти дряхлого старика на Мушиную сторону, где у парня не было знакомых. Всю дорогу Джейкобс говорил сам с собой. Ори заказал им обоим завтрак на площади у милицейской башни Мушиной стороны; над их головами в сотнях футов от земли канаты подвесной дороги тянулись к другой башне, под названием Штырь, в центре города. Джейкобс долго и молча ел.

– Много трепа, мало дела, Джейкобс. Как считаешь? Слишком много вот этого... – Ори высунул язык. – Недостаточно этого... – Он сжал кулак.

– Дело надо пытаться, а не языком болтать, – добродушно подтвердил бродяга и впился зубами в печеный помидор.

– Это Джек так говорил?

Спиральный Джейкобс перестал жевать и бросил на него хитрый взгляд.

– Джек? Я тебе расскажу про Джека. Что ты хочешь о нем знать?

Его акцент, едва уловимый след иностранного языка, на миг стал отчетливее.

– Он-то дело пытал, а не языком болтал, Джек то есть? – спросил Ори. – Так ведь? Иногда хочется, чтобы кто-нибудь дело делал, правда?

– Мы с Джеком прочли половину молитвы, – сказал старик с грустной улыбкой, все его безумие как рукой сняло. – Он был лучшим из нас. Я люблю его и его детей.

Его детей?

– Каких детей?

– Тех, кто пришел после него. Бычка, например.

– Да.

– Быка, то есть Торо.

– Торо?

Настоящее умопомешательство, темное море холода и одиночества, которое скрашивали лишь алкоголь да наркотики, плескалось в глазах Спирального Джейкобса. Но мысль, коварная, точно барракуда, еще бродила в них, и каждый взмах ее хвоста отражался на старческом лице. «Он меня испытывает, – подумал Ори, – проверяет, гожусь ли я на что-нибудь».

– Будь я чуть постарше тогда, я был бы с Джеком, – сказал Ори. – Он первый из всех, и тогда, и сейчас. Я пошел бы за ним. Знаешь, он умер у меня на глазах.

– Джек не умер, сынок.

– Я видел, как его убили.

– Ну это да, но вообще такие люди, как Джек, не умирают.

– Где же он сейчас?

– Думаю, сейчас Джек смотрит на вас, дублей, и улыбается, а про других, наших друзей, моих приятелей, он думает: «Ну, бычары!» – Старик закудахтал от смеха.

– Твои друзья?

– Ну да, мои дружки. У них большие планы! Я все про них знаю. Друг Джека – друг всей его родни.

– Кто твои друзья? – допытывался Ори, но Джейкобс не отвечал. – Что у них за планы? Кто твои друзья?

Старик покончил с едой, пальцами собрал с тарелки остатки и облизал их. Присутствие Ори было ему безразлично; откинувшись на спинку стула, он какое-то время отдыхал, а потом, все так же не глядя на своего спутника, встал и заковылял прочь, в хмурый, унылый день.

Ори пошел следом. Он не прятался – просто держался на несколько шагов позади Джейкобса и провожал его домой. Путь оказался неблизким: по Седрахской улице, через остатки рынка, к грохочущей Пряной долине, где стояли прилавки с зеленью и мясом.

Джейкобс часто заговаривал со встречными. Ему давали еду, иногда монеты.

Ори наблюдал жизнь бродяжьей общины. Серолицые женщины и мужчины, похожие на капусту в своих многослойных одежках, то радостно приветствовали Джейкобса, то проклинали его с пылом родственных душ. В тени обугленного здания одной сгоревшей конторы Джейкобс больше часа пускал по кругу бутылку с бродягами из Пряной долины, а Ори пытался понять, что он делает и зачем.

Один раз кучка подростков, среди которых была девчонка-водяной, скакавшая по-лягушачьи, и даже молодой гаруда – малолетние бандиты все до единого, – решили пошвыряться камнями. Ори направился было к ним, но тут бездомные стали так ожесточенно кричать и размахивать руками, словно исполняли какой-то ритуал, и дети быстро исчезли.

Спиральный Джейкобс свернул на восток и пошел назад к Большому Вару, кирпичным трущобам и приюту в Грисской пади, который с таким же успехом мог считаться его домом, как и любое другое место в городе. Издали Ори наблюдал, как он спотыкается, как роется в кучах мусора на каждом перекрестке. Он приглядывался к находкам Джейкобса: как ни удивительно, но то был просто мусор. Ори вглядывался в каждый фрагмент, точно Джейкобс был посланием из другого времени, которое надлежало тщательно расшифровать. Текстом из плоти и крови.

Поджарый человечек лавировал в уличном потоке Нью-Кробюзона, среди телег, груженных овощами с ферм и с полей Зерновой спирали. По висячим мостам он переходил через каналы, – снизу плыли груженные антрацитом баржи, – нырял в полуденную толпу ребятишек, бранчливых торговков, попрошаек, редких големов, захудалых лавочников, соскребавших со своих прилавков завитушки граффити и лозунги радикалов, и шел между высоких отсыревших стен, кирпичная кладка которых чуть ли не крошилась прямо на глазах.

Много позже, когда багряные полосы заката уже пустили небу кровь, они достигли станции «Траука». Над их головами описывала дугу надземка, не разбирая дороги, проходя над террасами домов. Спиральный Джейкобс снова заметил Ори.

– Как ты с ним познакомился? – спросил Ори.

– С Джеком?

Джейкобс болтал ногами. Они добрались до Темной стороны и сейчас сидели, свесив ноги, на огражденной перилами набережной. Под ними торчала из воды крытая варом клетка – темный дом водяного. Джейкобс заговорил нараспев, и Ори подумал, что тот, наверное, пересказывает ему песню, сложенную на его родине.

– Джек-Богомол был отрадой страждущих. Грозой ночных охотников. Это он пришел и спас этот город от сонной хвори, приключившейся, когда тебя еще не было на свете. Прорвался сквозь милицию. – Старик подвигал рукой, будто ножницами, одновременно сгибая ее в запястье. – Я сообщал ему все, что было нужно. Я был его разведчиком.

При свете газовых фонарей Ори смотрел на гелиотип. Он провел пальцем по клешне Джека-Полмолитвы.

– А остальные?

– Я присматриваю за всеми детишками Джека. У Торо неплохая голова. – Джейкобс улыбнулся. – Знал бы ты о его планах...

– Расскажи.

– Не могу.

– Расскажи.

– Не мое это дело. Пусть Торо сам рассказывает.

Старик назвал время и место. Ори сложил снимок и убрал его.

Нью-кробюзонская пресса наполнилась историями о Торо. Причудливые гравюры изображали ужасную мускулистую тварь с головой быка. Статьи сообщали о раскатах бычьего рева над Мафатоном и Вороном, вблизи домов богачей и правительственных учреждений.

Каждому подвигу Торо присваивалось свое название, и газетчики просто помешались на них. В подвале одного банка пробили брешь, все стены заклеили листовками и похитили тысячи гиней, немедленно раздав несколько сотен детям Худой стороны. В «Обозрении» Ори прочел:

«По счастливой случайности это происшествие, получившее название «Дело миллионов из подвала», не имело такого кровавого конца, как «Дело бродячего секретаря» или «Дело вдовы-утопленницы». Эти случаи должны напоминать публике о том, что бандит по кличке Торо – трус и убийца, заслуживший симпатию определенной части населения лишь своей удалью».

Известия достигали Ори и по запутанным тайным каналам. Трижды он приходил на угол, о котором говорил ему Джейкобс, – в Мертвяцком броде, под указателями направлений на Раконог и Зубной Путь, возле старого музея восковых фигур. Привалившись спиной к горячей от солнца штукатурке, он ждал, а уличные ребятишки пытались продать ему орехи и спички в ярких бумажных кулечках.

Каждое такое ожидание стоило Ори дневного заработка, а его репутация среди однодневных нанимателей Большой петли становилась все хуже. Надо было придумать способ как-то совмещать два дела, иначе придется либо голодать, либо бродяжничать. Ори вернулся в кружок «Буйного бродяги», где сидел на чтениях – Джек среди других таких же Джеков – и вел разговоры о творящихся в городе беззакониях. Курдин ему обрадовался. Ори уже не так бурно выражал свой протест, с удовольствием лелея свою тайну. «Я уже не с вами», – думал он, ощущая себя шпионом Торо.

Когда Ори снова стоял на знакомом углу, к нему подошла девочка в рваном платье, лет десяти, не больше. С очаровательной шербоатой улыбкой она глядела, как парень подпирает спиной стену музея. Потом протянула ему кулек с орехами, а когда Ори отрицательно помотал головой, сказала:

– Тот господин уже заплатил. Велел вам отдать.

Развернув кулек, весь в жирных пятнах от жареных орехов, он увидел четкую надпись: «*Видел, как ты ждешь. Принеси жратву и серебро со стола богача*». Под запиской красовался маленький кружок с рогами – знак Торо.

Все оказалось проще, чем он думал. Ори приглядел дом в Восточном Гидде. Потом заплатил мальчишке, чтобы тот разбил фасадное окно, а сам перепрыгнул через забор в сад, взломал заднюю дверь и схватил с обеденного стола приборы и жареного цыпленка. Спустили собак, но Ори был молод, и ему уже доводилось выигрывать забеги у сторожевых псов.

Никто не стал бы есть то жирное месиво, которое оказалось наутро в рюкзаке Ори. Это был лишь экзамен. На следующий день в том же месте Ори положил мешок у своих ног, а уходя, оставил его на мостовой. Он пребывал в радостном возбуждении.

«*Ммм, вкусно*, – гласила следующая записка, также послужившая упаковкой для уличного лакомства. – *Теперь нам нужны деньги, друг, сорок ноблей*».

Ори выполнил и эту задачу – сделал, что было велено. Прежде он никогда не воровал, хотя с ворами знался. Теперь они помогали ему или учили, что надо делать. Сперва, когда Ори удирали темными переулками с чужими сумками в руках, а вслед ему неслись вопли нарядных дам, эти анархические подвиги не пришлось ему по вкусу.

Он ненавидел себя в роли карманника-люмпена, но знал, что любая попытка добыть деньги более утонченным способом тут же привлечет внимание милиции. Теперь же, когда в сумерках он мчался по людным улицам, расталкивая прохожих, а его друзья-хулиганы, как было условлено, с шумом и гиканьем бежали вслед, милиционеры лишь ненадолго врезались в толпу, помахивая дубинками.

Ори проделывал это дважды, и оба раза едва унимал дрожь. Дело заряжало его энергией; возбуждала мысль о том, что он наконец занят чем-то настоящим. В третий и последующий разы он уже не боялся.

Он ни разу не взял себе ни стивера из украденного и относил невидимому корреспонденту все до последней монетки. Передач было несколько – Ори сбился со счета. Грабежи превратились в рутину. Но, наверное, сорок ноблей он все-таки собрал: ему дали новое поручение. На этот раз оно прибыло в виде покрытого бороздками воскового рулона. Пришлось нести его в будку вокситератора.

Там он услышал голос, едва различимый из-за шипения и треска: «*Все хорошо, мой мальчик, давай перейдем к делу: принеси милицейский значок*».

Каждую неделю Ори встречал Спирального Джейкобса. Общались они на понятном только им языке сокращений и умолчаний. Ори не уходил от разговора, но и не откровенничал, а в речах Джейкобса временами присутствовала логика. Парень понял, что безумие старика напускное – по крайней мере, отчасти.

– Они дают мне задания, твои дружки, – сказал Ори. – Похоже, эти парни не очень-то рады новичкам, а?

– Новичкам не рады, но если они возьмут тебя в друзья, то на всю жизнь. Я давно уже торчу в этом приюте. Торчу и высматриваю кого-нибудь, чтобы свести с ними.

Так же осторожно и умеренно они говорили о политике. Зато, оказываясь среди хаверим «Буйного бродяги», Ори помалкивал и наблюдал. Одно время их число пошло на убыль, потом вновь стало расти. С фабрики в Бездельном броде приходила теперь только одна женщина. Она все чаще брала слово, и ее речь выдавала растущие знания.

Ори слушал ее почти с ностальгией и думал: «Как же я это сделаю?»

Он отправился в Собачье болото, зная, что милиции там почти нет, зато есть где спрятаться. Операция потребовала двух попыток, подробного плана и нескольких шекелей. Все произошло ближе к ночи, под прикрытием балок Ячменного моста. Запыхавшийся парнишка подбежал к двум патрулям и сказал, что кто-то спрыгнул с моста в реку; его дружки стояли на берегу и кричали. В черной воде барахталась молодая проститутка, над ней проносились поезда. Тонула девушка вполне натурально – плавать она не умела, но снизу ее поддерживали двое ребятишек-водяных, которые пускали пузыри, покатываясь со смеху.

В первый раз ничего не вышло: милиционеры посветили с берега, крикнули качавшейся на воде девушке «Держись!» – и пошли за помощью, не обращая внимания на громкие призывы ребятишек спасти ее. Тут появился Ори, выволок из воды бранящуюся проститутку и велел всем разбегаться.

Во второй раз один патрульный снял форменную куртку и сапоги, отдал их напарнику, а сам вошел в холодную воду. Водяные тут же нырнули, девушка здорово напугалась и стала тонуть. В воде началась неподдельная суматоха. Ребятишки с воплями скакали вокруг второго стража порядка, звали его на помощь, толкали к воде, пока тот, потеряв терпение, не взревел и не замахнулся на них дубинкой, но было поздно. Мальчишки уже добрались до свертка с одеждой, хотя милиционер и держал его в руках.

Ори оставил значок в старом ботинке на углу. Когда два дня спустя он вернулся, его ждали.

Старая Вешалка был кактом, но таким мелким и щуплым, что Ори оказался выше его. Вместе они пошли через мясной рынок. Краем глаза Ори заметил, что цены опять выросли.

– Не знаю, кто тебя к нам послал, и спрашивать не хочу, – заявил какт. – Скажи только, где ты был до нас. С кем?

– «ББ», – ответил Ори, и какт кивнул:

– Ну ясно. Не скажу про них ничего плохого, парень, но тебе надо выбирать. – И он посмотрел на Ори; за долгую жизнь его лицо почти побелело от солнца. Рядом с ним Ори чувствовал себя совсем мальчишкой. – У нашего друга все иначе. – Какт почесал себе нос, сжав кулак и вытянув вперед большой палец и мизинец. – Мне плевать, что там говорят Гибкий Бен и его компания. Философию можешь поцеловать на прощание в зад. Нам нет дела до прибавочной стоимости, до графиков спада-подъема и всего такого. Это у «ББ» одни идеи. Мне плевать, даже если ты лекции слушал в университете. – (Они стояли посреди рынка, вокруг вились мухи, витал теплый запах парного мяса, раздавались крики торговцев.) – Мне важно, что ты *умеешь*, парень. Чем ты можешь помочь нам? И нашему другу?

Его взяли посыльным. Ори должен был показать, на что способен, забирая запечатанные пакеты и сообщения, которые оставлял для него Старая Вешалка, и развозя их людям, которые смотрели на него с недоверием и выставляли за дверь, прежде чем открыть посылку.

Не желая порывать с друзьями-актерами, он заходил выпить в «Загон», посещал дискуссии «Буйных бродяг». Темы были такие: «Джаббер: святой или мошенник?», «Железный

Совет: что стоит за рисунком на стене». Несгибаемая молодая вязальщица превратилась в настоящего политического лидера. Ори казалось, будто он подглядывает за ними в окно.

В первую неделю месяца тэтис, когда вдруг нагрянули холода, Старая Вешалка взял его на дело – стоять на стреме. Ори лишь в последнюю секунду узнал, что от него требуется, и снова ощутил забытое возбуждение.

Они были в Костяном городе и смотрели, как сгущаются серовато-синие вечерние тени меж силуэтов Ребер. Древние кости, от которых получил свое название район, вздымались более чем на двести футов: пожелтевшие, растрескавшиеся, они разрушались медленно, как камни, а окрестные дома казались жилищами гномов.

Попурри, король преступного мира, должен был получить деньги. Ори даже не представлял, в какой момент его банда собирается перехватить посылку. Вне себя от волнения, он смотрел во все глаза, но милиция не появлялась. Ему был виден заросший кустарником пустырь между Ребрами, где пересчитывали выручку уличные акробаты и разносчики газет, не обращая внимания на останки чудовищной грудной клетки у себя над головами.

Ори яростно пялился в пространство и жалел, что у него нет пистолета. Мимо прошла компания юнцов; они поглядели на Ори и решили оставить в покое. Никто к нему не приближался. Сжимая изо всех сил свисток, Ори думал, что ничего еще не началось, когда Старая Вешалка подошел к нему сзади, резко дернул за плечо и сказал:

– По домам, парень. Дело сделано.

На этом все и кончилось.

Ори сам не мог сказать, когда его приняли в банду. Просто Старая Вешалка начал знакомить его с другими членами, приводить на тайные встречи.

В пивных, в грязных лачугах и лабиринтах Мертвяцкого брода Ори беседовал о тактике с командой Торо. Он был у них стажером и совестился, когда его новые товарищи насмеялись над Союзом, называя его «здоровой задницей», или над «Буйным бродягой». Он продолжал посещать собрания «ББ», где видел воочию результаты своих новых занятий, читая газеты. Ограбление, во время которого Ори был дозорным, получило название «Боунтаунского налета».

После каждого дела ему платили – немного, но вполне достаточно, чтобы примириться с потерей зарплаты, а потом и больше. Он щедро угощал всю компанию в «Загоне» и «Веселых нищих», друзья-актеры пили его здоровье. Это вызывало прилив теплых воспоминаний.

А в Мертвяцком броде у Ори появились новые друзья: Вешалка, Уллиам, Руби, Енох, Кит. Молодежь тянулась к банде Торо. Жизнь ее участников была насыщенной, чем у большинства людей, но постоянно висела на волоске.

«Теперь если меня поймают, то уж в тюрьму точно не посадят, – думал Ори. – По меньшей мере переделают. А может, я уже покойник».

В Большой петле теперь редкая неделя проходила без забастовок. В Дымной излучине тоже было беспокойно. Дикобразы атаковали гетто хепри на Ручейной стороне. Милиция прочесывала районы Собачье болото, Речная шкура и Шумные холмы, арестовывая членов профсоюзов, мелких воришек и актеров-нувистов. Во время одного из таких рейдов забили до смерти лидера поэтического течения Кап-Кап, и его похороны вылились в стихийный мятеж. Ори тоже был там и швырял камни вместе с остальными.

У него было такое ощущение, точно он просыпается. Город казался галлюцинацией. Напряжение висело в воздухе, точно влага перед дождем. Каждый день Ори встречал на улицах пикетчиков и выкрикивал вместе с ними какие-то лозунги.

– Дело пошло, – весело сказал как-то Старая Вешалка. – А когда мы все закончим, когда наш друг сможет, наконец, пробраться наверх и встретиться сам знаешь с кем...

Бандиты переглянулись, и Ори заметил несколько косых взглядов в свою сторону: люди Торо не верили, что при нем можно говорить, но и удержаться тоже не могли. Он проявил осторожность и подавил желание спросить: «С кем? Кто этот сам-знаешь-кто?»

Но Старая Вешалка уже глядел на тумбу для объявлений, распухшую от многих слоев афиш. На ней красовался подписанный крупными печатными буквами гелиотип, грубое изображение знакомого лица, на которое и смотрел Старая Вешалка, продолжая говорить. Ори его понял.

– Скоро мы покончим со всем этим, – сказал старый какт. – Все изменится после того, как наш друг кое с кем повстречается.

Ори много дней не видел Спирального Джейкобса, а когда наконец попал на его след, то оказалось, что старик совсем спятил. Он давно не бывал в приюте. Джейкобс выглядел изможденным, еще более неухоженным и грязным, чем обычно.

По наводке других всеми позабытых мужчин и женщин Ори наконец нашел его в Вороне. Бродяга плелся мимо огромных центральных магазинов, мимо статуй и величественных фасадов из мрамора и недавночищенного белого камня. В руке у Джейкобса был мел; через каждые несколько шагов он останавливался и, бормоча что-то себе под нос, рисовал на стене едва заметный бессмысленный знак.

– Джейкобс, – окликнул его Ори, и бродяга обернулся, так сильно взбешенный его вмешательством, что парень даже вздрогнул, но старик тут же взял себя в руки.

Они сидели на площади Биль-Сантум в окружении фокусников. Позади них в теплом закатном свете густо чернело здание Вокзала потерянных снов, – массивное, впечатляющее, оно поражало разнообразием стилей, а из пяти арок-пастей пятью лучами вырывались железнодорожные ветки, придавая постройке сходство со звездой. К западу от вокзала взмывал в небо Штырь – тонкая и высокая милицеевская башня. Казалось, что Вокзал потерянных снов опирается на нее, как человек на посох.

Ори посмотрел на семь проводов, расходившихся с вершины Штыря. Один из них уходил на юго-восток, через квартал красных фонарей и славный целительным воздухом Каминный вертел, через Барсучью топь, квартал ученых, к еще одной башне, а затем к острову Страк, где у слияния двух рек заседал парламент.

– Это мэр, – сказал Ори, хотя Спиральный Джейкобс его, казалось, не слушал, играя с куском мела и думая о своем. – Команде Торо надоело бороться с милицеевскими капрадами и прочей шушерой. Они хотят покончить со всем сразу. Убить мэра.

Со стороны могло показаться, будто Джейкобс спятил настолько, что ничего не понимает, но Ори видел его глаза, видел, как тот открыл и снова закрыл беззубый рот. Неужели он удивлен? А к чему еще могут стремиться благородный разбойник и его люди?

И хотя Ори говорил себе, что рассказал обо всем Джейкобсу из чувства долга, считая, что старый боец и товарищ Джека-Полмолитвы имеет право знать правду, дело было не только в этом. Ведь именно Джейкобс втянул Ори, пусть и не напрямую, в это жестокое и благородное дело – политическое убийство. Осуществление такого плана, был уверен Ори, потребует смелости, силы, сведений и денег. И это только для начала.

– Приходи завтра на суп, – сказал вдруг Джейкобс. – Обещаешь?

Ори пообещал. И наверное, даже догадывался, что было в сумке, которую принес ему Джейкобс. Но все же, сидя поздно вечером в своей комнате, один, при свече, он не смог сдержать вздоха удивления.

Деньги. В монетах и ассигнациях. Тяжелые столбики монет, тугие пачки ассигнаций, десятки разных валют. В основном, конечно, шекели, нобли и гинеи, отчеканенные, самое позднее, десятки лет назад, но попадались дукаты, доллары и рупии, сандноты и таинственные боби, квадратные монеты и крохотные слитки золота из приморских провинций, из Шанкелла,

из Перрик-Ная и даже из городов, в существование которых Ори не очень верил. То был осадок жизни разбойника или пирата.

Приложенная к нему записка гласила: *«Вклад. В Хорошее Дело. В память о Джеке»*.

Часть третья

Земля виноградарей

Глава 10

Голем смотрел на спящих путников. Он стоял у недогоревшего костра и был выше человека, даже выше какта. Крепко сбитый, со свисающими вперед ручищами, он чем-то напоминал обезьяну. Голем сутулился, его спина была седлообразно выгнута, а глиняная кожа потрескалась от солнца.

На заре пробудившиеся насекомые атаковали его большое тело. Голем не шевелился. Пух и споры полетели над ложбиной, где укрылись спящие. Ветерок охлаждал их кожу. Беспощадная жара осталась на юге.

Первым встал Дрогон. Когда проснулись остальные, он уже ушел на разведку, и Элси с Помроем последовали за ним, чтобы Каттер побыл наедине с хозяином голема.

Каттер сказал:

– Зря ты сбежал, Иуда. Надо было остаться.

Иуда спросил его:

– Ты получил деньги, которые я оставил?

– Конечно получил, и инструкции тоже, но ведь я им, на хрен, не последовал, а? И разве ты теперь не рад? Что я тебе принес-то? – Каттер хлопнул по своему мешку ладонью. – Они не были готовы, когда ты уходил.

– Зато теперь одно разбито. – Иуда печально улыбнулся. – А оставшегося мало.

– Разбито? – Каттер был потрясен. А он-то тащил их в такую даль. – Тебе не надо было уходить, Иуда, особенно без меня. – Он тяжело дышал. – Ты должен был подождать.

И Каттер поцеловал его – с настойчивостью, которая всегда овладевала им в такие моменты, даже с отчаянием. Иуда ответил на его поцелуй, как всегда, терпеливо и нежно.

Даже теперь, с удивлением осознал Каттер, мысли Иуды Лёва занимало что-то, кроме происходящего здесь и сейчас. Он всегда знал Иуду таким и сначала думал, что имеет дело с типичным ученым, более или менее рассеянным. Каттер держал в Барсучьей топи магазин, и среди его посетителей было немало ученой братии. Он очень удивился, различив в речи Иуды легкий акцент уроженца центральных районов.

Их первая встреча состоялась больше десяти лет тому назад. Выйдя из задней комнаты, Каттер застал в магазине Иуду, погруженного в созерцание эзотерики, от которой ломились черные деревянные полки: записные книжки, метазаводные механизмы, таинственные препараты из растений. Высокий худой мужчина, много старше Каттера, с ломкими длинными волосами и обветренным лицом, он широко раскрытыми глазами глядел на все, что его окружало. Дело было вскоре после Мусорной войны, и Каттера заставили сдать свой уборочный автомат. Вот как получилось, что он сам мыл пол и злился. Клиенту он нагрубил.

Когда Иуда пришел снова, Каттер сделал попытку извиниться, но тот лишь посмотрел на него внимательно. Когда он пришел в третий раз – его интересовали алкаиды и лучшая, самая плотная глина, – Каттер спросил, как его зовут.

– А мне вас как называть – Иуда, Юд или доктор Лёв? – спросил Каттер, и тот улыбнулся.

Никогда в жизни Каттер не чувствовал, чтобы другой человек так глубоко проник в его помыслы и понял их, как при виде той улыбки. Без малейшего усилия или насмешки он открыл

истинные намерения Каттера. Тогда же Каттер постиг, что перед ним не рассеянный ученый, как он считал до сих пор, но святой. Очень скоро он влюбился.

Они стеснялись друг друга. Не только Иуда и Каттер, но Иуда и Помрой, Иуда и Элси. Иуда снова и снова расспрашивал их о том, как умер Дрей, как погибли Фейх и Игона. Еще раньше, когда путешественники рассказали ему о своих потерях, он пришел в ужас и сильно помрачнел.

Он слушал истории гибели путников, как слушают легенды. Игона в водяном столбе; Дрей, парящий с раскинутыми руками. Вот только смерть Фейхечриллена под шквальным огнем трудно было переложить в рассказ.

Иуду пытались вызвать на разговор о том, чем он занимался все это время. Но он лишь отмахивался, как будто говорить было не о чем.

– Я ехал. На своем големе. Я направил его на юг, через лес, к Мелкому морю. Там я оплатил проезд на тот берег. И поехал на големе к западу, через деревни кактов. Они мне помогали. Я пошел через ущелье. Я знал, что за мной гонятся. И устроил ловушку. Слава Джабберу, что ты это понял, Каттер.

На мгновение лицо его сделалось страшным. Он выглядел усталым. Каттер не знал, что выпало на долю Иуды и что угнетало его теперь. Его тело покрывали шрамы: знаки невзгод, о которых он не хотел говорить. Поддержание жизни в големе не требовало больших усилий, но энергию Иуде приходилось тратить не только на это создание.

Каттер положил ладонь на серый бок твари.

– Отпусти его, Иуда, – сказал он.

Тот взглянул на него, как и обычно, с изумлением и медленно улыбнулся.

– Отдохни, – велел он и коснулся грубо сработанного лица голема.

Глиняный человек не пошевелился, но что-то покинуло его – некий оргон. Он едва заметно осел, с тела посыпалась пыль, трещины на боках внезапно стали суше. Голем навсегда остался стоять там, где стоял. Постепенно он развалится на части, а щели в боках станут приютом для птиц и разных тварей. Потом останется лишь небольшой холмик и со временем тоже исчезнет.

У Каттера зачесались руки толкнуть голема, чтобы тот завалился на бок и рассыпался сразу, а не стоял, застряв во времени. Но он удержался.

– Кто такой Дрогон? – спросил Иуда.

Без коня шептун казался потерянным. Он находил себе разные дела, чтобы не мешать другим говорить о нем.

– Распоряжайся тут я, его бы здесь не было, – заявил Помрой. – Слишком уж он силен для простого шептуна. И мы не знаем, откуда он взялся.

– Он бродяга, – объяснил Каттер. – Батрачит на ранчо, охотится. Верховой бродяга, короче. Он как-то прослышал про твой побег, – слухи сейчас распространяются быстро. К нам он пристал потому, что хочет найти Железный Совет. Думаю, ему что-то нужно, и никаких сантиментов. Он не однажды спасал нам жизнь.

– Он идет с нами? – спросил Иуда.

Все посмотрели на него. Каттер осторожно начал:

– Понимаешь... тебе не обязательно идти дальше. Мы можем вернуться. – (Иуда странно посмотрел на него.) – Я знаю, ты думаешь, что, раз установил в твоих комнатах голем-ловушку, тебе нет дороги назад, и ты прав, они обязательно будут следить за тобой, но, черт возьми, Иуда, ты ведь можешь уйти в подполье. Ты же знаешь, что Союз тебя защитит.

Иуда переводил взгляд с одного на другого; пристыженные, они не выдерживали и отводили глаза.

– Вы не верите, что он еще там, – сказал Иуда. – В этом все дело? Вы здесь только из-за меня?

– Нет, – ответил Помрой. – Я с самого начала говорил, что я здесь не только из-за тебя. Но Иуда уже не мог остановиться.

– Вы думаете, что его больше нет? – Он говорил со спокойной уверенностью, почти как священник. – Он существует. Как я могу вернуться, Каттер? Разве ты не понимаешь, зачем я здесь? *Они ищут Совет*. А когда найдут, то уничтожат. Они шли воевать с тешанами, но случайно натолкнулись на Совет и решили, что не могут допустить его существования. Я слышал об этом от старого знакомого. Это он рассказал мне о том, что Совет нашли, и о том, что с ним хотят сделать. Я должен предупредить Совет. Я знаю, что Союз меня не поймет. И может быть, даже изгонит из своих рядов.

– Мы отправили им послание, – сказал Каттер. – Из Миршока. Они знают, что мы идем за тобой.

Иуда достал из своего мешка бумаги и три восковых цилиндра.

– От Совета, – объяснил он. – Самому старому письму семнадцать лет. Первый цилиндр еще старше. Ему почти двадцать. Два последних прибыли три года назад, и в день прибытия им было по два года. Я знаю, что Совет существует.

Как попадали письма к Иуде, никто не знал. Может, их везли через лес Феллид к морю, оттуда на кораблях через пролив Огненная вода в Шанкелл и Миршок, потом в Железный залив и Нью-Кробюзон. Или кружной дорогой через горы, или за сотни миль через леса и болота близ Толстоморска. Через сам Толстоморск, лежащий среди равнин. Либо по воздуху, либо с помощью магии, но они добрались-таки до Иуды Лёва.

«Почему бы тебе просто не написать ответ, а, Иуда? – подумал Каттер. – Они ждут, ты же знаешь. Но знают ли они о твоём приходе? И сколько сообщений затерялось в пути?»

Каттер представил себе кусочки воска, рассыпанные по придорожным канавам. И клочки бумаги с шифровками, носящиеся по степи, точно опавший яблоневого цвет.

Вид этих бумаг и цилиндров с бороздками – звука, запечатленного во времени, – вызывал в нем трепет. Это были артефакты из легенд Союза, то, о чем рассказывали путешественники и инакомыслящие.

Что было известно Каттеру? Впервые он услышал о Железном Совете в детстве, и это была сказка, наподобие историй о Джеке-Полмолитвы, Торо или Волхвосстании. Когда он повзрослел и понял, что парламент может и лгать, – а значит, в болотах к югу от города могло и не быть никаких происшествий, – стали говорить, что Железный Совет увели туда, где никто и никогда его не найдет. Даже те, кто якобы видел Совет своими глазами, только и могли, что указывать куда-то на запад.

«Почему же ты ни разу не показал мне их, Иуда?» – подумал Каттер. Ведь они так много спорили обо всем, постепенно сближаясь друг с другом. Иуда знал циничность Каттера и пытался повлиять на него, объяснить, что цинизм засасывает его, как болото. Есть способы сомневаться во всем, не впадая во мрак, повторял он, и иногда Каттер пытался следовать его советам.

Их дружба длилась более десяти лет, и за это время Каттер многое узнал от Иуды, да и сам научил его кое-чему. Именно Иуда ввел Каттера в Союз. Были жаркие споры, которые разгорались в магазине Каттера, и в его тесной квартирке, и в его постели. Но ни разу за все время их совместных политических размышлений, в которых Иуда неизменно играл роль неотмирного мятежника, а Каттер – скептического попутчика, он не видел этих предметов, посланных самим Железным Советом.

Каттер не ощущал себя преданным, просто он был ошеломлен. Знакомое состояние.

– Я знаю, где находится Совет, – сказал Иуда. – Я могу найти его. И то, что вы пришли, прекрасно. Давайте продолжим путь.

Иуда беседовал с мастером шепота. Разумеется, никто, кроме него, ответов Дрогона не слышал. Наконец Иуда кивнул, и все поняли, что шептун идет с ними. Помрой злился, несмотря на все заслуги Дрогона.

Иуда не стремился к первенству, он ничего особенного не сделал, просто сказал, что идет дальше и все могут идти с ним, но они невольно признали его вожаком, как всегда. То же самое было и в Нью-Кробюзоне. Иуда никогда никому не приказывал и часто в своей отрешенности не замечал никого вокруг, но те, кто оказывался рядом, ловили каждое его слово.

Путники готовились к долгой дороге. Впереди были недели пути. Их ждали тропы, горы и леса, а также реки и, может быть, пропасти, а в конце, возможно, Железный Совет. Спать легли рано, но Каттер проснулся оттого, что Помрой и Элси занимались любовью. Они старались не шуметь, но не дышать и не возиться было не в их силах. Шум пробудил в Каттере желание. С вожделием и нарастающей нежностью он прислушивался к любовной возне друзей. Он потянулся к Иуде и поцеловал его, просунув ему в рот свой язык, и тот сонно ответил на поцелуй, но тут же отвернулся и заснул.

Один под своим одеялом, Каттер молча мастурбировал, глядя на спину Иуды, пока не кончил на землю.

Глава 11

Неделю они шли на север и северо-запад, среди зелени. Было тяжело. Степь стала неровной. В пейзаже преобладали болота и карстовые воронки, которые становились все глубже, холмы пестрели чапаралем и кривыми от засухи деревьями. Путники шли по дну расселин. Трижды мастер шепота показывал им, что они бессознательно выбирают путь, по которому шел кто-то раньше, – словно ступают по призракам следов.

– Куда мы идем?

– Я знаю, где это, в какой части света, – ответил Иуда. Он сверялся с картой и совещался с Дрогоном, знатоком степи, храня суровое спокойствие кочевника.

– Почему ты здесь? – спросил Иуда Дрогона; шептун ответил прямо ему в ухо. – Да, но мне это ни о чем не говорит.

– С тобой он такого не проделывает, – сказал Каттер. – А ведь он может кого угодно подчинить себе этим своим чертовым шепотом. Именно так он по крайней мере дважды спасал нам жизнь.

Кугуары и гитвинги следили за ними с невысоких холмов или с воздуха, и тогда путешественники стреляли, чтобы отпугнуть их. Им угрожали рощи растений-суккулентов. Листья их, словно покрытые воском, были острыми, как сабли, и такими тяжелыми, что даже не шелестели на ветру.

«Смотрите». Шепот Дрогона. Он тащил с собой все принадлежности кочевника. Дрогон привык к таким местам, но без лошади ему было неуютно. Он показывал путникам то, чего те не заметили бы. «Здесь была деревня», – сказал мастер шепота; и точно, они разглядели реголиты⁶ фундаментов, сохранившиеся в земле, словно память ландшафта о стоявших здесь некогда домах. «Это не дерево», – прошептал он, и все увидели ствол старинной пушки или чего-то похожего, опутанный плющом и покрытый язвами непогоды.

Однажды ночью, пока остальные крепко спали, поужинав дичью, Каттер проснулся, сел и увидел, что Иуды нет. Он тупо пошарил в его постели, будто надеясь обнаружить его там. Мастер шепота поднял голову и помрачнел, увидев, что Каттер беспокойно шупает одеяла Иуды.

Оказалось, Иуда ушел по направлению ветра и спрятался от него в небольшом углублении у холма. Из своего мешка он достал литой железный аппарат, такой тяжелый, что Каттер удивился, как такую вещь можно было донести сюда. Иуда знаком велел Каттеру сесть ближе к вокситератору. Он уже вставил в него один из своих ребристых восковых цилиндров и положил руку на рукоять.

Улыбнувшись, он опустил иглу-звукосниматель на верхнюю бороздку.

– Можешь послушать, – сказал Иуда, – раз пришел. Вот что гонит меня вперед.

Он повернул рукоятку, и через треск и беспорядочные щелчки до них донесся мужской голос. Низкие частоты не воспроизводились, к тому же голос то ускорялся, то замедлялся, в зависимости от скорости вращения рукояти, и его модуляции были трудноуловимы. Порывы ветра уносили слова, как только те выскакивали из раструба.

– ...не смущайся что мы едва знакомы ведь говорят ты из наших сестра вот я и подумал что тебе лучше узнать об этом от нас а не от бумаги дело в том что он умер Узман умер и похоронен мне жаль что тебе довелось вот так это услышать жаль что тебе вообще довелось это услышать по правде говоря умер он спокойно имей в виду он умер тихо мы похоронили его впереди и теперь он под нашими путями кое-кто говорил что его надо отнести

⁶ Реголит (греч.) – поверхностный грунт Луны и без-атмосферных планет, включающий в себя осколки метеоритов, многие из которых находятся на одном и том же месте десятки и сотни миллионов лет.

на кладбище но я был против я сказал им вы знаете что он не этого хотел он велел нам сделать все как надо все как всегда поэтому я их заставил мы носим по нему траур он не велел не надо организованного траура сказал он когда мы сражались они сказали мне и после пятна он сказал нам не плачьте но празднуйте но сестра я ничего не могу поделать нам не запрещается горевать а ты оплакивай сестра продолжай и я тоже буду это я это Рахул а теперь до свидания...

Игла дернулась и остановилась. Иуда плакал. Каттер не мог этого вынести. Он протянул было руки, но передумал, видя, что его объятия сейчас некстати. Иуда не всхлипывал. Ветер обнюхивал их обоих, точно пес. Луна едва светила. Было прохладно. Каттер смотрел, как слезы текут по щекам Иуды, и страдал от неисполнимого желания прижать этого седовласого человека к своей груди.

Выплакавшись и насухо вытерев лицо, Иуда наконец улыбнулся Каттеру, а тот отвел глаза и осторожно заговорил:

– Ты ведь знал его, того, о ком он говорит. Я вижу. Кто прислал тебе это письмо? И чей это брат?

– Мой, – сказал Иуда. – А я – сестра. Я его сестра, а он – моя.

Перед ними вырастали невысокие холмы, покрытые роскошным ковром ярких цветов. Пыль липла к потному Каттеру, приходилось вдыхать цветочную пыльцу. Путники еле ползли по незнакомой земле, придавленные жарой и грязью, словно мухи, которых окунули в патоку.

На зубах скрипел шлак. Впереди, за линией холмов, небо словно выпцвело, и не только от зноя. Столбы черного дыма тянулись вверх, постепенно рассеиваясь. Они казались недостижимыми, как радуга, но на следующий день запах гари усилился.

Появились тропы. Вступив на обитаемую территорию, путники приблизились к очагам пожаров.

– *Смотри!* – обратился мастер шепота к каждому по очереди.

На холмах далеко впереди наблюдалось какое-то движение. Взглянув в подзорную трубу Дрогона, Каттер увидел, что это люди – человек сто. Они тянули тележки с пожитками, подгоняли животных-кормильцев: жирных птиц размером с корову, толстых, четырехлапых. Лишней парой ног им служили тощие голые крылья.

Караван изнемогал от усталости и отчаяния.

– Что там происходит? – спросил Каттер.

К полудню путники оказались в местах, где землю покрывали трещины, и пошли оврагом такой глубины, что в нем запросто скрылся бы многоэтажный дом. Там они увидели куски чего-то коричневого: казалось, будто завернутая в бумагу и перевязанная бечевкой посылка упала с большой высоты. Оказалось, к скале привалился фургон со сломанными колесами, весь разбитый и обгоревший.

Вокруг лежали мужчины и женщины с проломленными головами или развороченными от пуль животами, содержимое которых выплеснулось им на одежду и обувь. Их аккуратно рассадили или разложили там, где их застигла смерть, и оставили, как солдат в ожидании приказа. Рота покойников. Перед ними, точно полковой талисман, лежал ребенок, свернувшийся калачиком. Его пронзил обломок клинка.

Но это были не солдаты, а обыкновенные крестьяне, судя по одежде. Днище повозки устилали их пожитки: изорванные тряпки, непривычной формы посуда – чайники, горшки и утюги.

Каттер и его товарищи смотрели, зажав ладонями рты. Дрогон обмотал платком нижнюю часть лица и шагнул к трупам, спугнув с них тучи мух. Взяв деревянную спицу, он потыкал ею в тела так осторожно, точно оказывал им знаки внимания. Солнце иссушило мертвецов, кожа завялилась. Каттер видел, как из-под нее выпирают кости.

Повозка накренилась, когда Дрогон заглянул в нее. Он присел на корточки и стал изучать раны, опуская в них свою спицу, а остальные наблюдали за ним, порой испуская звуки. Когда мастер шепота осторожно взялся за клинок, пронзивший мальчика, Каттер отвернулся, чтобы не видеть, как шевельнется мертвое тело.

– *Они мертвы уже несколько дней*, – услышал Каттер шепот Дрогона, стоя к нему спиной. – *Это ваши. Выковано в Нью-Кробюзоне. Милицейский клинок.*

Роковые пули были выпущены из милицейских пистолетов; клинок, пронзивший ребенка, держала рука милиционера – мужчины или женщины. Милицейские кинжалы исполосовали полог фургона; руки уроженцев Нью-Кробюзона разбросали крестьянский скарб.

– Я же говорил, – очень тихо произнес Иуда.

«Может, уйдем отсюда? – подумал Каттер. – Не хочу при них говорить».

Часто дыша, он поднял голову и увидел Помроя и Элси, прижавшихся друг к другу.

– В моем письме, Каттер. Ты помнишь? – Иуда не сводил с него глаз. – Я говорил тебе, что ухажу из-за этого.

– Мы недалеко от границы с Тешем. Все это не значит, что милиция ищет Железный Совет.

– У них база на побережье, откуда они посылают эти отряды. Эта... работа... лишь половина задания. Они идут на север. Они ищут Совет.

За каньоном мертвецов начиналась открытая местность. Зная, что милиционеры, раздевавшиеся с беженцами, вряд ли ушли далеко, путники двигались осмотрительно. Стоило Каттеру закрыть глаза, как он видел перед собой этих терпеливых покойников. Дрогон шел впереди по тропе в зарослях полыни. Перед ними вставал дым – над полудикими, поросшими кое-где кустарником полями на склонах холмов.

Все вокруг говорило о варварском налете. От запаха гари нечем было дышать. С ружьями наперевес путешественники вышли на первое маленькое поле.

Борозды и межи, взрытая земля – когда-то она была оливковой рощей. Там, где небольшие деревца были вырваны из почвы, приходилось переступать через распростертые щупальца корней. Засохшие оливки валялись повсюду, точно звериный помет. Обугленные пеньки торчали из воронок, словно скульптуры. Валялись человеческие трупы, обгоревшие до костей.

Когда-то там стояли хижины, но их сожгли. На равнине, среди невысокого кустарника и пересохших ручьев, дымились, точно шлаковые отвалы, груды черного мусора. Тошно-творно-сладко пахло мертвечиной. Каттер прорубался через сухой летний подлесок.

Первое время он никак не мог понять, что перед ним. Кучи мусора оказались горами трупов; из них торчали обугленные останки каких-то копытных животных, крупных и тяжелых, как буйволы, только с хоботами и бивнями. Зверей покрывали панцири из пепла и сморщенных листьев. Корни торчали из шероховатых боков.

– Виносвиньи, – сказал Иуда. – Мы в стране Галаджи. Вот сколько мы прошли.

Поднялся ветер, и глаза путешественников обжег прах с вершины холма, пепел олив, виноградной лозы и листьев. Мертвые животные зашелестели.

Помрой нашел канаву, где гнили десятки мужских и женских трупов. Хотя после смерти прошло много дней, штрихованные татуировки были хорошо различимы. Трупные пятна покрывали кожу цвета пемзы, с каменным пирсингом.

Это были пастухи-виноградари. Кланами, целыми коленами кочевали они по жарким северным степям, присматривая за стадами виносвиней. Они шли за животными следом, защищали их от врагов, а когда наступало время собирать урожай, с изумительным искусством увертывались от рогов агрессивных травоядных, срывая зрелые гроздья, налившиеся на их боках.

Каттер сглотнул. И все сглотнули, глядя на мертвецов, растерзанных на клочки пушечным огнем.

– Это может быть колено Предикуса, или Хариума, или Гневры, – сказал Иуда. Вокруг, догорая, дымили виносвины вместе с выросшим на них урожаем.

Целый день отряд шел по обожженным холмам, через изрубленные в щепки оливковые рощи, встречая на своем пути истребленные стада плодовых животных и обугленные трупы виноделов. Целый загон огромных мясных птиц пошел на корм червям. Кругом стояла тишина, лишь трещали непрогоревшие угли и глухо стучали обугленные ветки. Иные тела сохранили следы учиненного над ними насилия. У одной женщины задранная юбка стала жесткой от крови; здоровяк винодел получил пулю в живот, а глаза ему выкололи кинжалом. От вида гниющей плоти Каттера выворачивало наизнанку.

Они обнаружили одну живую виносвинью, свалившуюся в каменный бассейн. Животное тряслось от голода и лихорадки. Хромая, зверь бродил по кругу и пытался рыть землю копытом. На боках, словно жилы, вздувалась сетка виноградных корней; листья покрывали его, будто мех. Ягоды симбиотического растения засохли. Каттер пристрелил его из жалости.

– Вот почему какты решили драться, там, на юге, – нарушил долгое молчание Помрой. – До них дошли слухи об этом. Поэтому, увидев милицию, они решили, что настал их черед.

– Но зачем, зачем все это? – спросила Элси, с трудом сдерживая слезы. – Галаджи ведь не Теш, это дикие земли. Здешние племена не относятся к Тешу.

– Нет, но так можно нанести Тешу вред, – ответил Иуда. – Вино и масло из Галаджи продаются на его рынках. У милиции не хватает сил напасть на сам город, но удар по крестьянам, и пострадают сундуки Теша.

Пределы нанесенного на их карты мира давно остались позади. В двух-трех сотнях миль к юго-западу на приморской равнине лежал Теш. Каттер думал о нем, хотя и не представлял, какие картины должны вставать перед его внутренним взором. Какой он, Теш, Город ползущей жидкости? Рвы с водой и стеклянные кошки, равнина Катоблепаса, корабли торговцев, дипломаты-бродяги и, наконец, Плачущий Принц.

Тысячи морских миль отделяли Железный залив от далекого берега к северу от Теша, на котором Нью-Кробюзон обустроил свой плацдарм. Милиции приходилось, оставив позади Шанкелл, плыть по морям, кишасим пиратами и птицами пиаса, и пробираться через пролив Огненная вода, где интересы тешских соседей защищала ведьмократия. Сухопутных маршрутов через дикие степи Рохаги не существовало, и путь срезать было негде. Вот почему эта война так тяжело давалась Нью-Кробюзону. Его корабли месяцами бороздили враждебные воды. Каттер был потрясен неистовой мощью своего города.

В тот вечер путники ужинали незрелыми фруктами с мертвой виносвины и грустно шутили насчет того, какой прекрасный урожай удалось собрать. На второй день пребывания в стране виноделов они обнаружили останки грабителей. Оказывается, не все складывалось так, как того хотела бы милиция Нью-Кробюзона. Это были останки насхорна – носорога в панцире из железа, переделанного в танк для действий на равнине: двухэтажный, с поднятыми стволами пушек на крупе, с шеей, усиленной поршнями, вместо рога – огромное сверло. Насхорна взорвали и изувечили крестьянскими орудиями. Вокруг валялись потроха и механизмы.

Там же лежали шестеро погибших милиционеров. Знакомая форма странно смотрелась среди этого зловещего пейзажа. Их зарезали. На земле лежали брошенные серпы виноделов.

Вся страна кишела пожирателями падали. Похожие на лисиц твари рылись в земле в поисках мертвечины. Ночью путников разбудил выстрел Дрогона.

– *Упырь*, – шепнул он каждому по очереди.

Ему не поверили, но наутро все увидели труп: бледный, как выходец из могилы, обезьяноподобный, с широким зубастым ртом, на безглазом лбу – засохшая кровь.

Дорога вела на север, стало прохладнее, но не намного. На жаре, среди упырей, трупов и одуряющей вони гниющих плодов и дыма, в стране, превратившейся в страшный призрак самой себя, Каттеру казалось, будто он пробирается окраинами какого-то ада.

Несколько дней они карабкались по отвесным каменным стенам, и вот на севере вдруг замаячили покрытые лесом холмы. Иуда обрадовался.

– Нам туда, – сказал он. – Там кончается вельд; это граница земли Галаджи.

Израненная после прохода милиции земля осталась позади. Отряд миновал зону примитивного земле- и виноделия, ту полосу в несколько десятков миль шириной, которая еще недавно заслуживала названия страны, а теперь лежала в руинах. Теперь воздух стал влажным, а путь пролегал через приветливые округлые холмы медно-красного цвета. Шел теплый слабый дождь – вирга, который высыхал, не достигая земли.

То были места, которые посещали одни мудрецы древности да странники. В Нью-Кробюзоне ходили разные слухи об этих невиданных краях, где среди лета сохранялись островки льда, термиты размером с собаку строили города, а облака спрессовывались в гранит. В пальницу запах гари снова защекотал путникам ноздри. Вскарабкавшись по склону холма, где из-под их ног сыпался щебень, они увидели, что от леса их отделяет полоса заросшей кустарниками земли и на этой земле прямо перед ними что-то горит. У всех вырвались крики изумления.

Всего в нескольких милях от них. Хелона. Ее титанические ноги были раздвинуты, грудной щиток прижат к земле. Панцирь вздымался, как гора, опоясанная стеной из кератина, а выше громоздились наслоения костной ткани, которые человек из поколения в поколение превращал в башни и подвесные мосты. Гигантская черепаха была больше ста ярдов в длину и жила так долго, что на ее спине возникло целое многоярусное поселение с зубчатыми стенами. Хрупкие наросты на панцире превратились в жилые кварталы, шпили, зиккураты, колокольни, соединенные висячими мостами и пронизанные лабиринтами улиц и тоннелей; и все в них – мягкие изгибы на месте углов, причудливые плоскости стен, мостовые, облицовку – покрывал пестрый черепаховый узор. Хелона была мертва и горела.

В воздухе пахло паленым волосом. Над панцирем жирными клубами поднимался дым. Из раскрытой пещерообразной пасти текла кровь и другие жидкости.

Поверженную черепаху окружали нью-кробюзонские крепости на колесном и гусеничном ходу, а также передвижные орудия. Два насхорна с экипажами, командиры в низких креслах сидят на шеях у носорогов, держа ручки управления, соединенные напрямую с нервными узлами животных. Милицейская пушка, причинившая такие разрушения, наверное, была мощнее, чем казалась.

Пешая милиция двигалась прямо на путников. Они преследовали колонну беженцев, спасавшихся из развалин черепашого города.

Дрогон и Иуда вели отряд через кусты, как вдруг раздалось отрывистое «кхе-кхе-кхе» и тут же – крики людей и свист пуль. Бросившись на землю, они лежали неподвижно, пока не убедились, что пули предназначены не им, и тогда поползли к подножию холма, где скрылись за глиняной баррикадой. Выше, под прикрытием деревьев, залегла цепочка подавленных страхом беженцев. Не все были людьми. Одни прятались за поваленными стволами или в ямах, другие побежали. Их крики ужаса терзали слух.

На вершине холма занял позицию отряд милиционеров. Их было едва видно. Офицеры припали к картечницам; тут же налетел шквал грохота и пуль, и многие беженцы попадали.

Каттер в ярости смотрел на происходящее. Новые пули взрыли землю, умирающие задержались в попытке отползти. Один хелонянин поднес что-то к губам, раздался тонкий свист, где-то высоко в небе закричали, и милиционеры споткнулись о магию свистка.

Дрогон наблюдал за вершиной в подзорную трубу. Иуда повернулся к нему и в ответ на его шепот воскликнул:

– *Что* она делает?

На холме раскинуло черные кожаные крылья нечто, сооруженное из проволоки и темной кожи, ростом выше человека. Раздались щелчки, будто раздвигали что-то металлическое. В несколько приемов конструкция раскинулась, словно пюпитр. Воздух загудел – началась магическая церемония: женщина-офицер сделала несколько пассивов, раздавался треск, и проволочно-кожаная машина тронулась с места.

Запрокинув голову со стеклянными глазами, существо дважды взмахнуло кожаными крыльями, взмыло в воздух и понеслось к холму, где скрылись галаджиты. Его конечности походили не на руки или ноги, а на продолговатые клинки, острые и блестящие. Тварь потеряла ими друг о друга со звуком натачиваемых ножей.

Уродливая кукла летела к прятавшимся беглецам. Иуда вытаращил глаза, а потом заговорил, едва не захлебываясь от ярости и презрения.

– Полуфабрикат, – сказал он. – А еще тупее придумать не могли?

Выпрямившись во весь рост, он шагнул на вершину пологого холма; Каттер тут же пошел за ним и прицелился.

Летучий милицейский убийца пролетел над ранеными, завывающими от страха, и настиг человека со свистком. Тот выдавил еще одну слабую ноту, но в твари не было жизни, которую можно было отнять. Она вонзила в человека свои клинки, несчастный закричал и умер, истекая кровью.

Иуда зарычал. Каттер выстрелил вверх, чтобы прикрыть его. Иуда завыл и впился глазами не в летающий ужас, а в женщину, которая им командовала. Проволочная штуковина оторвалась от останков своей жертвы и взмахнула рукотворными крыльями. Иуда набрал полную грудь воздуха, словно готовясь ринуться в бой.

Никто не стрелял. Все, даже перепуганные галаджиты, смотрели, как кожаная птица пикирует на Иуду, раскинув ножи-крылья. Каттер выстрелил, но не мог сказать, попал он или нет.

Иуда поднял с земли горсть пыли и камней. Его рык стал громче и перешел в вопль, когда тень нависла над ним.

– Против меня? – Его голос потрясал своей мощью. – Голема – против *меня*?

Совсем по-детски Иуда швырнул заряженной пылью в чудовище. Последовал ошеломляющий энергетический взрыв. Голем сразу же камнем устремился вниз – сила, заставлявшая его лететь, исчезла.

Иуда стоял над грудой покореженного металла, который покинула заимствованная жизнь. Несколько мгновений стояла тишина. Иуду трясло от злости. Он ткнул пальцем в вершину холма:

– *Голема – против меня?*

Картечная нацелилась на Иуду, но раздались ружейные выстрелы, управлявший ею милиционер вскрикнул и погиб от руки невидимого Дрогона. Внезапно воздух прошили десятки пуль из винтовки Дрогона, мушкетона Помроя, револьверов Элси, Каттера и напуганной милиции.

Иуда шагал сквозь канонаду. Низким басом он выкрикивал какие-то слова, но Каттер ничего не мог разобрать – он бежал за Иудой, чтобы прикрыть его. Вдалеке нью-кробюзонские милиционеры кричали и беспорядочно палили с холма вниз. Иуда Лёв достиг кургана, сложенного из тел галаджианских мертвецов.

Чародей просунул руку между трупов и рявкнул. Все взволновалось кругом, когда мировую энергию пустили в новом направлении; мгновение застыло, разбухло и разразилось невиданным. Куча трупов встала, превратившись в голема из плоти; он двигался, хотя нервы внутри тел давно омертвели.

Гора мертвого мяса, истекая не остывшей еще кровью, зашагала по полю боя. Своими очертаниями голем лишь отдаленно напоминал человеческую фигуру: пять или шесть тел сли-

лись в одно, складываясь без разбора, как попало. Ногами голему служили коченеющие трупы: у одного, перевернутого, голова стала ступней нового существа, при каждом шаге все больше расплющиваясь – до полной неузнаваемости. Туловище было собрано из рук и костей; одни мертвецы стали руками, другие – головой, и создание с ужасающей скоростью несло вверх по холму, теряя по дороге куски самого себя. Его путь отмечали вопли виноградарей, разглядевших в этой жуткой пародии на человека своих детей и возлюбленных. Позади голема шагал Иуда, излучая энергию, которая сверхъестественной пуповиной соединяла его с монстром.

Милиционеры на холме не могли бежать и стали отстреливаться, когда голем из мертвецов добрался до них. Куски плоти сыпались с него, пока он взбирался на вершину, а там солдаты Нью-Кробюзона еще больше обезобразили голема огнем из винтовок и картечных. Но он все равно успел измолотить их до смерти и размазать по земле. Удары наносили тела мертвых мужчин и женщин, превращенные в его кулаки.

Когда на вершине холма все стихло и последний солдат упал замертво, голем перестал существовать. Составлявшие его трупы рассыпались по земле.

Мертвые милиционеры носили камуфляж, украсив его отрезанными ушами, вырванными зубами и какими-то нашивками, обозначающими, сколько убитых на счету их носителя. Все до единого были в масках.

Двое выжили. Один, контуженный свистом, бредил, мечась в сверхъестественной лихорадке, которой наградил его волшебный свисток; другому пуля из мушкетона Помроя раздробила кисти рук, и он визжал, не сводя взгляда с кровавого месива на месте пальцев.

Дрогон обшаривал трупы. Главные силы – те, что у хелоны, – скоро опомнятся и пошлют разведчиков узнать, что произошло с их карательным отрядом.

Иуда устал. Сооруженный им голем – такой большой и так быстро возникший – отобрал у него много сил. Он обыскал убитую капитаншу-чародейку, чьего раздвижного голема он с такой легкостью дезактивировал. Ее снаряжение – батареи, сосуды с химикатами и колдовской камень – он забрал себе.

Иуда избегал встречаться с Каттером взглядом. «Стесняется своей выходки», – подумал тот. Иуда, который поднимался на холм, точно некий разгневанный дух, Иуда, который наделил мертвых подобием жизни. Иуда, големист с непревзойденным могуществом и опытом: с тех пор как Война конструкторов вынудила богачей расстаться с механическими слугами, он сколотил на своем искусстве целое состояние. Но до этой смертоносной прогулки Иуды с големом Каттер никогда не видел, чтобы его товарищ демонстрировал свою мощь, а тем более упивался ею.

«Голема – против меня?» Ярость вспыхнула в Иуде на удивление быстро, и теперь он пытался стусеваться.

Беглецы следили за ним. Среди них были люди с хелоны – мужчины и женщины с кожей разных цветов, в одеждах удивительного покроя. Были жуки ростом с ребенка, ходившие на задних лапах. Они смотрели радужными глазами, протягивая усики к Каттеру. А мертвые жуки лопались с сухим треском, забрызгивая все вокруг сукровицей.

Среди людей выделялись носившие простую одежду охотников. Они были выше хелонян, их кожа отличалась холодным серым оттенком.

– Виноградари, – догадался Каттер.

– Дважды беженцы, – отозвалась Элси. – Они, наверное, сбежали от милиции на черепаху, а теперь снова вынуждены бежать.

Один из виноградарей заговорил, и путникам с хелоньями долго пришлось перебирать разные языки, прежде чем они обнаружили несколько общих слов. Пока беженцы, поднимая пыль, уходили через кустарник к теплему лесу, Дрогон обыскивал поле боя, а Иуда отдыхал. За их спинами всхлипывали раненые милиционеры.

– Нам пора, – сказала Элси.

Они продолжили путь вместе с последними хелоньянами, группой молчаливых людей-насекомых и двумя беженцами-виноделами и вошли в лес. Позади трясся и бушевал в колдовской лихорадке нью-кробюзонский милиционер.

Этот лес совсем не походил на Строевой. Здешние деревья были тверже, их опутывали лианы, ветви гнулись под тяжестью мясистых листьев и темных незнакомых плодов. Кричали неведомые животные. Испуганные, растерянные хелоняне смотрели на Иуду с нескрываемым отчаянием. Им не хотелось покидать могущественного человека, который их спас. Но в отличие от Каттера и его компаньонов, ставших за время пути отличными ходоками, хелоняне двигались неуклюже, и путников это злило.

Медлить было нельзя, и они обогнали беженцев, которые не выдержали ритма, заданного сухощавыми, тренированными телами путешественников. Каттер знал, что милиция бросится за отрядом в погоню и тем, кто отстанет, несдобровать, если их обнаружат. Но он слишком устал, чтобы мучиться угрызениями совести.

Ни слова не говоря, люди-насекомые нашли в лесу свои тропы и двинулись по ним. К ночи с путниками остались лишь виноделы, обладавшие выносливостью охотников. Наконец, когда хелоняне совсем отстали, решено было сделать привал. Странная то была компания – виноделы и Каттер с товарищами разглядывали друг друга за ужином, с молчаливой приязнью подмечая различия.

В первые два дня их преследовал грохот военных машин. Потом все стихло, и много дней путники шли в тишине, однако были уверены, что погоня не отстала, а потому не сбавляли шага и старательно замечали следы.

Виноделы – Бехеллуа и Сусуллил – шли с ними. Они часто впадали в тоску и лили слезы, в основном по привычке, оплакивая потерю своих животных-кормильцев. Вечерами они подолгу нараспев разговаривали у костра, нисколько не смущаясь тем, что спутники их не понимают. Иуда переводил обрывки их бесед.

– Что-то про дождь, – говорил он, – а может, про гром... а еще про змею, луну и хлеб.

У Элси был спирт; виноделы напились и станцевали историю. В какой-то момент они исполнили сложный двойной хлопок и обернули к зрителям новые лица: волшебство, передававшееся в их роду из поколения в поколение, превратило их в игривых чудовищ, придав зубам сходство с клыками. Под действием заклинания их уши вытянулись и стали похожи на крылья летучих мышей.

Виноделы спрашивали путников, куда те идут. Иуда говорил с ними на смеси разных языков и пантомимы. Каттеру он объяснил, что сказал виноделам, будто странники ищут друзей, некий миф, то, что потерялось, но что они должны спасти, чтобы оно в один прекрасный день спасло их, – одним словом, Железный Совет. Виноделы глазели на него, ничего не понимая. Каттер не мог взять в толк, почему они не уходят. Вечерами виноделы и путники учили отдельные слова из языков друг друга. Каттер пристально смотрел на Сусуллिला и видел, что тот поймал его взгляд.

По утрам шел теплый дождь, как будто джунгли покрывались испариной. Путники прорубались через лианы и чапараль, отбиваясь от комаров и бабочек-вампилов. Ночами, едва сбросив рюкзаки, они падали на землю – грязные, измученные, в пятнах крови. Помрой и Элси закуривали и сигарами прижигали пиявок.

Рельеф менялся, и с ним менялся лес, постепенно переходя в горы; делалось прохладнее. Деревья становились ниже. Появились ибисы и нектарницы. Виноделы ловили и пекли древесных крабов. Бехеллуа чуть не погиб – королевский панголин хлестнул его ядовитым языком. Изредка, когда кто-нибудь выбивался из сил, Дрогон просил разрешения пошептать ему. Все,

кроме Помроя, соглашались, и человек передвигал ноги, повинуюсь неслышному для остальных приказу.

– Ты знаешь, куда мы идем, Иуда?

Иуда кивал Каттеру, совещался с Дрогоном, снова кивал, но от Каттера не ускользала его тревога. Он то и дело сверялся с компасом и отсыревшими картами.

Каттер внезапно ощутил страшную усталость, словно Нью-Кробюзон был кандалами, которые везде приходилось таскать на себе, словно любое незнакомое место было отравлено воздухом родного города.

Помрой и Элси снова стали заниматься любовью. Иуда спал один. Каттер слушал и заметил, что Бехеллуа и Сусуллил тоже слушают, а потом с изумлением увидел, как они, посоветовавшись тихонько на своем языке, сели и начали без всяких церемоний мастурбировать в такт, трогая друг друга. Увидев, что на них смотрят, виноделы прервались, и Сусуллил жестом предложил Каттеру присоединиться, после чего тот поспешно закрыл глаза.

Утром Бехеллуа исчез. Сусуллил пустился в объяснения.

– Ушел в город на деревьях, – перевел Иуда после нескольких попыток. – В лесу есть город. Туда уходят все, кого прогнала с насиженных мест милиция. Все, кто выжил во время бойни в деревнях виноделов, хелоняне, кочевники из вельда. Город всех изгнанников в лесу. Там они нашли бога, который может дать ответ на любой вопрос. Сусуллил говорит... Бехеллуа пошел, чтобы рассказать им... про нас.

«Про тебя, – подумал Каттер. – Про то, что ты сотворил. С милицией. Ты становишься легендой. Даже здесь».

– А он почему остался? – спросила Элси.

– Иуда вдохновил его, вот и все. Как вдохновляет нас всех, – ответил Каттер спокойно, без иронии.

Каттер шагал по пятам за Сусуллилом. К вечеру они вышли на прогалину, и если бы не Сусуллил, который отпихнул его в сторону, Каттер врезался бы в замшелые кости, выдававшие присутствие дерева-живоглота. Его гибкие, как ивовые прутья, щупальца были опущены и покрыты папоротниками, точно шипами. Каттер не мог сказать, какому животному принадлежали кости, только видел, что среди них есть и свежие, без наростов.

Какой-то человек – обитатель лесной чащи – сидел на нижних ветвях дерева. Его голова и плечи скрылись в зарослях. Болтавшиеся ноги раскачивались и пинали воздух: дерево занималось перевариванием. Сусуллил приблизился к нему, и Каттер взвыл.

Растение-хищник протянуло к охотнику сучья-щупальца, которые, казалось, раскрылись в движении, хотя это могло быть всего лишь случайным шевелением листы. Винодел упал на землю, подкатился к стволу и взмахнул серпом, потом сделал кувырок назад и выполз из тени дерева-анемона. Ноги пойманного в ловушку жителя лесов продолжали содрогаться.

– Ох, какая гадость, – сказала Элси.

Сусуллил держал в руках срезанный им плод. Маленький, коричневый и комковатый, он отдаленно напоминал человеческую голову. Из всех плодов Сусуллил выбрал тот, который вырос после поглощения человека.

«Еще одно культурное различие», – подумал Каттер вечером. Все собрались вокруг костра, Сусуллил поедая свою добычу. Помрой, и Элси, и даже тихий Иуда не скрывали своего омерзения. Для них это было все равно что лакомиться собачьими какашками. Каттера затошнило, когда Сусуллил откинулся назад и улегся поспать и переварить жуткий плод – выжимку из покойника. Прежде чем закрыть глаза, Сусуллил украдкой бросил на него взгляд.

Помрой и Элси легли, а Иуда с Каттером задержались у огня. Когда Каттер наконец пошел ложиться, то поймал на себе одобрителный взгляд Иуды и понял, что тот знает о его намерениях. Его охватил знакомый прилив чувств.

Каттер дождался, пока все вокруг ровно засопят во сне и лагерь зальет лунный свет. Когда он разбудил Сусуллила и впился губами в его губы, вкус мертвеца перешел с языка винодела на его собственный.

Глава 12

А потом солнечные лучи прорвали густой, перевитый лианами полог. Элси с Помроем увидели Каттера, лежащего рядом с Сусуллилом. Ни слова не говоря, избегая встречаться с ним глазами, они начали собираться.

Если Сусуллил и уловил их смущение, то хорошо скрыл это, равно как и свою симпатию к Каттеру, которая, казалось, улетучилась вместе с ночью. Пока Каттер скатывал одеяло, служившее им подушкой, к нему подошел Иуда и тихо, благостно улыбнулся – благословил.

Каттер вспыхнул, сглотнул и перестал укладывать вещмешок. Потом приблизился к чудодею и тихо, чтобы не слышали другие, сказал:

– Я и раньше не нуждался в твоём долбаном одобрении, Иуда, а теперь и подавно.

Все было как в Нью-Кробюзоне, когда он, ведя к себе мужчину, встречал Иуду где-нибудь по дороге – в Кипарисовом квартале или в старой крепости близ площади Сэлом. Однажды Иуда пришел в День Спасения, ранним утром, и дверь ему открыл молодой чернявый мальчик, с которым Каттер проснулся в одной постели. Как и всегда при виде партнеров Каттера, Иуда удовлетворенно, даже одобрительно, улыбнулся, и улыбка не сошла с его лица, когда Каттер отодвинул мальчишку и встал перед Иудой, закрыв за собой дверь.

Выходя на охоту, Каттер невольно оглядывался: не наблюдает ли Иуда за ним из-за угла?

Каттер воображал себя художником, музыкантом, писателем или автором вольнодумных статей, человеком скандальной репутации, обитателем Салакусских полей, а был всего-навсего лавочником. Лавочником из Барсучьей топи, чьи клиенты – сплошь книжные черви. Барсучья топь была тихим и странным районом; страсти, знакомые его жителям, были совсем не те, что у божественных обитателей южного берега.

В Барсучьей топи колдуны-вероотступники могли распахнуть дверь там, где ее вроде бы не было. Иногда от них сбегали существа из магической плазмы, и тогда пребывание на улицах становилось смертельно опасным, а дебаты мыслителей всегда могли закончиться метанием друг в друга суб-ионов с бледным зарядом. Барсучья топь была районом историческим и не лишенным некоторой привлекательности, однако найти там мужчину было решительно негде. Поэтому когда в тавернах южного берега Каттер замечал знакомые по Топи лица, то делал вид, будто не узнает их, и они отвечали тем же.

Каттер презирал и трансвеститов в нижних юбках и макияже, и украшенных цветами эстетов-извращенцев, которые встречались по ночам на Салакусских полях. Насупившись, он шагал по каналам на границе района Пей-и-пой мимо мужчин-проституток, с которыми он не разговаривал. Не ходил Каттер и в притоны, гнушаясь брать напрокат чью-нибудь задницу. Кончилось то время. И лишь изредка он посещал припортовые районы, где матросы, предпочитавшие не гнуть спину в море, а зарабатывать своим телом, ловили мужчин.

Вместо этого, крайне редко, он позволял себе затеряться в толпе и проскользнуть незамеченным в таверну – из тех, которые не так-то просто отыскать, где в полупустых комнатах у скудных баров сидят в клубах дыма старики, жадно разглядывая каждого новопришедшего, где одни мужчины собираются группами и хохочут чертовски громко, а другие чурятся компании и весь вечер не поднимают глаз, где все женщины – это мужчины, то есть трансвеститы, или бывшие мужчины, то есть переделанные, чей пограничный статус притягивает кое-кого.

Каттер был осторожен. Он предпочитал не самых привлекательных: вдруг красавец окажется милиционером или подсадной уткой из отдела по борьбе с распущенностью, который с потрохами сдаст Каттера своим друзьям, а те забавы ради назначат специальное наказание в виде побоев и изнасилования.

Ненавидя Топь и чувствуя себя из-за этого деревенщиной, Каттер ждал, когда там появится подходящий человек, решив быть разборчивым и ничего не стыдась.

Двенадцать лет прошло с тех пор, как Каттер повстречал Иуду Лёва. Ему было тогда двадцать четыре, и что-нибудь все время выводило его из себя. Иуда был старше на пятнадцать лет. Очень скоро Каттер полюбил его.

Они редко трогали друг друга. Не чаще нескольких раз в год Иуда Лёв уступал настойчивым просьбам Каттера, не дожидаясь, пока они перейдут в мольбу. Сначала это случалось с известной частотой, но со временем уговорить Иуду становилось все сложнее и сложнее. Каттеру казалось, что причиной всему не убывающее влечение Иуды, и без того не слишком сильное вначале, а что-то более сложное, чему он не в силах был подобрать названия. Каждый раз, занимаясь с Иудой любовью, Каттер не мог избавиться от ощущения, будто тот снисходит до него. Его это бесило.

Он знал, что у Иуды были женщины, а возможно, и другие мужчины, но, судя по тому, что он слышал и представлял, Иуда встречался с ними тоже нечасто и вряд ли с большей охотой. «Сейчас я заставлю тебя поорать», – думал Каттер, пока они потели в объятиях друг друга. Страсть самого Каттера в таких случаях граничила с насилием: «Ты у меня получишь». Здесь крылась не жажда мести, а отчаяние: Иуда был с ним доброжелателен, но не более того.

Иуда учил Каттера, вкладывал деньги в его дело, ввел в Союз. Когда Каттер понял, что близость всегда будет между ними лишь актом возвышенной дружбы, продиктованным грешной и святой щедростью, *подарком* Иуды, он попытался прекратить их отношения, но не вынес тяжести воздержания. Взрослея, он оставил привычку огрызаться по всякому поводу, но был в нем некий гнев, от которого избавиться не удалось. Частично его гнев, как члена Союза, был направлен против парламента. Частично – против Иуды Лёва, несмотря на пылкую любовь Каттера к нему.

– Каттер, хавер, – обратился как-то к нему Помрой. – Прости, что спрашиваю, я ничего такого не имею в виду, но ты, часом, не... гомо-па-лон?

Сленг давался Помрою с трудом. Слово было не ругательное, скорее даже ласкательное, пригодное для непринужденного общения. Каттеру хотелось поправить его и сказать: «Нет, я педераст», но он передумал, решив, что это было бы уж слишком претенциозно и жестоко.

Все хаверим знали об этой особенности Каттера, но никто его не осуждал – по крайней мере, открыто. Напротив, раз или два ему откровенно сказали, что настоящий мятежник не может судить искалеченную жертву извращенного общества. Сам он никогда не заговаривал об этом, но, видит Джаббер, извиняться или прятаться тоже не собирался.

Все знали, что Иуда спит с ним, но, к ярости Каттера, никто не ходил вокруг да около его старшего товарища с осторожными намеками, даже в те дни, когда они появлялись на собраниях, поменявшись одеждой.

– Это же *Иуда*.

Секс переставал быть сексом, как гнев переставал быть гневом, а стряпня – стряпней, если речь шла об Иуде. Каждый его поступок был словно взвешен на весах какой-то загадочной добродетели. Каттер был извращенцем, но Иуда Лёв был просто Иудой Лёвом.

Элси с Помроем стали стесняться Каттера. Но в пути неловкости не место: скоро они уже протягивали ему руки и тащили его, или он их, по скользкому, покрытому переплетением корней берегу.

На Сусуллила произошедшее почти не подействовало. Казалось, он не жалел о ночи с Каттером, но продолжения не просил. Каттеру хватило самокритичности, чтобы усмотреть в ситуации смешную сторону. Три ночи подряд он ходил к нему. Совокупления давались

нелегко, Каттеру приходилось привыкать к наклонностям своего партнера. Сусуллилу нравилось целоваться: этому занятию он предавался с пылом новообращенного. Но дальше ласк руками дело не шло. Попытка Каттера поласкать его языком вызвала в нем откровенное отвращение. А когда Каттер подставил кочевнику свой зад и тот понял, чего от него хотят, то своим хохотом перебудил весь лагерь, и остальные лежали, притворяясь спящими.

Путники начинали привыкать к незнакомой фауне. Грибы-многоножки скользили по стволам деревьев, точно слизни, не то расплзаясь по коре, не то вырастая из нее. С безумной скоростью проносились мимо обезьяноподобные существа, которых Помрой прозвал «адскими мартышками», – их конечности в непредсказуемом количестве росли из соединенных хребтов.

– Вы знаете, где мы, или нет? – спрашивал Каттер Иуду и Дрогона.

Лес редел. Дождь не прекращался, но стал прохладнее. В воздухе висел туман, а не пар.

– *Мы держимся троп,* – отвечал Дрогон.

«А куда эти тропы ведут?» – подумал Каттер.

Услышав чьи-то шаги, путешественники вскинули ружья, но тот, кто шел им навстречу, не прятался и криком предупредил о своем приближении; Сусуллил прокричал что-то в ответ и рванул вперед. Когда остальные нагнали его, он уже радостно жал руку Бехеллуа, из-за спины которого вежливо и осторожно кивали двое оробевших мужчин в лесном камуфляже.

Возвратившийся пастух улыбнулся путешественникам. Земляки погрузились в беседу.

Наконец Сусуллил повернулся ко всем, но заговорил только с Иудой, тщательно подбирая слова, хотя теперь остальные тоже могли его понять.

– Он пришел из лесного города, – сказал Иуда. – Им нужна помощь. Там какая-то опасность... она их уничтожает. Бехеллуа рассказал им о нас, о том, что мы сделали. Они думают, что у нас есть сила. И они предлагают нам кое-что взамен. Если мы им поможем... – Он снова стал слушать. – Если мы поможем им, их бог поможет нам. Даст нам то, что мы ищем. Они говорят, что их бог покажет нам путь к Железному Совету.

Скрытоград оказался горсткой домишек посреди поляны. Каттер меж тем уже представил себе мегаполис на деревьях, где люди перебираются с кроны на крону по веревочным мосткам, а ребятишки по лианам скатываются вам на голову из-под лиственного полога.

Вокруг поселка сохранились остатки частокола. Обитатели Скрытограда в одеждах цвета листвы высыпали навстречу путешественникам. Всюду виднелись в основном просмоленные или прорезиненные палатки. Попадались, кроме того, покосившиеся деревянные хижины, рядом с каждой – сырые дрова и мусорная яма. Жили тут большей частью люди, но кое-где по грязи суетливой пробежкой двигались двуногие жуки ростом с ребенка.

Эти жили в своих кварталах на окраинах и были своего рода фермерами. Они пасли миллионные стада насекомых, арахнидов и артроподов, выводили одно быстро сменяющееся поколение за другим, пока не получали бесчисленную армию муравьев размером с булавоочную головку, многоножек длиной в фут и множество разновидностей нелетающих ос. Только им ведомыми путями они превращали своих питомцев в стены, мягко спрессовывая, склеивая и выравнивая живую массу так, чтобы хитиновые оболочки заключенных в ней существ делались чем-то вроде штукатурки. Так они строили бунгало и обустроивали норы, не забывая подкармливать свой строительный материал, чтобы составляющие его насекомые не умирали, но притирались вплотную друг к другу, утопали друг в друге и сливались друг с другом, образуя архитектурные сооружения, целое гетто из живых домов.

Человеческое население Скрытограда говорило на смешанном языке, образованном преимущественно из разных диалектов Галаджи с небольшими вкраплениями тешского. У них был вождь с замашками убийцы; Каттер видел, что он знает о своей посредственности и нервничает, оказавшись волею судеб в роли правителя.

Каттер решил, что те беженцы, которые в состоянии позаботиться о себе, в этом поселении не задерживаются. Скрытоград был местом встречи утративших надежду. Неудивительно, что они отчаялись, как неудивительно и то, что стали кормом для какой-то твари.

Бормоча приветствия и кланяясь с напускной любезностью, жители проводили путешественников в низкое длинное строение с вышкой из обтесанных кольев. Строение оказалось церковью, где на стенах были вырезаны или вытравлены символы. Внутри стояли столы, на них лежали узкие полоски зеркал и папирусные свитки. И еще – облачение из тонкой черной шерсти. Вождь оставил путников, а сам ушел.

Несколько секунд все молчали.

– Какого черта мы сюда приперлись? – сказал Каттер.

Эхо было ему ответом; по углам заматались невесть откуда взявшиеся тени. Каттер заметил, как вздрогнула Элси. Путники сбились в кучу, спиной к спине.

– Здесь что-то есть, – прошептала Элси. – Что-то внутри...

– Я здесь.

Гортанный голос походил на рык. С быстротой бывалых солдат путешественники бросились на пол и стали ждать.

– Кто ты? – спросил Иуда.

– Я здесь. – В голосе слышался акцент, речь была вязкой, точно слова застревали в глотке. Что-то мелькнуло, но слишком быстро, чтобы различить. – Полагаю, вас привели сюда за благословением. Одну минуту. Да, именно за этим. И еще за инструкциями. Вы будете охотиться для них.

Дрогон указал на стол. Шерстяное облачение исчезло.

– Ты говоришь на нашем языке, – заметил Каттер.

– Я малый бог, но все же бог. А вы – воины. В этом все дело, понимаете ли. Вы ощущаете себя *воинами*?

Казалось, будто голос сочится из стен, доносится со всех сторон сразу.

– Да, они так считают, – сказал Помрой. – А что в этом плохого?

Он медленно озирался – воинствующий безбожник в присутствии божества. Дрогон все заметнее вертел головой, шевеля губами.

– Ничего, – отозвался голос. – Совсем ничего. Только... нечего тебе тут время тратить. У тебя, ммм, у тебя ведь есть дочка от одной шлюхи в местечке под названием Устье Вара. Так что иди. Этот город обречен. Спасешь его от одной напасти, другая навалится.

Помрой то открывал, то закрывал рот. Элси наблюдала за ним. Ее лицо было неподвижно.

– А ты тогда почему здесь? – спросил Каттер.

– Потому что это мой город, который я велел им построить. Я им нужен. Ммм, а ты, ты сомневаешься в Союзе, не так ли, лавочник?

Каттер был поражен. Остальные смотрели на него. Голова Дрогона резко качнулась вперед. Он сделал такое движение, будто плюнул. Бестелесный голос вдруг задохнулся. Послышалась возня, что-то упало, кого-то стало тошнить, все вокруг содрогнулось, и вдруг, дрожа от напряжения, из-за стола поднялся кто-то в клобуке: худое, покрытое глубокими морщинами желтое лицо, бритая голова, испачканный блевотиной рот, перепуганные глаза.

Она или он постояло с минуту, трясаясь, точно от стужи, потом согнулось в приступе рвоты и побежало через всю комнату к столбу, за которым скрылось из виду. Каттер бросился за ним, Помрой – наперерез, но они столкнулись, никого не обнаружив. Человек исчез.

Голос зазвучал снова, гневный и боязливый.

– Не смейте больше *так* поступать со мной, – сказал он.

Дрогон зашептал Каттеру на ухо:

– Я нашел его. Вычислил, где он прячется, и приказал шепотом. «Перестань читать», – сказал я ему. И велел: «Покажись».

– погоди, мастер, – перебил его Каттер. – Эй, бог недоделанный! – крикнул он вслух. – Как тебя зовут? И почему ты говоришь по-нашему? Кто ты?

Мгновение стояла тишина. Каттер уже начал думать, что человек сбежал, воспользовавшись плащом-невидимкой. Но вот незнакомец заговорил, и Каттер сразу понял, что тот сдался, и не без облегчения.

– Я говорю на рагамоле потому, что учился читать на нем, чтобы постигать скрытый смысл ваших книг. Сюда я попал... как все, просто бежал. Я беженец. Ваша милиция обходит Теш стороной, до поры, но на равнине Катоблепаса они уже побывали. Они атакуют наши города и форпосты. Монастыри Теша. Я монах. Я служу Мгновению Утраченного. Мгновению Сокровенного.

Милиция бесчинствовала в окрестностях Теша. Горожане заперли ворота и до краев наполнили все рвы. Монастырь стоял вне городских стен, в заросшей вереском ложбине. Его не должны были тронуть.

Когда монахи узнали, что на них движется отряд переделанных рабов-убийц, то стали ждать подкрепления из Теша. Дни шли, а помощь все не прибывала; стало понятно, что их бросили. В панике монахи придумали беспорядочный план. В монастыре был храм, посвященный Горизонту Множественности, и братия делилась на группы, служившие каждой своему Мгновению, – теперь они должны были превратиться в бригады.

Одни жаждали боя, другие – мученического венца. Монахи Кадмера, Мгновения Исчислений, зная, что им не победить, залегли среди вереска в ожидании вражеских пуль. Монахи Заори, Мгновения Волшебного Вина, допились до предсмертных видений раньше, чем милиция успела приблизиться к ним. Но Мгновение Голубки послало своих птиц, чтобы те бросились в колеса милицеских механизмов и сломали их; Мгновение Исушения превратило кровь милиционеров в прах; Фарру и Теке Шезим, Мгновения Забытого Снега и Памяти, объединившись, породили метель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.